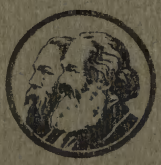
ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА



VI

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

Под ред. Д. РЯЗАНОВА

P. 1511

Выпуск XI. **Г. В. Плеханов.** Materialismus militans. (Воинствующий материализм). С предисловием А. Деборина. Стр. 131. Ц. 50 к.

Выпуск XII—XIII. **К. Маркс.** Нищета философии. Стр. 216. Ц. 1 р.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие редакции. Предисловие Ф. Энгельса к первому немецкому изданию и ко второму немецкому изданию. Карл Маркс о Прудоне (Из берлинского „Социал-демократа". 1865 г.). Предисловие К. Маркса. Нищета философии. Глава первая. Глава вторая. *Приложение.* Письмо К. Маркса к П. В. Анненкову. Примечания. Указатель имен.

Выпуск XIV. **Фридрих Энгельс.** Людвиг Фейербах. С предисловием Н. Карева. Стр. 168. Ц. 65 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие Н. Карева. Предисловие Г. В. Плеханова к первому изданию и ко второму изданию. Предисловие автора. Людвиг Фейербах. Страницы из черновой рукописи „Людвиг Фейербах". Тезисы о Фейербахе. Примечания Г. В. Плеханова. Библиографические указания. Указатель.

Выпуск XV. **К. Маркс.** Письма к Кугельману. (Печатается).

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ МАРКСИЗМА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

Д. РЯЗАНОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

Томы I и II

(ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ)

Ф. ЭНГЕЛЬС

АНТИ-ДЮРИНГ

Редакция и вступительная статья Д. Рязанова

(ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ)

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А-16519 П. 19. Гиз 28036.
Заказ 1928. Тираж 3000 экз.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ МАРКС—ЛАССАЛЬ

ПЕРЕПИСКА ЛАССАЛЯ с БИСМАРКОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Назад к Лассалю!» С этим лозунгом выступил в 1900 г. Струве, когда он диалектическому материализму и «идеалистической» тактике Маркса противопоставил «несгибаемый идеализм» и «реальную политику» Лассаля.

Маркс был несправедлив к Лассалю, Маркс недооценил Лассаля,— повторяли на все лады русские струвисты.

При жизни Лассаля Маркс не выступил ни разу ни против его агитации, ни против его литературной деятельности. В «Капитале» он посвятил Лассалю одно примечание, чтобы подчеркнуть, что экономические взгляды автора «Капитал и труд» не тождественны с его взглядами. Только в 1891 г. было опубликовано Энгельсом знаменитое письмо Маркса о Готской программе, в котором теоретические взгляды и политическая тактика Лассаля подвергнуты были резкой критике.

Взгляды Маркса и Энгельса на политическую деятельность Лассаля были усвоены Бернштейном, который, однако, придал им местами карикатурную форму в биографии, написанной для редактированного им собрания избранных сочинений Лассаля. Когда он с 1896 г., освободившись от надзора Энгельса, начал свое стремительное шествие «назад» от Маркса, он «пересмотрел» и свои взгляды на Лассаля. Но как раз в это время ему пошел навстречу Меринг. Считая одной из своих главных задач реабилитацию Швейцера, самого талантливого последователя и ученика Лассаля, автор «Истории немецкой социал-демократии» вынужден был взяться и за реабилитацию Лассаля. Задача была очень трудная. Приходилось доказывать, что оппортунистическая политика, против которой Меринг выступал в настоящем, была единственно правильной в прошлом. Этим в значительной степени объясняется и то обстоятельство, что именно в 1898—1902 гг., когда ортодоксальные марксисты вели ожесточениую борьбу против теоретического ревизионизма, Меринг почти не принимал участия в этой полемике. Защищать и оправдывать тактику Лассаля и Швейцера значило нападать на тактику Маркса и Энгельса. Особенно решительно Меринг выступал в защиту Лассаля против Маркса в четвертом томе «Литературного наследства Маркса, Энгельса и Лассаля». Комментарий, которым Меринг снабдил опубликованные им письма Лассаля к Марксу, представлял апологию тактики Лассаля в эпоху 50-х годов и подготовлял апологию его тактики в начале 60-х годов. Wer A sagt, muss B sagen. Когда Меринг принял участие в издании переписки Маркса и Энгельса, он увидел к своему изумлению, что «старики» занимали в спорах Либкнехта и Бебеля (эйзенахцев) с Швейцером (лассальянцами) совершенно самостоятельную позицию, что они критиковали взгляды и тактику Либкнехта куда резче, чем это осмеливался, защищая Швейцера против нападок Либкнехта и Бебеля, делать в своей «Истории немецкой социал-демократии» сам Меринг. Но ведь тактика Швейцера была только продолжением тактики Лассаля? Каким же образом объяснить упорную вражду Маркса против Лассаля? И Меринг совершенно незаметно для себя сполз на точку

зрения «личностей» в истории. Поведение Маркса и Энгельса объяснялось только их личной антипатией к Лассалю. Меринг взял на себя неблагодарную задачу «защитить» Лассаля — как он в то же время сделал это и по отношению к Бакунину — от «несправедливых» нападок Маркса. Меринг начал восстанавливать «нарушенную справедливость». В известной статье «Ueber den Gegensatz zwischen Lassalle und Marx» («Neue Zeit», Band II, № 39, 27 июня 1913 г.) Меринг резко выступил против фанатических поклонников Маркса, к которым тогда принадлежал еще Каутский. Точка зрения Меринга, на которой он продолжал стоять и в своей биографии Маркса, вышедшей в 1918 г., нашла себе яркое выражение в следующей тираде:

«Пока солнце Маркса сияло на небе в полном одиночестве, еще можно было в строгом согласии с величайшей научной серьезностью и самым горячим интересом к нашему общему делу бросать вслед якобы превзойденному Лассалю самые грубые обвинения. Но с тех пор как только незначительная часть партии продолжает верить в милые сказки о всяких сделках Лассаля и Швейцера с Бисмарком, с тех пор как с образа Лассаля снимаются туманы и грозят в виде облак сгуститься вокруг солнца Маркса, с тех пор и грозное пение попов (Меринг имеет в виду тех, кто «клянется» Марксом) превращается в мягкую примирительную мелодию».

По мнению Меринга, со времени опубликования письма Маркса о Готской программе нельзя уже было отрицать тот «неприятный факт, что Маркс имел несправедливое суждение о личности Лассаля и совершенно не понял значения его деятельности». Переписка Маркса и Энгельса только укрепила Меринга в этом убеждении.

К сожалению, эта точка зрения Меринга нашла себе последователей в левом лагере немецкой социал-демократии, а после и среди коммунистов. Не желая быть «несправедливыми» по отношению к Лассалю, Меринг и его ученики становились «несправедливыми» по отношению к Марксу, обвиняя последнего в том, что он совершенно не понял значения деятельности Лассаля, но они этим только доказывали, что они имеют очень плохое представление о той противоположности, которая существовала между взглядами Лассаля и Маркса.

В чем упрекали Маркс и Энгельс Лассаля, почему они осуждали его политическую тактику?

Во-первых, Лассаль совершенно отрицал всякую преемственность со старой партией, с Союзом коммунистов, со всем предшествующим германским революционным рабочим движением. Конечно, это делалось отчасти потому, что Лассаль не хотел «компрометировать» новое рабочее движение. Но в чьих глазах? В глазах врагов рабочего класса Лассаль выступил в качестве «ликвидатора» старой партии.

Во-вторых, Лассаль в своей борьбе против прогрессистов, против либеральной буржуазии искал союза с феодальными и абсолютистскими элементами. Это было не только временное увлечение, крайность в пылу политической борьбы, это была система, ибо Лассаль добивался непосредственного практического успеха. Этим объясняются его отношения с Бисмарком, апостолом прусского юнкерства.

Ряд публичных заявлений, сделанных Лассалем в 1863 —1864 гг., заставляли Маркса и в особенности Энгельса относиться все с большей подозрительностью к агитации Лассаля. Знаменитая ронсдорфская речь, которая показала, что Лассаль в интересах своей «реальной политики» не останавливается ни перед какой лестью по адресу прусского короля, пресловутого «картечного принца». Даже Бернштейн, в корень изменивший свои старые взгляды на Лассаля, вынужден был в 1912 г. писать об этой речи, что «нельзя служить двум господам», что стремление так построить речь, чтобы она произвела желаемый эффект на «верхи», на деле привело к тому, что она получила совершенно цезаристский характер. «Эта речь,— продолжает Бернштейн, — является двойным провозглашением цезаризма: цезаризма в рядах партии и цезаризма в политике партии».

В письме к Кугельману от 23 февраля 1865 г. Маркс писал, что только после смерти Лассаля для него «обнаружилось, что Лассаль на деле предал партию». Лассаль «заключил форменный договор с Бисмарком (причем, конечно, никаких гарантий выполнения договора со стороны Бисмарка у него не было). В конце сентября 1864 г. он должен был отправиться в Гамбург с тем, чтобы... «принудить» Бисмарка к аннектированию Шлезвиг-Гольштейна, т. е. прокламировать это присоединение от имени «рабочих». Бисмарк с своей стороны обещал всеобщее избирательное право и некоторые шарлатанские мероприятия quasi-социалистического характера».

«Лассаль,— пишет дальше Маркс,— мог так сбиться с пути потому, что он был реальным политиком на манер господина Микеля, только более крупного калибра и с более широкими задачами... Подобно тому как Микель и его нынешние друзья ухватились за провозглашенную прусским принцем-регентом «новую эру», чтобы начать свою национально-союзническую шумиху и цепляться за идею «прусского главенства», подобно тому как они вообще стали развивать свою «гражданскую гордость» под прусским покровительством, точно так же и Лассаль хотел сыграть роль пролетарского маркиза Позы по отношению к уккермаркскому Филиппу Второму, Бисмарк должен был взять на себя роль сводника между ним и прусским королем. Он подражал только господам из Национального союза. Но если те призывали прусскую «реакцию» в интересах среднего класса, то он обменивался рукопожатиями с Бисмарком в интересах пролетариата. Те господа имеют постольку большее оправдание, чем Лассаль, поскольку буржуа привык рассматривать, как «реальность», то, что лежит перед самым носом, и поскольку этот класс везде заключил компромисс даже с феодализмом. Рабочий же класс по самой природе вещей должен быть честно «революционным». Для театрально-тщеславной натуры, как Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими пустяками, как теплые местечки, бюргермейстерская деятельность и т. д.), была соблазнительна перспектива крупного достижения непосредственно в интересах рабочего класса, которым последний обязан был бы Фердинанду Лассалю».

Счастливый случай — правда, случай, который не мог бы «случиться», если бы не было германской революции 1918 г.,— дает теперь возможность проверить суждение Маркса и Энгельса. Несколько месяцев тому назад в кабинете прусского премьер-министра, Отто Брауна, в том самом кабинете, в котором когда-то восседал железный канцлер, стоявший там с незапамятных времен сундук треснул по всем швам — просто от чрезмерной дряхлости. Оказалось, что в нем лежат различные официальные бумаги. Среди них нашлась переписка между Лассалем и Бисмарком. Отто Браун передал ее для опубликования Густаву Майеру, известному биографу Швейцера и Энгельса, а также издателю литературного наследства Лассаля. Благодаря любезности Густава Майера мы имеем возможность опубликовать наиболее важные документы на русском языке.

Трудно установить, каким образом в этот сундук попали и письма Бисмарка к Лассалю. Правда, их очень немного, да и по содержанию они не представляют никакого интереса. Важно, что Бисмарк не хотел себя ничем «компрометировать». Он предпочитал «слушать» и если высказывал свои взгляды, то только устно, с глазу на глаз, без свидетелей. Наоборот, Лассаль и много говорил, и много писал. До сих пор были известны только два письма Лассаля к Бисмарку. Во всяком случае Бисмарк считал почему-то для себя важным получить даже свои маленькие записки назад. Всего вероятнее, что это дело взял на себя пресловутый Лотар Бухер, сначала друг Лассаля и его душеприказчик, а после — один из наиболее преданных и ловких агентов Бисмарка.

Прежде всего вновь найденные письма Лассаля позволяют установить факт величайшей важности, который был до сих пор совершенно неизвестен. Даже Онкен, который особенно тщательно исследовал этот вопрос, предполагает в последнем издании своей биографии Лассаля, что первая встреча Лассаля с Бисмарком имела место в мае после основания Всеобщего германского рабочего

союза, т. е. после 23 мая 1863 г. Таких встреч не могло быть много; потому что Лассаль в конце июня уехал из Берлина и вернулся туда только в октябре. Бебель, который всегда доказывал, что инициатива этих встреч исходила от Бисмарка, считал, что они происходили осенью и зимой 1863—1864 годов.

Теперь мы знаем, что Бисмарк встретился первый раз с Лассалем еще до основания Всеобщего германского рабочего союза. Конечно, Бисмарку уже были известны выступления Лассаля против прогрессистов и его «Открытое письмо лейпцигскому комитету».

О чем именно шла речь 12 или 13 мая 1863 г., мы точно не знаем. В каком тоне и чем играл при этом Лассаль, лучше всего показывает его первое письмо, вместе с которым он посылает Бисмарку «конституцию моего государства, по поводу которой Вы, пожалуй, могли бы позавидовать мне».

Член Союза коммунистов, революционер, республиканец и демократ пишет самому злостному представителю прусского юнкерства, который только что — в начале июня 1863 г.— опубликовал свирепые правила против печати:

«Эта миниатюра послужит для Вас убедительным доказательством, что рабочее сословие в самом деле инстинктивно чувствует себя склонным к диктатуре, если только его можно будет надлежащим образом убедить, что эта диктатура будет осуществляема в его интересах, и до какой степени оно было бы ввиду этого склонно, несмотря на республиканские убеждения, или, лучше сказать, в силу последних, видеть в короне естественного носителя социальной диктатуры, в противоположность эгоизму буржуазного общества, если бы корона с своей стороны когда-либо могла решиться на, конечно, весьма мало вероятный шаг, а именно, если бы она пошла воистину революционным и национальным путем и превратилась из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию».

Бисмарк уже в первой беседе заявил Лассалю, что он «намерен убедить корону изменить политику, ввести всеобщее избирательное право и заключить союз с народом!»

Лассаль убеждает Бисмарка — а Васька слушает да ест! — что такие меры, как свирепое преследование всякой свободной печати, могут «сделать для Вас невозможным достижение Ваших собственных целей и совершенно невозможным всякий союз между короной и народом».

Как «враг, но открытый и честный враг существующей системы», Лассаль хочет, чтобы отстаиваемые им идеи восторжествовали тем «мирным и благотворным для всего общества путем, на который Ваше превосходительство недавно указали мне».

Внимательное изучение этого письма показывает, что Лассаль уже с середины мая всю свою тактику построил на союзе с Бисмарком, что так называемый «тактический поворот», о котором пишут Меринг и другие, начался еще до основания Всеобщего германского рабочего союза, что каждый шаг, предпринимаемый им с тех пор, каждая речь, каждое выступление взвешивались им с точки зрения того впечатления, которое все это произведет на его главных союзников, на Бисмарка и корону.

После этого письма становится понятной его знаменитая телеграмма Бисмарку от 27 сентября 1863 г., в которой Лассаль просит министра-президента принять немедленно меры против прогрессистского бургомистра, в Золингене, распустившего устроенное Лассалем собрание.

«Эта телеграмма,— писал прежде Меринг,— была тяжкой ошибкой со стороны Лассаля: по немецкой поговорке «на чорта не жалуются его бабушке». Обращаться к носителю феодальной реакции, в течение многих лет попиравшей и продолжавшей попирать право союзов и собраний, с просьбой, чтобы он покарал

нарушение этого права, был ли виновен в этом прогрессист или кто-либо другой,— такой поступок всего менее приличествовал революционеру».

Меринг видит в этом факте начало того «тактического поворота», после которого скоро наступили времена, когда «огонь духа» Лассаля «больше коптил и дымил, чем освещал и согревал». Он относит «тактическую перемену фронта» Лассаля к осени 1863 г. «Разве не стоило двигать Бисмарка вперед, разве не стоило вырвать у него всеобщее избирательное право, которого никогда нельзя было бы получить от прогрессистской партии, и таким образом завоевать для пролетариата оружие, могущее удовлетворить его классовые интересы?»

К сожалению, не Лассаль «толкал» Бисмарка, а, наоборот, последний уже с первой встречи держал Лассаля в своих руках. Опубликованная теперь переписка показывает, как, сделавши первый ложный шаг, Лассаль все больше и больше запутывался в противоречиях. Добиваясь непосредственного успеха *для и во имя рабочих*, он отталкивал от себя наиболее передовую часть рабочего класса — и в Берлине, и в Саксонии. Позднейшие попытки Меринга и Лауфенберга доказать, что тактика Лассаля уже потому более соответствовала тогдашнему моменту, что немецкие рабочие не доросли еще тогда до более революционной тактики Маркса и Энгельса, грешат чрезмерным желанием «оправдать действительность». Наоборот, все попытки Лассаля привлечь на свою сторону наиболее революционные элементы рабочего класса — а без их содействия он не мог превратить Всеобщий германский союз в политическую силу — кончались неудачей. Этих рабочих отталкивало заигрывание Лассаля с юнкерством и короной. Увы, так называемые инсинуации и клеветы прогрессистской буржуазии, как мы теперь узнаем из писем Лассаля, в сущности выражали «то, что было».

За телеграммой из Золингена последовал ряд писем (23 октября и 17 ноября) непосредственно к Бисмарку и копий писем, адресованных формально полицей-президенту Берлина, но в сущности предназначавшихся для того же Бисмарка Все эти письма рисуют в весьма своеобразном свете «революционную» тактику Лассаля. Каждое такое письмо компрометировало бы навсегда «вождя» не только рабочей, но мало-мальски уважающей себя демократической партии.

22 ноября 1863 г., когда Лассаль устроил публичное собрание в Берлине, в зал ворвались полицейские и, разогнав собравшихся, арестовали Лассаля по обвинению в государственной измене. Через три дня Лассаль был освобожден под залог в 3 000 талеров.

Оказывается теперь — и в этом отношении очень любопытно письмо Лассаля к Бисмарку от 19 ноября 1863 г.,— что намерение прокурора Шеллинга возбудить против Лассаля обвинение в государственной измене и потребовать его ареста было ему хорошо известно. Он поэтому обращается к Бисмарку с просьбой помешать этому, так как это нанесло было «слишком смертельный удар *всем* тем интересам, представителем которых он является».

«Конечно,—прибавляет Лассаль,— серьезное и строгое распоряжение министра юстиции положило бы конец этим поползновениям прокурора, страстно желающего, чтобы я был арестован».

И, наконец, в заключение Лассаль, замечая, что с этим вмешательством «нельзя терять ни одного часа», дает в косвенной, но весьма явной форме совет Бисмарку перевести прокурора Шеллинга в другое место, иначе его, Лассаля, в Берлине «не оставят в покое». Нужно было в личных беседах основательно убедить Бисмарка в своей «лойяльности», чтобы обращаться к нему с такими просьбами!

Переговоры Лассаля с Бисмарком в январе 1864 г. были известны благодаря разоблачениям Бебеля в рейхстаге в сентябре 1878 г. Бисмарк оспаривал только детали, но не счел нужным прибавить, что сношения Лассаля с ним начались значительно раньше. Теперь мы знаем, что в январе 1864 г. инициатива исходила действительно от Лассаля, как утверждал Бисмарк, в то же время, вопреки истине,

утверждавший, что в этих переговорах между ним и Лассалем не обсуждалась мысль об октроировании всеобщего и прямого избирательного права.

Только теперь, когда мы имеем в нашем распоряжении не только письма Лассаля от 13 и 16 января, но и остальные, мы можем видеть, как далеко зашла «игра» Лассаля.

Бисмарк и на этот раз обманул Лассаля. Несмотря на все доводы последнего, что дарование сверху всеобщего и прямого избирательного права должно быть произведено до войны, Бисмарк начал в союзе с Австрией войну против Дании 1 февраля 1864 г. Тактику, рекомендованную ему Лассалем, он пустил в ход в апреле 1866 г. до объявления войны Австрии.

Но переписка Лассаля с Бисмарком продолжалась и после объявления войны. Письма от 5 и 7 февраля 1864 г. являются не меньшей неожиданностью, чем и другие, остававшиеся до сих пор неизвестными.

Кто мог бы подумать, что еще до выхода в свет книги против Шульце-Делича Лассаль уже принимает, через посредство Бисмарка, все меры, чтобы прокуратура не наложила арест на нее?

«Мне было бы неприятно, — пишет он Бисмарку, — если бы Ваше превосходительство заподозрили меня в авторском тщеславии. Но все же я должен сказать Вашему превосходительству, что это сочинение повлечет за собою полное уничтожение партии прогрессистов и всей либеральной буржуазии, потому что я имею в своем сочинении дело с ними, а не с личностью господина Шульце, который имеет значение лишь как тип. Оно произведет потрясающее впечатление в рабочем сословии и не только в нем: оно восстановит против прогрессистов все, что еще есть интеллигентного в нации. Одним словом, это именно то, что нужно в качестве пролога к всеобщему избирательному праву».

Лассаль не забывает прибавить к этой хвастливой тираде, что он «имеет возможность, независимо от сенсации, которую вызовет эта книга сама по себе, и от ее распространения, простым рескриптом предписать, чтобы она читалась на всех рабочих собраниях во всей Германии».

Именно Лассаля имел в виду Маркс, когда писал в статье о Прудоне, предназначенной для «Социал-демократа», органа лассальянцев:

«В силе остается лишь один мотив — честолюбие субъекта, и вопрос сводится для него лишь к достижению главнейшей цели всякого честолюбца: успеха минуты, эфемерного внимания света. Так по необходимости угасает и тот элементарный нравственный такт, который не позволял, например, Руссо входить даже и в кажущиеся компромиссы с властями предержащими».

Новые письма Лассаля, опубликованные теперь Майером, заставляют нас вновь пересмотреть вопрос о сношениях Лассаля с Бисмарком, а вместе с тем и вопрос о значении всей его политической деятельности. Мы имеем вновь случай засвидетельствовать необычайную прозорливость Маркса. Правда, он не имел в своем распоряжении всех этих данных. Иначе его приговор — по существу совершенно справедливый — был бы еще более резок и суров. Легенда, создавшаяся вокруг Лассаля в Германии и у нас в России, мешала даже марксистам, и самым ортодоксальным из них, отнестись с полной справедливостью не к Лассалю, а к Марксу и Энгельсу. Молодые немецкие и русские марксисты зачастую приходили к Марксу, сначала пройдя школу Лассаля. Нужно было проделать большую критическую работу, чтобы освободиться от духовного влияния автора «идеи современного рабочего сословия».

Если Лассаль, говоря словами старого Беккера, был «в своей тактике смелым, отважным акробатом, который при твердой уверенности в своей силе и ловкости мог бы без всякой опасности рискнуть на прыжок до самого края пропасти» — от политической гибели его спасла только преждевременная смерть, — то его талантливый ученик, Швейцер, свалился в эту пропасть. В старом споре между Бебелем и Мерингом оказался прав первый. Если Лассаль мог просить Бисмарка принять меры против наложений ареста на книгу, если он мог советовать рабочим

подавать королю прошение о помиловании, то Швейцер без всяких стеснений пользовался благожелательным нейтралитетом бисмарковской полиции. Если Лассаля нельзя было к у п и т ь, то Швейцер и его соратник Гофштейн брали из тайных фондов прусского государства деньги на свою газету, в которой они отстаивали политику Бисмарка.

А «солнце Маркса» продолжает «сиять на небе». Лассаль не только «якобы», но и в действительности превзойден. И если Меринг прав, говоря, что Маркс и Энгельс часто ошибались, то уже никто не согласится теперь с Рингом, когда он заявляет: «Величайшей ошибкой их жизни было то, что они совершенно не сумели оценить историческое дело Лассаля».

Перевод писем сделан П. Виноградской и А. Воденом.

Д. Рязанов.

1.

Бисмарк Лассалю

[Оригинал]

Берлин, 11 мая 63.

Ваше Благородие!

Я почтительнейше довожу до Вашего сведения, что, ввиду совещаний, происходящих в настоящее время по вопросу о положении рабочих классов, представляется желательным выслушать мнения независимых людей, занимавшихся этим вопросом.

Поэтому мне было бы желательно, если бы Вы, Ваше Благородие, соблаговолили изложить мне Ваши воззрения относительно [1]) этого предмета.

ф. Бисмарк.

2.

Цительман Лассалю

[Оригинал]

Б., 11 мая [1863].

Ваше Благородие!

Позволяю себе покорнейше просить Вас соблаговолить пожаловать в условленное время.

С совершенным почтением Цительман.

3.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 8/VI-63.
Белльвюштрассе, 13.

Ваше Превосходительство!

Я почтительнейше прилагаю при сем, как продолжение — хотя и в шутливом тоне — нашего недавнего разговора, конституцию моего государства, по поводу которой Вы, пожалуй, могли бы позавидовать мне. Но эта миниатюра послу-

---

[1]) В составленном старшим советником Цительманом черновике сначала было написано: «относительно средств и способов, пригодных для того, чтобы приняться за осуществление этого дела». Бисмарк зачеркнул все заключительные фразы, начиная от слова «мне», и заменил их сначала фразой «соблаговолили удостоить меня Вашим посещением». Но затем он зачеркнул эту фразу, восстановил в черновике слово «мне Ваши воззрения относительно», причем он заменил стоявшее в черновике слово «воззрение» словом «воззрения» и написал фразу, стоящую в конце письма. Письмо переписано Цительманом и подписано Бисмарком.

жит для Вас убедительным доказательством, что рабочее сословие в самом деле инстинктивно чувствует себя склонным к диктатуре, если только его можно будет надлежащим образом убедить, что эта диктатура будет осуществляема в его интересах, и до какой степени оно было бы ввиду этого склонно, несмотря на республиканские убеждения или, лучше сказать, именно в силу последних, видеть в короне естественного носителя социальной диктатуры, в противоположность эгоизму буржуазного общества, если бы корона, с своей стороны, когда-либо могла решиться на, конечно, весьма маловероятный шаг, а именно, если бы она пошла воистину революционным и национальным путем и превратилась из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию!

Цель этого письма заключается в том, чтобы спросить, нашли ли Вы, Ваше Превосходительство, время прочесть посланную Вам речь «Косвенные налоги и положение рабочего класса».

Я не счел целесообразным возражать против того мнения относительно влияния косвенных налогов на положение беднейших классов населения, которое Вы, Ваше Превосходительство, выразили мне недавно в устной беседе, именно потому, что этот вопрос должен быть тщательно рассмотрен. В данном случае я предпочел положиться на убедительность этих рассуждений. Если Вы приняли их к сведению, то Вы или уже стали на мою точку зрения, или теперь нам уже легко будет сойтись во взглядах на основе этих фактических данных.

Благодаря этому было бы достигнуто нечто чрезвычайно важное. Тогда Вы были бы, подобно мне, убеждены в том, что уничтожение косвенных налогов на первый раз хотя бы на сумму в 8—10 миллионов в значительной степени облегчило бы положение беднейших классов.

К тому же даже не пришлось бы заменять косвенные налоги прямыми,— как бы выгодна ни была эта замена,— но их уже можно было бы с избытком заменить другими, недавно указанными мною мерами, хотя даже и эти меры являлись бы лишь образцом, по которому можно было бы судить о более обширной и стройной системе мер.

Я считаю выяснение точки зрения Вашего Превосходительства на этот вопрос столь существенным и столь плодотворным во всех отношениях, что я готов явиться к Вашему Превосходительству для вторичного собеседования, если Вы назначите мне для этого день, тем более что в середине этого месяца я уезжаю на три месяца.

Если я недавно выразил Вашему Превосходительству свое мнение, что, при данных условиях, вторичное собеседование было бы бесполезно, то теперь я готов согласиться на него, тем более что последние мероприятия, принятые за это время, весьма пагубны, поскольку дело идет об их результатах, хотя, конечно, не непосредственных. По моему мнению, эти мероприятия нецелесообразны ни в интересах монархии, ни с точки зрения интересов партии прогрессистов; если же они для кого-либо выгодны, то, как я должен прямо констатировать, исключительно для той особой партии, к которой я сам принадлежу, а именно для революционной партии!

Тем бескорыстнее и искреннее является с моей стороны, если я скажу Вашему Превосходительству: если Вы в самом деле намерены, как Вы, Ваше Превосходительство, заявили, через некоторое время убедить корону изменить политику, ввести всеобщее избирательное право и заключить союз с народом, то дальнейшие

шаги в том же направлении могут лишь сделать для Вас невозможным достижение Ваших собственных целей и совершенно невозможным всякий союз между короной и народом! Вызывается такое недовольство, которое, в конце концов, даже при искренном желании, исключает возможность всякого союза с народом.

Конечно, именно это привело бы к окончательному торжеству отстаиваемых мною идей, но уже не тем мирным и благотворным для всего общества путем, на который Ваше Превосходительство недавно указали мне.

Как враг, но открытый и честный враг существующей системы, я чувствую себя вынужденным при свойственной мне лойяльности открыто высказать это, и я готов устно подробно доказать это, раз Вы, Ваше Превосходительство, пожелали выслушать мое мнение.

Наконец, одно замечание по поводу того, что относительно факта нашего недавнего собеседования, повидимому, откуда-то распространились какие-то слухи. Мои действия таковы, что я не боюсь полной гласности, но именно благодаря полугласности дело может представиться в не надлежащем освещении, и поэтому я позволяю себе довести об этом до сведения Вашего Превосходительства.

С совершенным почтением вполне преданный Вашему Превосходительству

Ф. Лассаль.

4.

Лассаль Бисмарку

[Телеграмма]

Золинген, 27 сентября 1863.

Прогрессистский бургомистр в сопровождении десяти вооруженных жандармов и многих полицейских с обнаженными шашками распустили только что без всякого законного основания созванное мной рабочее собрание. Тщетно я протестовал, указывая на закон о союзах. С трудом я удержал толпу,— состоявшую из 5 000 человек, находившихся в большом зале стрелкового общества и нескольких тысяч перед зданием — от самочинных действий (Tätlichkeiten). Меня сопровождали на телеграф жандармы и тысячные толпы народа, считавшие меня арестованным. Знамя эльберфельдских рабочих конфисковано. Прошу о самом строгом, скором, законном удовлетворении.

Ф. Лассаль.

5.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 23 октября [1863].

Ваше Превосходительство!

Судя по газетным сообщениям, золингенский бургомистр извратил в представленном им докладе тамошние события.

Исходя из тех соображений, которые побудили меня обратиться непосредственно к Вашему Превосходительству с телеграммой по этому поводу, я теперь еще более желаю получить возможность лично дать Вашему Превосходительству более подробные разъяснения.

Поэтому, Ваше Превосходительство, Вы обяжете меня, если Вы соблаговолите назначить мне удобное для Вас время — за исключением вечера в понедельник — для собеседования.

Я только что получил уведомление о том, что в Дюссельдорфе конфискована моя рейнская речь («Празднества, пресса и т. д.»).

С совершенным почтением

Ф. Л.

6.

Бисмарк Лассалю

[Оригинал]

Берлин, 23 октября 1863 г.

Ваше Благородие!

Вы очень обяжете меня, если Вы удостоите меня своим посещением сегодня в 12 часов; если же это неудобно для Вас, то завтра вечером в 8 часов.

С совершенным почтением совершенно преданный Вам

ф. Бисмарк.

7.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 17 ноября 63 г.
Б. Потсдамерштрассе, 13.

Ваше Превосходительство!

Убедительно прошу Вас принять к сведению те документы, которые я имею честь при сем приложить.

А. Напечатанную жалобу на господина ф.-Шеллинга, поданную господину ф.-Бернуту 3 ноября (см. там же примечание к стр. 6); она содержит точно формулированные факты, которые могут быть неопровержимо доказаны[1]).

В. Копию моей прежней жалобы, поданной ему же 15 ноября, которая в то же время выясняет, до какой степени он не принял во внимание моей жалобы, хотя она вполне обоснована.

С. Мое сегодняшнее письмо к господину ф.-Бернуту, в котором выясняется, как полицейские продолжают незаконно интриговать против моего Союза, так что из страха пред полицией трактирщик отказывается предоставить мне на воскресенье нанятое по контракту мною помещение, таким образом мне, может быть, придется приказать силой открыть это помещение, если господин фон-Бернут не исполнит выраженного мною в моем сегодняшнем письме пожелания.

Все до сих пор поданные мною господину фон-Бернуту жалобы не побудили его заставить своих подчиненных соблюдать благопристойность.

Так как отвергнуть мои прошения представляется затруднительным ввиду их строго законной обоснованности, я даже не получаю от него никакого ответа!

Я должен продолжать настаивать на выполнении моего требования, чтобы в ближайшее воскресенье, оправившись от болезни, я во всяком случае мог сказать свою речь. А именно, чтобы

пяти полицейским было строго наказано не впускать в зал никого без входного билета;

и чтобы в случае надобности, по моему требованию, полиция удалила тех, кто стал бы шуметь.

---

[1]) Этот документ мы не печатаем. *Прим. ред.*

Строгое законное обоснование этих дзух требований дано в жалобе *A.* и *B.*

Ввиду тех мер, которые я сам вынужден принять, мне необходимо узнать еще до воскресенья, признает ли администрация мое законное право и сделает ли она эти два распоряжения.

Точно так же было бы весьма желательно, если бы господин фон-Бернут соблаговолил исполнить просьбу, выраженную в письме *B.* Закон не обязывает его сделать это, но он нравственно обязан вознаградить за ущерб, причиненный его подчиненными, и, конечно, в интересах общественного порядка и тишины было бы, чтобы я не оказался вынужденным, в силу заключенного мною письменного договора, силой ворваться в нанятое мною помещение.

С совершенным почтением совершенно преданный Вашему Превосходительству

Ф. Лассаль.

(Приложение B.)

Копия

Берлин, 15 ноября 63.

Лассаль президенту полиции фон-Бернуту.

Ваше Высокоблагородие оставили без ответа мое прошение от 3 ноября. Но я вынужден настаивать на том, чтобы получить ответ, тем более что лишь отрицательный ответ дал бы мне право препроводить мою жалобу к следующей инстанции, и нельзя лишить меня этого права.

Но я вынужден настаивать на этом, тем более что мне во всяком случае уже дан своего рода ответ, а именно фактический ответ.

Этот ответ заключается в том, что, между тем как я просил предписать полицейским чиновникам оказать помощь президиуму Союза в деле поддержания спокойствия против отдельных нарушителей тишины, полицейские чиновники, быть может для того, чтобы уклониться от этого, вовсе не являются на заседания Союза.

На нынешнюю первую публичную лекцию, которой я не мог прочесть по болезни, явилось, как мне сообщили, более 1 500 человек.

По моему распоряжению, допускать следовало лишь тех, которые достали себе входные билеты.

Не было ни одного полицейского, который поддержал бы распорядителей Союза, и благодаря этому в помещение проникло человек 100—200 без входных билетов. Они ринулись массой, и вследствие этого распорядители, которых не поддерживала полиция, не могли не пропустить их.

Это в высшей степени противозаконно!

Как всякий антрепренер вправе пускать в театр или на концерт лишь тех, у которых имеется входной билет, так и я, очевидно, имею право на это, и я вправе требовать от полиции, чтобы она оказывала мне при этом поддержку.

Ввиду этого я подаю новую жалобу с указанием на то, что публичная лекция состоится в ближайшее воскресенье.

Итак, до тех пор должны быть приняты меры против повторения подобных явлений.

Их результаты не замедлили сказаться.

Уполномоченный Союза объявил Собрание открытым, сообщил, что болезнь помешала мне явиться, и затем объявил собрание закрытым.

После этого, по закону о союзах, собрание должно было разойтись. Всякое собрание после этого являлось собранием, о котором не было сделано надлежащего предварительного уведомления в смысле § 1, а следовательно всякий выступавший на нем оратор наказуется § 12.

А так как в помещении не было полиции, которая настояла бы на соблюдении закона, на продолжавшемся собрании выступали главным образом лица, проникнувшие

в помещение без входных билетов, и они произносили всевозможные шумные речи, пока, наконец, некоторые из участвовавших в собрании сами не послали в полицейский участок.

Прося поскорее ответить как на это, так и на предыдущее заявление, чтобы в случае надобности, иметь возможность еще до воскресенья исправить дело, подписываюсь

С глубоким почтением

Ф. Лассаль.

(*Приложение С.*)

Копия [1])

Лассаль президенту полиции фон-Бернуту.

Берлин, 17 ноября 63.
Потсдамерштрассе, 13.

Ваше Высокоблагородие!

Я вынужден сообщить, что трактирщик Вольшлегер — и притом, как он и его отец открыто признали: вследствие подстрекательств полицейских низшего ранга — вновь отказывается соблюдать заключенный им со мною письменный договор о предоставлении мне его помещения еще на несколько воскресений.

На этот раз я уже не могу уступить. Итак, если в ближайшее воскресенье придется открыть вход в помещение силой, то на этот раз это будет вызвано самой полицией.

Во избежание этого, я прошу Ваше Высокоблагородие каким-нибудь образом довести до сведения трактирщика, что ему нечего бояться полиции, если он будет продолжать предоставлять свое помещение Рабочему Союзу. Ведь трактирщик исполнен благих намерений; он охотно согласился бы предоставить свое помещение мне и только боится, как он сам заявил, что ему повредит полиция, от которой он ведь «зависит».

В то же время настоятельно прошу Ваше Высокоблагородие принять ввиду этого меры к тому, чтобы раз навсегда положить конец таким недопустимым подстрекательствам со стороны полицейских чиновников.

С глубоким почтением

Ф. Лассаль.

8.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 19 ноября 63.

Ваше Превосходительство!

Я только что узнал из достоверного источника, что прокурор фон-Шеллинг намеревается не более не менее как возбудить процесс по обвинению меня в государственной измене за мою известную Вам речь «Празднества, пресса и франкфуртское собрание» и потребовать моего ареста.

По его мнению, то, что я говорю в этой речи против конституции, свидетельствует о моем намерении ниспровергнуть эту конституцию, и вся моя агитация является фактическим доказательством этого.

Всякие процессы, которые фон-Шеллинг, изо всех сил старающийся отомстить мне за то, что я сопоставил его с отцом и этим убил его, возбудил бы против меня, для меня в высшей степени безразличны.

---

[1]) Оригинал не сохранился.

Наоборот, для меня вовсе не безразлично, если меня арестуют во время предварительного следствия. Я хорошо знаю по опыту, что, раз человек арестован, он не скоро может освободиться из рук юстиции. А мое время слишком драгоценно, и всем тем интересам, представителем которых я являюсь, был бы нанесен слишком смертельный удар, чтобы я мог согласиться просидеть в тюрьме несколько месяцев лишь для того, чтобы доставить удовольствие г. фон-Шеллингу, который, после того как я подал кассационную жалобу в следующую инстанцию, чтобы добиться отмены двух приговоров к тюремному заключению, теперь хочет удовлетворить свое личное раздражение против меня более удобным способом, а именно требуя, чтобы я был подвергнут предварительному заключению.

Конечно, серьезное и строгое распоряжение министра юстиции положило бы конец этим поползновениям прокурора, страстно желающего, чтобы я был арестован.

Я довожу об этом до сведения Вашего Превосходительства. Если Вы, Ваше Превосходительство, пожелаете сделать что-либо в данном случае, то я замечу, что нельзя терять ни одного часа.

Впрочем, в Берлине меня не оставят в покое до тех пор, пока господин фон-Шеллинг не будет переведен в другое место.

С совершенным почтением Ф. Лассаль.

9.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 9 января 1864.
Потсдаммерштр., 13.

Ваше Превосходительство!

Циркулируют слухи о предстоящем немедленном роспуске палаты депутатов и одновременном октроировании всеобщего, прямого избирательного права. Если эти слухи имеют хоть какое-нибудь основание, то я хотел бы с Вами срочно переговорить, во всяком случае еще до опубликования избирательного закона и даже до выработки самого текста. Меня побуждают к этому очень важные причины, и я просил бы Ваше Превосходительство в данном случае указать мне для переговоров с Вашим Превосходительством наиболее удобное для Вас время.

С совершенным почтением преданный Вашему Превосходительству
Ф. Лассаль.

10.

Лассаль Бисмарку

[Копия, переписанная Лотаром Бухером]

Берлин, среда, 13 января 1864.
Потсдаммерштр., 13.

Ваше Превосходительство!

Прежде всего я сожалею, что забыл вчера еще раз обратить Ваше внимание на то, что право быть выбранным (Wählbarkeit) должно быть распространено на всех немцев. Это могущественное средство, действительное «моральное» завоевание Германии.

Что касается техники выборов, то я вчера же ночью перечитал всю историю французского законодательства, но нашел там очень мало, что могло бы пригодиться. Но я много размышлял над этим, и теперь я, во всяком случае, могу предложить Вашему Превосходительству желанные волшебные рецепты, способные предохранить как и от абсентеизма на выборах, так и от раздробления голосов. В сильном их действии ничуть нельзя сомневаться. Я жду поэтому, что Ваше Превосходительство назначит мне определенный вечер, но я убедительно прошу выбрать вечер так, чтобы нам не помешали.

Мне нужно сказать Вашему Превосходительству много об избирательной технике и еще больше о другом, и исчерпывающая, никем не прерываемая беседа является, ввиду напряженности данного момента, жгучей необходимостью.

В ожидании указаний Вашего Превосходительства
с совершенным почтением
преданный Вашему Превосходительству
Ф. Лассаль.

11.

Лассаль Бисмарку

[Перепечатано из Bismarck-Jahrbuch, B. IV, 1897, p. 166]

В субботу вечером 16 января 64.
Потсдаммерштр., 13.

Ваше Превосходительство!

Я не хотел бы настаивать, но внешние обстоятельства заставляют торопиться, прошу поэтому извинить мою настойчивость. Я уже писал Вам в среду, что я нашел желанные «волшебные рецепты», — рецепты, которые должны оказать очень сильное действие. Я уверен, что наше ближайшее собеседование, наконец, поведет к окончательным решениям, и так как этих окончательных решений, в чем я настолько же уверен, нельзя далее откладывать, я позволю себе завтра (в воскресенье) в $8^1/_2$ часов вечера явиться к Вам. Если бы Вы, Ваше Превосходительство, были заняты в это время, то я просил бы Вас назначить мне другое время, по возможности в ближайшем будущем.

С совершенным почтением преданный
Вашему Превосходительству Ф. Лассаль.

ПРОЕКТ

[Переписано рукою графини Гацфельдт.]

1. Вводится всеобщее и прямое избирательное право.
2. Страна разделяется на округа с населением в 100 000 человек.

Всякий избирательный округ избирает двух депутатов. Установление избирательных округов будет доведено до всеобщего сведения особым декретом.

3. Всякий избирательный округ в свою очередь разделяется на избирательные участки с расчетом, чтобы на каждый избирательный участок приходилось по крайней мере 500 внесенных в списки избирателей. Избирательные участки будут установлены предписанием министра внутренних дел.

4. Избирателем является всякий достигший по законам страны совершеннолетия пруссак, пользующийся всеми гражданскими правами в той общине, в которой он имеет постоянное местожительство или прожил в течение трех месяцев.

5. Избирателем является всякий немец, пользующийся всеми гражданскими правами и достигший 25-летнего возраста.

6. Для того чтобы иметь возможность быть избранным в каком-либо избирательном округе, всякий должен сам выступать в качестве кандидата в этом округе. Для этого данное лицо должно не позднее, чем за десять дней до выборов, письменно уведомить президента округа о своей кандидатуре.

7. Президент округа должен обнародовать список кандидатов, как выставляемых правительством, так и всех выступающих по собственной инициативе, не позднее, чем за неделю до выборов.

8. Вводится тайное голосование. Оно происходит в наиболее населенной общине каждого избирательного участка таким образом, что всякий избиратель передает председателю избирательной комиссии свернутую записку, на которой он, прежде чем пойти на выборы, написал имена двух кандидатов, и председатель комиссии в его присутствии бросает эту записку в избирательную урну. При этом председатель должен лишь удостовериться, что в записку не вложено другой записки.

9. Избиратели вызываются протоколистом избирательной комиссии и притом в алфавитном порядке. Как только какой-либо избиратель исполнил свою обязанность протоколист отмечает это в списке избирателей.

Каждому избирателю предоставляется право убедиться, что эта отметка сделана.

10. Немедленно после того как все явившиеся избиратели исполнят свои обязанности, записки будут вынуты из избирательной урны, и будут выяснены результаты.

11. Все записки, поданные за такого кандидата, который не выступил непосредственно как кандидат, недействительны (§ 6).

12. Если администрация не уведомила население (§ 7) о кандидатуре лица, выступившего кандидатом, то его избрание не становится из-за этого недействительным.

13. О результатах выборов тотчас же составляется протокол, который вслух прочитывается председателем, подписывается всеми членами избирательной комиссии и препровождается к назначенному правительством, доводящим об этом до всеобщего сведения, председателю избирательной комиссии главного города избирательного округа.

14. Не позднее, чем через два дня по получении всех протоколов о выборах в избирательных участках председатель избирательного округа должен на публичном собрании, о котором он должен заранее оповестить население, и в присутствии избирательной комиссии предъявить в главном городе избирательного округа все протоколы выборов, вслух подсчитать голоса, полученные каждым из кандидатов, и объявить результаты.

15. Всякий день выборов является для всего данного избирательного округа установленным законом праздничным днем.

16. Это постановление не относится к упомянутому в § 14 дню установления выборов в главном городе избирательного округа.

17. Всякий избиратель, который не исполнил своего долга в качестве избирателя на двух следующих один за другим выборах, не будучи лишен возможности сделать это вследствие болезни или поездки, начатой по крайней мере за два дня до выборов или в самый день выборов, но в этом случае безусловно необходимой, наказуется потерей гражданских прав и преимуществ на десять лет.

18. Эти дела подведомственны судье, компетентному в силу действующих законов.

19. Никто не может быть избран депутатом и объявлен таковым, если он не получил абсолютного большинства всех поданных голосов, в том числе и недействительных.

20. Если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов или получил его лишь один, то председатель избирательного округа назначает через неделю новые выборы для еще несостоявшегося избрания депутата.

21. На этих вторых выборах не могут выступать другие кандидаты кроме тех, которые выступали кандидатами уже на первых выборах.

22. Но ни один из этих кандидатов не должен считаться устраненным на том основании, что он получил относительное меньшинство.

23. Если и при вторых выборах не получится абсолютного большинства для обоих или для одного из депутатов, которые должны быть выбраны, то происходят третьи выборы на тех же основаниях.

24. Если и при третьих выборах не получится абсолютного большинства, то в течение легислатуры избирательное право в данном избирательном округе не осуществляется.

25. Легислатура продолжается два года.

Избирательный закон должен быть подкреплен:

1) прокламацией, выясняющей его значение и т. д.,

2) законом о печати.

При этом следует заметить:

a) что прокуратура и ее (sic!) органы не имеют права налагать предварительный арест на газету или на брошюры до вошедшего в законную силу приговора за исключением случаев непосредственного призыва к государственной измене или насильственному сопротивлению распоряжениям правительства;

b) что отменяется закон, в силу которого издатель вынужден просить о разрешении издавать газету;

3) распоряжение по телеграфу.

NB. От обнародования закона до самих выборов должно пройти полных шесть месяцев.

12.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал [1])]

Берлин, 21 января 1864.
Потсдаммерштрассе, 13.

Ваше Превосходительство!

Вы увидите из прилагаемой копии прошения, которое я теперь же посылаю господину министру юстиции, что в процессе, в результате которого меня ждет самое большее денежный штраф (этот процесс возбужден против меня за мою рейнскую речь), дюссельдорфский судебный следователь, ярый прогрессист, хочет добиться моего принудительного привода для допроса в Дюссельдорф, вместо того чтобы, как он делал это прежде, потребовать, чтобы я был допрошен здесь.

Как я доказываю в прошении, копия которого прилагается, это просто кляузничество, на которое я ни в коем случае не соглашусь, так как я должен заниматься совсем другими делами, а не ездить в Дюссельдорф для допросов в связи с подобными процессами.

Однако, если господин министр юстиции не воспретит этого немедленно или не отдаст здешним властям соответственного распоряжения, это может иметь весьма

[1]) В актах имеется еще и копия, снятая графинею Гацфельдт.

неприятные последствия, так как приказ о приводе или уже здесь или должен быть получен здесь в ближайшем будущем. Итак, я покорнейше прошу поскорее поговорить с господином графом фон-Липпе.

Если Вы, Ваше Превосходительство, еще раз пересмотрели недавно поданный проект, то я прошу уведомить меня и в таком случае позволю себе подробнее изложить Вашему Превосходительству мои соображения относительно пока лишь намеченного распоряжения по телеграфу. И оно чрезвычайно важно.

С совершенным почтением
преданный Вашему Превосходительству
Ф. Лассаль.

13.

Лассаль Бисмарку

[Копия, снятая графинею Гацфельдт]
Берлин, в конце января 1864 г.

Ваше Превосходительство!

Сегодняшний разговор, который я в самом деле не пожелал продолжать, увидав, что Вы очень заняты, заставляет меня еще раз повторить Вам раздающееся из глубины моей души предостережение. Вы придадите ему такое значение, которого оно, по Вашему мнению, заслуживает. Вы должны даровать всеобщее и прямое избирательное право до войны, потому что Вы не можете даровать его ни во время войны, ни после нее. Вы не можете сделать этого во время войны, потому что в таком случае, как Вы сами поняли, это показалось бы лишь проявлением слабости и, вместо того чтобы быть благодарными Вам за него, его лишь использовали бы как орудие против Вас.

Вы не можете сделать этого после войны, и из множества причин этого я приведу Вам только одну. Почему Вы можете делать в мирное время все, что Вам угодно? Почему я уже при последнем свидании признал, что, пока не возникло никаких конфликтов с иностранной державой, наша страна спокойно перенесет даже и наихудший абсолютизм? Почему я сказал Вам, что он рухнет при первой войне?

В мирное время безраздельно господствуют интересы, не выходящие из сферы частной жизни, и они вызывают индиферентизм народа, каково бы ни было положение вещей.

Всякая сколько-нибудь продолжительная и сколько-нибудь серьезная война вызывает совершенно противоположное настроение. Создается совершенно иная атмосфера, и господствует пафос общественной жизни, как в мирное время господствовал пафос частной жизни.

Этого тогда возникающего общественного настроения народа никоим образом нельзя смешивать с «общественным мнением» газет.

Мне представляется более чем рискованным желать, чтобы возникло такое настроение, пока вы продолжаете обнаруживать отрицательное отношение к стране. Вы уже не будете в состоянии даровать избирательное право после войны, потому что уже во время войны, если дело дойдет до сколько-нибудь продолжительной

и сколько-нибудь серьезной войны — и нет никого, кто мог бы предовратить это,— вспыхнут мятежи и восстания. Даже предположив, что Вы подавите эти восстания вооруженной силой, — раз снова прольется кровь граждан, дело примет совершенно иной оборот, и тот ход развития, который желателен, станет невозможным. С обеих сторон. Со стороны короля, который или счел бы Вас лично виновником кровопролития и лишил бы Вас власти, или, если бы этого не произошло, не согласился бы положиться на всеобщее избирательное право. Со стороны народа в еще большей степени. Ведь, если снова прольется кровь граждан, народное чувство сделает невозможным какое-либо соглашение с вашим правительством и с королевскою властью вообще, и настанут, хотя, может быть, и не скоро, роковые события.

Повторяю, эти восстания вспыхнут, эта кровь граждан прольется, если начнется сколько-нибудь продолжительная и сколько-нибудь серьезная война, пока не исчезнет существующая в настоящее время антипатия народа к правительству.

Тогда дело пойдет своим мрачным предопределенным путем, и единственная иллюзия, в которой я, быть может, виновен, заключается в том, что я желал предотвратить этот роковой оборот и пытался сделать это.

Я не могу сказать ничего больше, но Вы, Ваше Превосходительство, увидите, что мое предсказание осуществится, что доставит мне весьма прискорбное удовлетворение.

Следует привести у себя все в порядок, прежде чем отправиться на войну.

Ваше Превосходительство дарует всеобщее и прямое избирательное право до войны, или этого уже никогда не будет! Выражая это убеждение, я считаю возможным поставить на карту всю свою репутацию человека дальновидного, поскольку дело идет о ходе исторических событий, а до сих пор я имел некоторое основание гордиться этой дальновидностью.

Dixi et salvavi animam meam [1]).

С совершенным почтением
преданный Вашему Превосходительству
Ф. Лассаль.

14.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 5 февраля 1864 г.

Ваше Превосходительство!

Нечто весьма важное, притом нечто такое, что может быть на этот раз очень легко улажено, так что я вынужден попросить Ваше Превосходительство уделить мне минуту времени, как бы Вы ни были заняты в настоящее время.

Через неделю или полторы выйдет мое сочинение — «Смертоносная стрела», которую я день и ночь стараюсь навострить вот уже четыре месяца, — озаглавленное: «Господин Бастиа-Шульце из Делича, экономический Юлиан, или капитал и труд».

Мне было бы неприятно, если бы Вы, Ваше Превосходительство, заподозрили меня в авторском тщеславии. Но все же я должен сказать Вашему Превосходи-

[1]) Я сказал и облегчил свою душу.

тельству, что это сочинение повлечет за собой полное уничтожение партии прогрессистов и всей либеральной буржуазии, потому что я имею в своем сочинении дело с ними, а не с личностью господина Шульца, который имеет значение лишь как тип. Оно произведет потрясающее впечатление в рабочем сословии, и не только в нем: оно восстановит против прогрессистов все, что еще есть интеллигентного в нации.

Одним словом, это именно то, что нужно в качестве пролога к всеобщему избирательному праву.

В то же время я имею возможность, независимо от сенсации, которую вызовет эта книга сама по себе, и от ее распространения, простым рескриптом предписать, чтобы она читалась на всех рабочих собраниях во всей Германии.

Спрашивается только: не усмотрит ли здешняя прокуратура и в этой книге стремление возбудить ненависть и презрение к подданным государства и т. д. и не наложит ли она на нее арест, как она сделала это по отношению к моей рейнской речи и по отношению к моему «Обращению к берлинским рабочим». Конечно, для этого нет никаких оснований, моя книга представляет собой вполне научный труд, и я притащил тяжеловеснейшие глыбы научности, чтобы сокрушить нашего врага.

Но для бога и для прусской прокуратуры нет ничего невозможного, тем более что лектором при здешнем центральном бюро состоит господин Фридлендер, ярый прогрессист.

В данном случае министр юстиции может защитить легчайшим и простейшим способом. Только от прокурора зависит, будет ли возбужден процесс, или нет, а прокурор зависит от министра юстиции. Итак, последний должен заранее внушить берлинскому прокурору, что против этой книги ни в коем случае не следует принимать мер. Процесс был бы для меня совершенно безразличен, но наложение ареста на эту книгу было бы — Вы сами впоследствии найдете это — непоправимое бедствие!

Министр юстиции должен заранее дать соответственные инструкции прокурору, потому что, раз будет наложен арест и дело дойдет до суда, то его решение уже не зависит от прокуратуры и от министра! Поэтому я пишу вам заблаговременно.

Мне нужна лишь гарантия от прокурора в Берлине, где книга выходит, так как на моем кенигсбергском процессе я недавно добился того, чтобы трибуналы других городов, кроме того, в котором вышла книга, были признаны некомпетентными.

Итак, я прошу поговорить с министром юстиции, который в данном случае не может не повиноваться, так как в конце концов вопрос о том, следует ли принять меры против книги или нет, вопрос чисто политический.

Я с удовольствием думаю о том моменте, когда я буду в состоянии вручить эту книгу Вашему Превосходительству!

Я попрошу господина Браса перепечатать по выходе книги послесловие к ней («Меланхолическое размышление») и несколько выдержек из нее в своем органе.

Пока я — прося, чтобы это осталось между нами, — должен настойчиво предупредить Ваше Превосходительство об интригах министра двора фон Шлейница! На словах подробнее!

Увеличение сторонников моего направления в публике растет невероятно, а в Рейнской провинции принимает колоссальнейшие размеры! Но столь же удивительно, сколько хлопот доставляют мне подчиненные Вашего Превосходительства. Здесь полиция так запугала трактирщика, что, несмотря на договор, он отказывается предоставить свое помещение! В Бармене, Ронсдорфе и т. д. она возбуждает процессы против моих уполномоченных. Полиция и прокуроры делают все возможное, чтобы вызвать в народе вопреки его желанию сильное озлобление против правительства. Для того, чтобы рассмотреть Telegraphengesetz, нужно собеседование с Вашим Превосходительством, когда у вас найдется время.

С совершенным почтением
преданный Вашему Превосходительству
Ф. Лассаль.

Я только что получил от главного прокурора сообщение о том, что за «Обращение к берлинским рабочим» против меня окончательно возбуждено обвинение в подстрекательстве к государственной измене, а может быть и еще обвинение в возбуждении ненависти и презрения к прогрессистам (§ 102. Свод законов).

С этим процессом я сам справлюсь, но если Вы, Ваше Превосходительство, не защитите моей новой книги от наложения на нее ареста, то я решительно складываю оружие и снимаю с себя всякую ответственность. за дальнейшее.

15.

Лассаль Бисмарку

[Оригинал]

Берлин, 7 февраля 1864 г.

Ваше Превосходительство!

Вы убедитесь из официального прошения, которое я теперь же подаю всему королевскому министерству на Ваше имя, в том, что вопреки министру юстиции я давно уже был бы в Дюссельдорфе, если бы я не сумел защитить себя своими силами.

Подавая заявление всему королевскому министерству, я доставляю Вашему Превосходительству случай отблагодарить господина министра юстиции за его товарищескую внимательность к Вашим жланиям, устроив так, чтобы при голосовании в совете министров на его стороне оказалось меньшинство. Если я хорошо осведомлен, его сопротивление вызвано Рейнским отделением и особенно господином Геймсетом, моим заклятым врагом — издавна и не без причин. Если при этом министр юстиции допускает, чтобы известные взгляды, соответствующие рейнской рутине, но юридически вовсе не необходимые взгляды, до такой степени ограничивали его компетенцию, как он сделал это в своих рескриптах по отношению ко мне, то, как я выяснил это в прошении, поданном всему министерству, очень легко могли бы наступить такие случаи, когда это им самим без надобности допускаемое ограничение его компетентности оказалось бы для него весьма неудобным.

Я должен сделать еще два замечания.

1) Я прошу исполнить просьбу, с которой я обратился лично к Вашему Превосходительству лишь в том случае, если бы Вы, Ваше Превосходительство,

пожелали воспользоваться этим делом для того, чтобы поставить на вид Вашу компетенцию.

Для меня лично это не имеет большого значения, так как я и без того почти обеспечил свою безопасность.

2) Точно так же, если бы Вашему Превосходительству было неприятно передать жалобу всему министерству, то я предоставляю Вам просто оставить ее без рассмотрения и использовать ее лишь в свое время в качестве материала для нового закона об организации министерства юстиции, который, как Вы недавно мне сказали, Вы вырабатываете. Практически теперь меня уже не интересует, какая судьба постигнет это прошение, но тем более меня интересует, каков будет результат моей жалобы на господина фон Бернута, которую я недавно подал министру внутренних дел и на которой я во всяком случае вынужден настаивать.

Я жду уведомления с Вашей стороны относительно свидания для обсуждения распоряжения по телеграфу, когда у Вас найдется время для этого.

С совершенным почтением
преданный Вашему Превосходительству
Ф. Лассаль.

Если, по мнению Вашего Превосходительства, это обращение к министерству может до такой степени раздражить министра юстиции, что он запретит [?] прокурору наложить арест на моего «Юлиана-Шульца», то пусть лучше мое прошение будет оставлено без последствий. Потому что, повторяю, на эту книгу ни в коем случае не должен быть наложен арест.

16.

Лассаль Бисмарку.

[Первоначальный набросок]

[Берлин, после 20 февраля 1864]

Ваше Превосходительство!

Так как нет времени для устного собеседования, то будет полезно, по крайней мере, указать те два главных пункта, которые составили бы предмет этого собеседования.

Понятно, теперь внешняя политика имеет чрезвычайно большое значение. Если Вы, Ваше Превосходительство, в настоящее время, повидимому, стоите за программу союза с Австрией, то вполне мыслим и такой чрезвычайно полезный и национальный союз. Все дело в том, на каких основах должен быть заключен этот союз.

Мыслим был бы даже такой союз с Австрией, который имел бы в высшей степени важное всемирно историческое значение и был бы национален. Но побудить Австрию теперь заключить такой союз представляется еще совершенно немыслимым, так что, хотя, может быть, когда-нибудь этот союз непременно войдет в программу будущего, совершенно излишне о нем говорить.

Но мыслим и иного рода союз с Австрией, который уже и теперь возможен и, не будучи столь грандиозным, как первый, все же был бы вполне национальным. Такой союз, который, если бы Наполеон стал держаться враждебной

по отношению к нам политики, обеспечил бы Германии полнейшее превосходство против него и увлек бы нацию.

Но, в-третьих, мыслим ли такой союз с Австрией, который легко заставил бы нас играть контрреволюционную роль и мог бы повлечь за собою для нас величайшие катастрофы! Все зависит от того, на каких основах был бы заключен этот союз. Исключить последний из вышеуказанных случаев, способствовать наступлению второго случая, выслушать мнения Вашего Превосходительства об этих двух различных основах, на которых был бы заключен союз, и обменяться мыслями с Вами,— такова была важнейшая цель желательного собеседования.

Вторая цель заключалась в том, чтобы осведомиться о том, насколько основательны слухи, что опять будут призваны прогрессисты. Это произвело бы на нацию лишь впечатление невыразимой слабости, и тогда правительству пришлось бы отказаться от притязаний на внушительный образ действий.

С другой стороны, я не могу не выразить недоумения по поводу того, что я получил ответ, написанный каким-то совершенно чуждым мне советником. То, что я послал сочинение, было личным, не официальным делом, и уведомление, что у Вашего Превосходительства нет времени, могло бы быть передано мне в двух словах или через господина советника Цительмана, который для меня приемлем в качестве вспомогательного органа Вашего Превосходительства.

Само собой разумеется, что прежде чем снова затруднять Ваше Превосходительство, я подожду инициативы с Вашей стороны.

Ю. СТЕКЛОВ

ЗАПАДНЫЕ ВЛИЯНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1. Трудности вопроса

Что взгляды Чернышевского складывались в результате вдумчивого наблюдения над развертывавшимися на его глазах историческими событиями, об этом свидетельствует, между прочим, его юношеский дневник студенческой поры. Здесь мы видим, как развиваются и упрочиваются его политические и экономические воззрения под влиянием событий 1848—1849 годов. Это само собою разумеется. Но столь же ясно и то, что оценки исторических событий и проявлявшихся в них общественных сил почерпались им и из отношения к этим событиям их участников и лиц, писавших о них. Это тоже совершенно естественно. Таким путем и протекает умственное развитие всякого мыслителя и писателя. Наряду с уроками жизни, на сформирование воззрений Чернышевского действовали и влияния литературные, подытоживавшие не только уроки текущего момента, но и опыт всей истории человечества.

Само собою разумеется, что и русская жизнь, которая в эпоху Николая I, а затем его достойного сына Александра II, больно била по всякому маломальски сознательному и чуткому человеку, вошла существенным моментом в ряд факторов, обусловивших выработку идеологии Чернышевского. Достаточно было крепостного права, гонения на «раскольников», разгула реакции, подавления всего живого и честного, достаточно было всего того, что пришлось наблюдать Чернышевскому с юношеских лет, чтобы возбудить в нем непримиримую вражду к окружавшим его порядкам. В частности разгром кружка Петрашевского и сопровождавшая его суровая кара участников этого невинного дела дали сильный толчок к окончательному революционному самоопределению Чернышевского. Российская действительность того времени была в этом отношении хорошим учителем. Но в тогдашней русской литературе и в русской прессе Чернышевский не мог найти достаточных материалов, которые могли бы лечь в основу его миросозерцания. Русская наука вообще, а русская общественная наука в особенности стояли во времена Чернышевского на очень низкой ступени развития, не говоря уже о цензурных условиях того времени, при которых мало-мальски запретные темы не могли совершенно затрагиваться в печати. До последних дней своих Чернышевский, как это видно, между прочим, по его письмам из Сибири, сохранил самое невысокое мнение о русской науке. Конечно, статьи Герцена, В. Милютина и в особенности В. Белинского должны

были дать и действительно дали кое-что молодому Чернышевскому. Но главные свои знания, главные свои оценки Чернышевский мог приобрести лишь самостоятельной умственной работой, с одной стороны, и внимательным изучением иностранной литературы — с другой. Это, между прочим, видно и из того, что́ он говорит об умственном развитии Добролюбова в заметке «В изъявление признательности» («Сочинения», том IX, стр. 100—101). Утверждая, что ни он и никто другой из русских писателей не могли быть учителями Добролюбова,— хотя и признавая, что статьи Белинского и других людей того же литературного круга принесли Добролюбову немало пользы, — Чернышевский отмечает, что его образ мыслей сложился главным образом под влиянием изучения немецкой и французской литературы, и прибавляет: «Если каждый даровитый человек в решительные для своего развития годы читает книги наших общих западных великих учителей, то книги и статьи, писанные по-русски, могут ему нравиться, могут восхищать его... но ни в коем случае не могут уже они служить для него важнейшим источником тех знаний и понятий, которые почерпает он из чтения».

Совершенно очевидно, что эти строки относятся в первую голову к самому Чернышевскому. И действительно, если говорить о литературных влияниях на Чернышевского, то их нужно искать главным образом на Западе.

Здесь, впрочем, имеется большой минус. Дело в том, что, излагая свои взгляды, Чернышевский почти нигде не указывает своих источников. Поэтому судить о писателях, внушивших ему тот или другой взгляд, приходится большей частью по догадкам. Некоторую роль играло здесь его отвращение к показным приемам учености, то отвращение, которое заставило его избегать цитат и в своей магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Но немалое значение имели здесь и тогдашние цензурные условия, при которых называть точно писателей, оказавших на него влияние и принадлежавших в большинстве случаев к заведомым «крамольникам», он просто не имел возможности. Вспомним, что он никогда не мог назвать человека, оказавшего колоссальное влияние на его умственное развитие, а именно Людвига Фейербаха. В первые годы своей деятельности он не мог назвать даже Белинского. Так же точно он принужден был выражаться всякими туманными намеками, когда хотел говорить о Бакунине. Даже о Луи Блане, Прудоне и пр. он решался заговаривать в редких случаях, и то преимущественно тогда, когда критиковал их. В статье «Капитал и труд» он, заявив, что не имеет охоты говорить, чьих мнений он держится, указывает на Сисмонди и именно на его «Новые принципы политической экономии», но тут же прибавляет: «Мы назвали Сисмонди потому, что хвалить его очень удобно, но читатель знает, что между противниками так называемых «экономистов» он — человек далеко не самый замечательный. Каждый вспомнит много имен гораздо более знаменитых». Из них Чернышевский называет, впрочем, Роберта Оуэна. Хвалить Сисмонди можно было потому, что он не был ни революционером, ни коммунистом. О других приходилось умалчивать.

Это обстоятельство, конечно, чрезвычайно досадно. Оно в сильнейшей степени затрудняет установление истинных источников воззрений Чернышевского. Исследователи зачастую лишены возможности уверенно отвечать на целый ряд

существенных вопросов и принуждены ограничиваться догадками, более или менее правдоподобными. С этой точки зрения исследование генезиса взглядов Чернышевского является еще делом будущего, и притом делом довольно сложным. Придется проделать большую работу по сопоставлению произведений мыслителей и писателей XVIII и первой половины XIX в. с отдельными сочинениями Чернышевского, философскими, историческими и экономическими, для того чтобы притти к более или менее достоверным выводам. Этой работой могли бы заняться наши молодые ученые из Института красной профессуры и других аналогичных учреждений.

Тем не менее при рассмотрении взглядов Чернышевского мы уже и в настоящий момент можем дать более или менее точные ответы на целый ряд возникающих в связи с этим вопросов. При этом обнаруживается любопытное явление: в общих чертах мировоззрение Чернышевского складывалось под влиянием тех же социально-политических фактов и литературных произведений, которые оказывали влияние на выработку взглядов Маркса и Энгельса, хотя процесс идейного оформления нашего мыслителя совершался с опозданием примерно лет на десять, что было, впрочем, довольно естественно при тогдашней изолированности России, которую попечительное начальство сумело отделить от тлетворного Запада трудно проходимой стеной.

Это были: философия французских просветителей, Гегеля и Фейербаха; произведения экономистов-классиков, французских (физиократы) и английских; литература утопического социализма и коммунизма; наконец, события 1848—1849 годов и развернувшаяся во время них классовая борьба.

2. Философия

Сам Чернышевский в области философии указывал как на своего главного учителя, оказавшего решающее влияние на склад его миросозерцания, на Людвига Фейербаха. Не забудем, что этот же мыслитель оказал сильнейшее влияние на Маркса и Энгельса в тот период, когда они начали вырабатывать свое миросозерцание.

С Фейербахом Чернышевский познакомился через петрашевца Ханыкова в конце февраля 1849 г. Первой работой Фейербаха, которая попала в руки Чернышевского, была «Сущность христианства», насчитывавшая к тому времени уже 8 лет существования. Но для Чернышевского, знавшего о ней только по наслышке, эта книга оказалась настоящим откровением, каковым она, впрочем, была и для немецких радикалов в начале 40-х годов.

Но еще до того Чернышевский был знаком с философией Гегеля. Последнего он по изложениям знал еще тогда, когда находился в Саратове. По приезде в Петербург в 1846 г. он начал знакомиться с Гегелем в подлиннике. Читал он сочинения Гегеля чуть ли не в продолжение всего университетского курса, т. е. до 1850 г. Гегель поразил его величием своей системы, ее универсальным характером и в особенности проникающим ее духом монизма, к которому Чернышевский был склонен по всему складу своей натуры и мысли. Диалектический метод Гегеля Чернышевский усвоил и сохранил до конца. Кто не знает того восторженного гимна диалектическому методу, которым заканчивается

знаменитая статья Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного землевладения»? Вопреки утверждению Плеханова, Чернышевский умел применять этот метод при анализе явлений материальной и духовной действительности, хотя не всегда применял его с одинаковой силой и успехом. Но от Гегеля его отталкивал консервативный характер практических выводов немецкого философа, противоречивших внутреннему духу его системы, что впоследствии указано было Чернышевским. Уже в студенческом дневнике Чернышевского отмечаются эти недостатки гегельянства в той форме, какая была придана ему учителем по прусско-королевским соображениям. Естественно поэтому, что та критика, какой подверг взгляды Гегеля Фейербах, была встречена Чернышевским с живейшим сочувствием.

С Фейербаха Чернышевский датирует свой поворот к «научному», т. е. материалистическому, мышлению. Но в высшей степени замечательно, что и в области теоретической философии и в области социологии Чернышевский пошел дальше Фейербаха. Его материализм во всех отношениях последовательнее и строже выдержан, чем у Фейербаха. И хотя по сочинениям Чернышевского можно вообразить, что Фейербах был чуть ли не единственным учителем его в философской области, но на самом деле внимательный анализ философских писаний Чернышевского обнаруживает наличность и других влияний помимо фейербаховского.

В частности Чернышевский чрезвычайно высоко ставил Спинозу, которого признавал действительным родоначальником материалистической философии. С другой стороны, он, повидимому, был основательно знаком с произведениями французских материалистов XVIII в. Установить точно, когда именно Чернышевский познакомился с французскими просветителями, невозможно. В дневнике его от 1850 г. встречается указание о прочтении им известной книги Гельвеция «Об уме». Упоминаний о других французских материалистах в дневнике юношеской поры мы не встречаем, но отсюда нельзя сделать вывод, что он не познакомился с ними уже в то время, так как дневник писан с значительными перерывами. Позже в статьях Чернышевского мы встречаем упоминания Дидро и Гельвеция, но не находим Гольбаха и Ламетри. Однако о Гольбахе Чернышевский говорит в своих сибирских письмах, где ставит его на одну ступень с величайшими мыслителями человечества. А в Сибири, как можно судить по имеющимся источникам, Чернышевский Гольбаха не имел. Отсюда мы определенно можем заключить, что он познакомился с ним (и, вероятно, с другими энциклопедистами) еще в России, и именно до начала своей литературной деятельности.

Точно так же Чернышевский знаком был со школой английских сенсуалистов, в частности с Локком. Знаком он был и с Декартом, и с Фихте и с Шеллингом, и с Кантом, и с Огюстом Контом. К последним, как, впрочем, и ко всем идеалистам и эклектикам, он относился чрезвычайно отрицательно, чтобы не сказать — враждебно. Будучи чрезвычайно целостным человеком, Чернышевский и в теоретической области был столь же непримирим, как и в практической. А так как он считал даже наиболее отвлеченные идеи выражением политических и классовых интересов, как он определенно говорит об этом в своей статье «Антропологический принцип», то он видел в философских про-

тивниках таких же классовых врагов, как и в противниках политических и социальных.

Когда мы внимательно читаем упомянутую статью Чернышевского, являющуюся как бы философским манифестом революционного поколения 60-х годов, мы ясно видим, что на склад философских воззрений Чернышевского повлиял не один Фейербах, а что и французские материалисты XVIII в. вложили сюда свою лепту, и немалую. Хотя в этой статье они и не называются, однако их незримое присутствие здесь довольно ощутительно. Вся манера изложения, вся определенность и законченность материалистического символа веры, излагаемого в этой статье, показывают, что при писании ее Чернышевский руководился не только силою собственной логики, доводившей до конца не всегда определенные и выдержанные положения Фейербаха, но и произведениями великих французских просветителей, в частности Гольбаха, Гельвеция, Дидро и Ламеттри. Это видно также и по некоторым приводимым им примерам.

Это еще яснее видно в тех произведениях Чернышевского, которые посвящены вопросам эстетическим и этическим. В частности в области эстетических воззрений Чернышевский руководствовался не только Фейербахом, который, кстати, в произведениях, написанных до ареста Чернышевского, а в особенности до его магистерской диссертации, очень мало касался эстетических вопросов, да и то в самых общих и беглых чертах, но и Лессингом, которого Чернышевский хорошо знал и которому посвятил целую крупную работу (1856 г.). Взгляды же самого Лессинга сложились под сильным влиянием французских просветителей и в частности Дидро. Поэтому не подлежит сомнению, что Чернышевский знаком был с эстетическими высказываниями главы французских энциклопедистов. И действительно, во многом его эстетические взгляды напоминают воззрения Дени Дидро на искусство.

Еще в большей мере это можно сказать об этической системе Чернышевского, о знаменитой «теории разумного эгоизма». Правда, и здесь Чернышевский, судя по его сибирским письмам, склонен считать своим учителем главным образом Фейербаха. Но если бы мы даже не знали о том, что Чернышевский знаком был с Гельвецием еще в 1850 г. и тогда уже намечал некоторые пункты его этической системы, которые он считал нужным развить и разъяснить, то, читая ту же статью «Антропологический принцип», в которой высказаны и этические воззрения Чернышевского, мы убедимся в том, что кроме Фейербаха еще в большей степени оказали влияние на сформирование его взглядов в этой области французские просветители, в частности Гольбах и Гельвеций. Целый ряд примеров, приводимых Чернышевским, содержится в сочинениях Гельвеция. Сходство рассуждений Чернышевского и Гельвеция по этому вопросу отмечено уже Плехановым. А на то обстоятельство, что из этического учения французских материалистов вытекают коммунистические выводы (которые и делаются Чернышевским), указал еще Маркс в своем «Святом семействе». Наряду с этими влияниями влияние Бентама и Дж.-С. Милля на сформирование этической системы Чернышевского, о котором говорят некоторые писатели, представляется совершенно ничтожным. С гораздо бо́льшим основанием можно говорить здесь о влиянии Роберта Оуэна с его «Новым нравственным миром», который Чернышевскому, конечно, был известен.

3. Философия истории

Русская историческая наука во времена Чернышевского находилась, в полном смысле слова, в младенческом состоянии. Естественно, что и в этой области ему пришлось черпать свои знания и составлять свои взгляды на историю на основании изучения европейской литературы, главным образом немецкой и французской. Интерес к истории в Чернышевском силен был всегда. Но особенно он усилился после 1848 г., когда Чернышевский пришел к выводу, что для полного понимания развертывавшихся перед ним событий ему необходимо изучить новейшую историю Европы.

Из немецких историков, как нам известно, он изучал внимательно Шлоссера, особенно его «Историю XVIII века», которая привлекала его своим гуманитарным направлением и моральной оценкой исторических лиц; Беккера, писавшего о революционном движении при Людовике XIV, о Пале-Рояле и пр.; вероятно, «Введение в историю XIX века» Гервинуса, которое он впоследствии, сидя в крепости, переводил на русский язык, и, надо полагать, первые томы его «Истории XIX века». Из французских историков он изучал Мишле, Гизо, Огюстена Тьерри, Баранта и др. Особенно сильное впечатление произвел на него Гизо, перед которым он одно время преклонялся, как перед зачинателем нового научного направления в исторической науке. «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции» Гизо внимательно изучались молодым Чернышевским. Не подлежит сомнению, что именно влиянием Гизо, Тьерри и других историков эпохи Реставрации и Июльской монархии навеяны те мысли, которые Чернышевский впоследствии развил в более или менее целостную систему материалистического истолкования истории. Уже в записи юношеского дневника от 28 января 1849 г. Чернышевский делит историю, с одной стороны, на повествование о действиях и происшествиях, а с другой — о состояниях и положениях народа и отдельных классов и указывает, что дело истории показать, как из состояний рождаются действия. Это была первая его попытка сформулировать основное положение научной философии истории, которая была ему подсказана главным образом влиянием Гизо.

Но кроме буржуазных историков на сформирование исторических взглядов Чернышевского влияли и социалистические писатели, и в первую голову Луи Блан с его «Историей 10 лет». Вероятно, и чтение произведений Сен-Симона также оказало свое действие в этом направлении. Теоретические положения, извлекаемые Чернышевским из изучения европейских историков, проверялись на событиях текущей жизни 1848—1850 годов, за которыми молодой Чернышевский внимательно следил. И все это вместе постепенно приводило его к системе воззрений, в высшей степени близко подошедшей к тем взглядам, к которым с середины 40-х годов начали приходить Маркс и Энгельс, хотя сочинений последних Чернышевский, как мы ниже покажем, в то время не знал. Уже в одной из ранних своих работ, а именно в рецензии на первый том сочинений Грановского, Чернышевский отмечает тот недостаток старых историографов, что они обыкновенно упускают из виду «материальные условия быта, играющие едва ли не первую роль в жизни, составляющие коренную причину всех явлений и в других, высших сферах жизни». Даже своего бывшего учителя, Гизо,

Чернышевский упрекает в том, что в программе лекций этого историка не упоминается о материальной стороне жизни.

В сочинениях Чернышевского наряду с некоторыми заявлениями, в которых он платит дань старым идеалистическим воззрениям, в общем проводится материалистический взгляд на историю. Более того, сплошь и рядом в его произведениях, как исторических, так и экономических, попадаются места, иногда чуть ли не буквально совпадающие с высказываниями Маркса. Особенно удачно освещается у Чернышевского вопрос о борьбе классов, которую он связывает с отношениями различных классов в области производства. Здесь, разумеется, много дали Чернышевскому не столько буржуазные историки, сколько главным образом социалисты, особенно Луи Блан, и особенно наблюдения над фактической классовой борьбой во время революции 1848 г.

К сожалению, Чернышевскому ни разу не удалось написать более или менее законченную и связную работу. Поглощенный журналистской деятельностью, он вынужден был писать статьи по всевозможным вопросам, разбрасываться во все стороны, и не имел времени для составления цельного философского или историко-философского произведения. Поэтому в его сочинениях, написанных большей частью на злобу дня и носящих преимущественно публицистический характер, попадаются иногда выражения и мысли, примыкающие к идеалистическому истолкованию истории. Но в общем и целом все его сочинения показывают, что он стоял на материалистической позиции и в области социологии, до которой он — если и не полностью, то в значительной мере — доработался самостоятельно.

4. Политическая экономия и социализм

В этой области учителями Чернышевского были, с одной стороны, представители классической школы политической экономии, как Адам Смит, Рикардо и Мальтус, а с другой — социалисты-утописты, английские и преимущественно французские.

Можно сказать, что оценка, даваемая Чернышевским экономистам-классикам и представителям вульгарной политической экономии, совершенно совпадает с тою, какую мы встречаем у Маркса. Чернышевский неоднократно отмечал, что представители классической школы, выступавшие в то время, когда пролетариат еще не начал свою борьбу против буржуазии, и по общему правилу не преследовавшие сикофантских целей, поставили исследование экономических вопросов на научную почву. Дальнейшее развитие политической экономии должно было, на взгляд Чернышевского, отправляться от достижений классической школы, освещая, впрочем, экономические вопросы с точки зрения интересов трудящихся масс.

С особенным уважением относился Чернышевский к Рикардо, которого и Маркс признавал лучшим выразителем классической школы. О Рикардо Чернышевский сохранил самое высокое мнение до конца своей жизни, как это видно из письма его к Гольцеву от 19 августа 1888 г.

Что касается Мальтуса, то отношение Чернышевского к нему было двойственным. С одной стороны, он считал его одним из классиков политической экономии, продолжавшим дело Адама Смита, а с другой — он признавал его

тенденциозным защитником буржуазного строя. Полемике с Мальтусом по вопросу о законе народонаселения Чернышевский посвятил значительную часть своих примечаний к Миллю. Во всяком случае Мальтуса он выделяет из других классиков, усматривая в нем наличие сикофантских черт, свойственных вульгарным экономистам. В одной из первых же своих работ о Лессинге, относящейся к 1856 г., Чернышевский, признавая Мальтуса одним из «великих людей политической экономии», продолжавших дело Адама Смита, называет его и главою буржуазной школы в политической экономии (главою противоположной школы он называет Годвина, явно имея в виду Англию).

Конечно, Чернышевский прекрасно знаком был и с произведениями вульгарных экономистов, которых он, впрочем, не называет этим термином, введенным Марксом, а о которых иронически говорит как о «так называемых экономистах». Большинство экономических статей Чернышевский посвящает полемике с этими буржуазными сикофантами (Шевалье, Молинари, Воловский, Бастиа, Рошер, Рау) и их русскими подражателями (Вернадский, Горлов). При этом Чернышевский отмечает, что эти экономисты ничего не дали науке после классической школы, но, не ограничиваясь пережевыванием и искажением старой теории, стараются еще вытравить из нее все то, что, по их мнению, может служить подтверждением коммунизма.

Как известно, теоретиками трудящихся, социалистами-утопистами, сделаны были из произведений экономистов-классиков коммунистические выводы. По словам Энгельса, «эти выводы были настолько ясны и глубоки, что литература по этому вопросу... осталась непревзойденной вплоть до самого появления «Капитала». С этой литературой Чернышевский, несомненно, был хорошо знаком, хотя необходимо снова напомнить, что он очень редко называет писателей социалистической и коммунистической школы, которых имеет в виду. О Годвине он определенно говорит; следовательно, с его книгой «О политической справедливости» он очевидно был знаком. Он, правда, не разделял его анархических воззрений, но это не мешало ему ставить Годвина очень высоко. С глубочайшим уважением относился он к Роберту Оуэну — надо полагать не только за его писания, но и за его практику, хотя, конечно, Чернышевский очень хорошо видел все ее утопические слабости (отмеченные его последователем Добролюбовым в статье о Роберте Оуэне). Роберта Оуэна Чернышевский в своем романе «Что делать?» называет «святым стариком». Надо полагать, что Чернышевский был также знаком с сочинениями других писателей из школы Оуэна, например Вильяма Томпсона и Дж. Брея. На это предположение наводят некоторые места в сочинениях Чернышевского. Что касается французских социалистов и коммунистов, то Чернышевский эту литературу знал весьма основательно. Из них он называет Сен-Симона и его школу, особенно Анфантена; Фурье и его последователей, в частности Виктора Консидерана, Кабэ, Пьера Леру, Прудона, Луи Блана.

К практическим начинаниям сен-симонистов Чернышевский относился чрезвычайно отрицательно. Гораздо большее влияние на него оказал Фурье своим учением об ассоциации и роли страстей, в частности учением о привлекательности труда, которое впоследствии неоднократно развивалось Чернышевским как в беллетристических произведениях («Что делать?»), так и в эконо-

мических. С еще большей симпатией Чернышевский, повидимому, относился к Виктору Консидерану, главную работу которого «La destinée sociale» он читал одновременно с Фурье на студенческой скамье.

Особенно глубокое влияние оказал на Чернышевского в период сформирования его взглядов Луи Блан как своей работой «Организация труда», так и «Историей 10 лет». Вначале он даже казался Чернышевскому истинным представителем пролетариата, но постепенно, по мере того как Чернышевский все больше и больше революционизировался и переходил на бланкистские позиции, он начал относиться к Луи Блану отрицательно.

В своей статье «Кавеньяк» 1858 г., а затем в примечаниях к Миллю 1861 г. он уже дает чрезвычайно отрицательную оценку Луи Блана как политического деятеля, проявившего в 1848 г. величайшую бесхарактерность, не сумевшего использовать положение, одурачившего веривших ему рабочих и давшего возможность буржуазии укрепиться в самый критический для нее момент.

Так как Чернышевский чрезвычайно интересовался работами люксембургской комиссии, то надо полагать, что он должен был заинтересоваться и авторами заключительного доклада этой комиссии, Видалем и Пекером, а следовательно и их сочинениями. Но прямых указаний на это в сочинениях Чернышевского мы не нашли.

После процесса в Бурже Чернышевский обратил внимание на выдающуюся личность Огюста Бланки, о котором в дневнике его за 1849 г. имеется сочувственная заметка. О Бланки Чернышевский упоминает и в своей статье «Кавеньяк» как о вожде самого крайнего крыла французского пролетариата, стремившемся направить движение по правильному пути захвата власти. Приходится предположить, что Чернышевский, который сам в общем стоял на той же позиции, что и О. Бланки, составил себе более или менее точное понятие о программе этого великого революционера и о его практической работе и, разумеется, вполне им сочувствовал.

Сам Чернышевский примыкал к основным положениям классической школы, давая им дальнейшее развитие и истолкование в коммунистическом духе. При этом Чернышевский использовал и критику буржуазных отношений, содержавшуюся в сочинениях социалистов и коммунистов 40-х годов, которые пытались строить свои системы, с одной стороны, на основных положениях теории классической школы, а с другой — на данных, почерпнутых из анализа капиталистического развития, приводившего к обеднению трудящихся масс и к их социальной деградации. С их помощью он создал свою оригинальную, но, к сожалению, не во всех частях разработанную и не законченную экономическую систему, о которой Маркс, как известно, выразился, что в ней русский мыслитель мастерски выявил банкротство буржуазной экономии.

5. Чернышевский и Маркс

Иногда высказывается странное мнение, что Чернышевского уже потому нельзя признать революционным коммунистом, что он не был знаком с произведениями Маркса и Энгельса. Такое утверждение однако более чем рискованно.

Ведь революционный коммунизм не родился с произведениями Маркса и Энгельса. Он существовал до них, и сами они развивались под влиянием революционно-коммунистической литературы. Датировать историю революционного коммунизма непременно с появления «Коммунистического манифеста» или образования «Союза коммунистов» более чем смешно.

Поэтому Чернышевский, подобно Дезами, подобно Огюсту Бланки и другим представителям революционного коммунизма, действовавшим в 30-х и 40-х годах, мог быть и был революционным коммунистом, даже не будучи знаком с сочинениями Маркса и Энгельса, появившимися до его ареста.

Нужно при этом помнить, что сочинения названных двух писателей в то время вовсе не пользовались такой популярностью и распространенностью, какой они достигли в последующее время. В сущности Маркс становится более или менее известным широкой европейской публике лишь после основания I Интернационала, т. е. в середине 60-х годов, когда Чернышевский уже был изъят из рядов живых. Первые же произведения Маркса и Энгельса («Положение рабочего класса в Англии», «Нищета философии» и пр.) и даже «Коммунистический манифест» для массы тогдашних социалистов прошли почти незаметно. В этом отношении чрезвычайно характерен тот факт, что В. Либкнехт, принимавший деятельное участие в германской революции в течение всего 1848 г. и даже 1849 г., уже попав в эмиграцию, не имел понятия о существовании этой замечательной работы и узнал о ней только тогда, когда познакомился с Марксом.

Неудивительно, что в России о Марксе знали еще меньше. Правда, некоторые русские люди 40-х годов, как М. Бакунин, П. Анненков и пр., были знакомы с Марксом, но Анненков принадлежал к другому кругу, чем Чернышевский, а с Бакуниным последний никогда не встречался, так как в его время Бакунин сидел в тюрьме, а затем находился в ссылке. Нужно заметить, впрочем, что в библиотеке петрашевцев имелись как «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, так и «Нищета философии» Маркса. Но что они и среди петрашевцев не пользовались большой популярностью, видно из того, что Ханыков, дававший Чернышевскому для чтения сочинения Фейербаха, Фурье, Гегеля и фурьеристские журналы, повидимому, ничего не говорил ему о сочинениях Маркса и Энгельса, которыми, вероятно, и сам не интересовался и о которых, может быть, даже и не знал. По крайней мере никаких следов упоминания о Марксе и Энгельсе в разговорах с Ханыковым мы в дневнике Чернышевского не находим. Не подлежит сомнению, что если бы эти книги попали в его руки, то они произвели бы на него сильное впечатление, которое так или иначе отразилось бы в его записях. А имелся ли вообще в России в то время хотя бы один экземпляр «Коммунистического манифеста», нам неизвестно.

В 1859 г. вышла работа Маркса «К критике политической экономии». В это время Чернышевский уже специально интересовался экономическими вопросами. Но знал ли он об этой книге Маркса? Трудно сказать, но вернее, что не знал, ибо и эта книга прошла тогда для широкой публики совершенно незамеченной — и не только в России, основательно оторванной от умственного общения с Западной Европой, но и в культурных странах самой Европы. Мы даже не знаем, попала ли эта книга в Россию до лета 1862 г., т. е. до мо-

мента ареста Чернышевского. Нам известно только одно: Чернышевский познакомился с этой книгой на каторге, куда, вероятно, привезли ее каракозовцы или куда она была ему прислана из Петербурга. Поэтому на вопрос, был ли Чернышевский до своего ареста знаком с сочинениями Маркса, знал ли он даже о его существовании, — при имеющихся теперь в печати документах невозможно ответить с положительностью.

Г-н Николаев [1]) рассказывает, что Чернышевский ни разу не упоминал о «Коммунистическом манифесте», но «о Марксе [и Энгельсе] он часто упоминал как о замечательно талантливом сотруднике газеты и отзывался о нем всегда с большой похвалой как о последовательном и крайнем ученике Фейербаха. Вероятно, Чернышевскому была известна и полемическая, направленная против Прудона, «Misère de la philosophie», хотя разговоров об этой книге Маркса мне не запомнилось. Но вот получилась [на каторге] книга Маркса «Zur Kritik». Я увидал книгу уже после прочтения ее Н. Г. и к своему удивлению нашел на книге его собственную надпись: Ревъюция на розовой водице».

К показаниям г. Николаева ввиду общего характера его довольно-таки путаной книжки приходится относиться с крайней осторожностью. Нигде в сочинениях Чернышевского нельзя встретить ни малейшего намека на Маркса; даже там, где Чернышевский вплотную подходил к этому предмету, он все-таки не дает никаких оснований предположить, что он знал о существовании кружка Маркса. Так, даже в предисловии к предполагавшемуся в 1888 г. третьему изданию «Эстетических отношений» он упоминает о Штраусе и Бруно Бауэре как наиболее выдающихся левых гегельянцах, но ни звуком не заикается о Марксе; а здесь как раз уместно было бы о нем упомянуть, если бы Чернышевский знал его как критика Фейербаха (в это время он уже знал о его «Капитале», первый том которого был послан ему в Вилюйск в русском переводе немедленно по выходе, т. е. в 1872 г.). Точно так же он не упоминает о нем и в других местах, хотя говорит и о Прудоне, и о Луи Блане, и о Сен-Симоне, и о Фурье, о Геккере, о Струве и пр. Из слов г. Николаева нельзя понять, о какой газете говорил ему Чернышевский — о «Рейнской газете» 1842/43 годов или о знаменитой «Новой рейнской газете» 1848/49 годов. Если бы Чернышевский знал о «Нищете философии» или о «Коммунистическом манифесте», это знакомство хоть в чем-нибудь да проявилось бы. Поэтому мы полагаем, что г. Николаев ошибается, что он что-нибудь напутал. Точно так же мы оставляем под некоторым сомнением отзыв Чернышевского о «Критике политической экономии»; мы думаем, что по всему складу своего ума Чернышевский должен был иначе отнестись к этой книге. Во всяком случае объяснение г. Николаева, что «Чернышевскому как защитнику интересов всего пролетариата и пролетаризуемого крестьянства именно эволюция-то и закономерное развитие капитализма, неизбежно приводящее к Zusammenbruch'y, и представлялась розовой водицей революции» (ibid.), — это объяснение представляется нам крайне сомнительным. Чернышевский был гораздо умнее, чем его изображает г. Николаев, и слишком хорошо был знаком с диалектикой Гегеля, чтобы не понять Маркса гораздо лучше, чем понимает его г. Николаев. Во всяком случае

[1]) Николаев, Личные воспоминания о пребывании Чернышевского на каторге, М. 1906, стр. 22.

и после рассказа г. Николаева вопрос о знакомстве Чернышевского до ссылки с Марксом остается открытым впредь до опубликования других более достоверных сведений.

По этому поводу Н. Русанов [1]) говорит: «Что Чернышевский не знал Маркса и Энгельса, не знал, по крайней мере, до ссылки, в ту пору, когда он был вождем передовой интеллигенции, в этом не может быть, кажется, сомнения [2]). Он, конечно, мог слышать эти имена, но вряд ли носители их возбуждали в нем интерес. Например, в №№ 9, 10 и 11 «Современника» за 1861 г. помещена большая статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции». В ней попадаются следущие... строки: «В числе писателей, на которых нападает Гильденбрандт, есть и Энгельс, один из лучших и благороднейших немцев. Имя это у нас совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего»... Рядом с Шелгуновым в тех же книжках «Современника» Чернышевский помещает свои «Очерки из политической экономии» по Миллю и как раз по тем вопросам, которые иллюстрирует составленный на основании Энгельса этюд Шелгунова... Но Чернышевский, который должен был, несомненно, внимательно прочитывать и редактировать статьи своего журнала, проходит мимо упоминания об Энгельсе у Шелгунова и не обнаруживает желания остановиться на работе «лучшего и благороднейшего немца».

«На воззрения Чернышевского Маркс и Энгельс, о которых, впрочем, Николай Гаврилович не упоминает странным образом и позже, в своей переписке из Сибири, не могли таким образом иметь влияния. Хотя, объединяя немногочисленные до сих пор биографические данные о развитии Николая Гавриловича, а главное изучая его произведения, нельзя не притти к тому довольно интересному выводу, что первоначальные элементы, влиявшие на выработку мировоззрения как нашего Чернышевского, так и родоначальников европейского научного социализма, были, казалось бы, одни и те же: великие социалисты-утописты; последующие социалисты и политические историки Франции; представители классической политической экономии, почти исключительно англичане; Гегель и крайняя левая гегельянства. Очевидно, в особенностях умственного типа Чернышевского, а может быть, еще более того в условиях непосредственно окружавшей его русской действительности заключались причины, давшие в мировоззрении нашего великого мыслителя перевес рационалистическому началу».

Возможно, впрочем, что Николаев все-таки прав и что Чернышевский до ссылки слыхал что-то о Марксе, но знал его лишь как сотрудника «Рейнской газеты» (вероятно, «Новой») и считал его одним из литературных представителей левого демократического крыла в Германии; о деятельности же его в качестве коммуниста и основателя материалистической школы в истории не имел тогда понятия. Не забудем, что в свое время «Манифест коммунистической партии» и в Европе прошел незамеченным. Таким образом возможно, что о

---

[1]) «Ученики Маркса о Чернышевском» («Русское богатство», 1909, № 11, стр. 60—62).

[2]) Следовательно, Русанов целиком отводит показания Николаева, ибо невозможно предполагать, чтобы он не знал его книжки.

Маркса как философе, экономисте и коммунисте Чернышевский узнал лишь в Сибири.

В 1872 г. Чернышевскому послан был в Вилюйск первый том «Капитала» (это видно по списку книг, помещенному на стр. 182 первого выпуска книги «Чернышевский в Сибири»). Как же он отнесся к этому выдающемуся произведению? Об этом мы, к сожалению, не знаем, ибо в письмах из Сибири Чернышевский о книге Маркса ни разу не упоминает. В записи, сделанной известным писателем-народником А. И. Эртелем 6 февраля 1884 г. [1]), имеется на сей счет следующая заметка: «Чернышевский Н. В числе прочих книг послано было ему в Сибирь Маркса «Капитал» и исследование какого-то немца о русских крестьянах [2]). О последней книге он написал Пыпину, что напрасно он присылает ему «подобные книги»: они его нисколько не интересуют. О Марксе повторил то же, когда уже был в Астрахани, и сказал следующее: «Я, — говорит, — пересмотрел его, да и не читал, а отрывал листик за листиком, делал из них кораблики и пускал по Вилюю; на что он [Пыпин] мне присылает такие книги?»

Неясно, кому были сказаны эти слова. Но совершенно очевидно, что принимать их всерьез невозможно. Если такие слова и были произнесены, то это была одна из обычных шуток Чернышевского, хорошо известных знавшим его людям. Так и понимает эти слова Е. Ляцкий в предисловии к третьему выпуску книги «Чернышевский в Сибири» (стр. XLIII), кстати, полагающий, что они были сказаны самому А. Эртелю. Ляцкий, напротив, думает, что «Капитал» должен был произвести на Чернышевского потрясающее впечатление. «Перед книгой Маркса, — пишет он, — Чернышевский должен был во всяком случае пережить мучительную трагедию человека, оставленного на пустынном берегу перед плывущим мимо гигантским кораблем, который шел открывать новые миры для вечно алчущей человеческой мысли. Книга Маркса была слишком сильна, анализ ее слишком заманчив, но измученная душа Чернышевского уже боялась потрясения: в Пантеоне уже не было места для новых богов». И дальше Е. Ляцкий приводит другой отзыв Чернышевского о Марксе, записанный со слов бывшего с Чернышевским на каторге Стахевича карийцем Н. А. Виташевским и сообщенный им в письме к М. Н. Чернышевскому. По сообщению автора этих воспоминаний, Чернышевский между прочим говорил, что «Маркс напрасно употреблял трилогический философский метод Гегеля: все, что он сказал, можно изложить гораздо проще [3]), но историческая часть работ Маркса — прекрасна» (опять неясно — каких) [4]).

---

[1]) «Страницы дневника А. И. Эртеля» («Голос минувшего», 1913, № 2, стр. 235—236).

[2]) Книга Кейсслера; не интересовали Чернышевского такие книги потому, что они обходили вопрос о низвержении самодержавия, который он сам считал первоочередным.

[3]) Чернышевский всегда стоял за простоту изложения и говорил, что нет того сложного предмета, который нельзя было бы изложить просто. Следует напомнить, что для французского издания первого тома «Капитала» Маркс упростил свое изложение (первой части).

[4]) Повидимому, речь шла об исторической части I тома «Капитала». По рассказу Стахевича, в библиотеке Чернышевского на каторге имелись на немецком языке как «К критике политической экономии», так и первый том «Капитала». Обе они не понравились Стахевичу. На отрицательный отзыв Стахевича о первой книге Чернышевский «ответил ка-

У нас имеется еще одно свидетельство относительно взгляда Чернышевского на учение Маркса. Мы говорим о воспоминаниях А. Токарского, встречавшегося с Чернышевским в Саратове незадолго до его кончины. По словам Токарского, Чернышевский как-то в разговоре заметил: «Неужели не найдется такой человек, который уловил бы закон человеческой жизни, как Ньютон уловил закон мироздания?» И, помолчав немного, он прибавил: «Конечно, найдется». Когда же через несколько дней Токарский напомнил ему про этот разговор и спросил, не приближает ли нас к разрешению вопроса теория экономического материализма, Чернышевский будто бы ответил: «Нет, это, может быть, материал, но не путь к разрешению вопроса» [1]). Во всяком случае на сообщение А. Эртеля это непохоже.

Н. Русанов в статье «Чернышевский в Сибири» [2]) также задает себе «вопрос, имеющий на первый взгляд как будто частный, а на самом деле гораздо более общий характер» а именно: «Как объяснить, что Чернышевский получил еще в 1872 г. «Капитал» Маркса и ни словом, ни полусловом не заикнулся об этой книге в своей переписке, да и позже никогда не упоминал о ней?» И дает на него следующий ответ: «Опять-таки можно на эту проблему ответить лишь предположением. С одной стороны, Чернышевский, очевидно, не мог писать ничего о «Капитале», как о работе, относившейся к тому самому ряду жгучих социальных вопросов, за которые на имя и на сочинения Чернышевского было наложено грозное табу. С другой стороны, он, следуя своей склонности к интеллектуализму, мог и в этом сочинении видеть лишь доказательство и пример того, как нелепо складывается человеческая жизнь, если она не основана на проведении в практику здравых понятий. Маркс просто мог сильно не понравиться Чернышевскому именно той стороной своей книги, которая раскрывает громадное значение в человеческой истории инстинктивно складывающихся отношений производства, в рамках которых человек развивал свои производительные силы. И вот это-то учение о преобладании слепого, но вели-

---

кими-то безразличными словами» (возможно, не хотел вступать в разговор); относительно же второй Стахевич передает лишь следующие его слова: «Досадно одно: наша публика, прочитавши у Маркса восхваление фабричных инспекторов, проникнется желанием иметь и у себя таких же инспекторов; того не подумают, что на нашей российской почве это чужеземное растение выродится и примет совершенно другой вид, чем там у них». Эти пророческие слова вызваны были восторгом Стахевича по поводу описания деятельности английских фабричных инспекторов у Маркса. Чернышевский, полагавший, что самодержавие может только извратить всякий институт, счел небесполезным охладить восторг своего пылкого слушателя.

Дальше Стахевич сообщает, что на первом томе «Капитала» кем-то была сделана карандашная надпись: «Пустословие в социальном духе». Но он спешит прибавить: «Этих слов Николай Гаврилович не говорил мне». И он высказывает предположение, что эту надпись сделал кто-нибудь из обитателей «полиции» (камера в тюрьме) или же М. Михайлов, находившийся в Кадае одновременно с Чернышевским. Это возможно. Но Чернышевский такой надписи сделать, конечно, не мог. См. сборик «Н. Г. Чернышевский», изд. Общества политкаторжан, М. 1928, стр. 95—96.

[1]) А. Л. Токарский, Н. Г. Чернышевский (по личным воспоминаниям) («Русская мысль», 1903, № 2, стр. 54—55). Сообщения Токарского, подобно указаниям других мемуаристов, часто возбуждают сомнения.

[2]) «Русское богатство», 1910, № 7, стр. 80—81.

кого инстинктивного процесса в выработке людских отношений, притом отливавшихся в форму жестокой социальной борьбы, и могло до такой степени оттолкнуть Чернышевского от книги Маркса, что он не счел нужным и говорить о ней. Можно прибавить еще одну гипотезу. Во всем, что касается не столько социологии, сколько политической экономии, Маркс мог показаться Чернышевскому, всегда сильно любившему классическую английскую школу политико-экономов, лишь рикардианцем, но рикардианцем, излагавшим не новые для Чернышевского основные положения Рикардо в такой тяжелой непопулярной форме, которая всегда вызывала иронию и насмешки у Николая Гавриловича... Мне, по крайней мере, приходилось встречать таких учеников Чернышевского, которые относились к «Капиталу» Маркса как к книге, воспроизводящей будто бы умышленно-тяжеловесно давно известные истины, добытые великими английскими экономистами конца XVIII и начала XIX века».

Как мы видим, все это не выходит из области гаданий и предположений, подчас слишком произвольных и субъективных. Особенно поражают своею произвольностью предположения Русанова, очень плохо понявшего действительный психологический облик Чернышевского. Из всех его соображений верно только одно: а именно, что Чернышевский во всем требовал простоты и утверждал, что самую сложную мысль нужно уметь выражать простыми словами. Но чтобы в Чернышевском преобладали элементы рационализма и интеллектуализма, чтобы его поэтому могла отталкивать мысль о роли инстинктивно складывающихся в истории отношений производства, а главное, чтобы его могли пугать картины классовой борьбы, — обо всем этом просто смешно и говорить. Как раз в развитии этих идей, якобы способных оттолкнуть Чернышевского от воззрений Маркса, и состояла одна из главных отличительных черт его литературной деятельности и, скажем прямо, одна из заслуг его перед историей русской и общечеловеческой мысли.

Действительного отношения Чернышевского к тем сочинениям Маркса, которые попали в его руки, мы, повидимому, так и не узнаем, как не узнаем точно и того, с какими именно произведениями Маркса, кроме «Zur Kritik» и «Капитала» (первого тома, посланного ему в Вилюйск и, вероятно, второго, вышедшего в 1885 г., когда Чернышевский находился уже в Астрахани), он был знаком. Но внимательный анализ писаний самого Чернышевского, относящихся к расцвету его литературной деятельности, анализ, который мы даем во втором издании своей работы о Чернышевском, выходящем в нынешнем году, показывает, что он сумел самостоятельно в целом ряде вопросов доработаться до материалистического понимания мира и истории и что в его лице не только русская, но и международная наука потеряла одного из самых оригинальных и глубоких мыслителей. Это очень хорошо понимали такие строгие ценители, как Маркс и Ленин.

Д. РЯЗАНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУССКИХ ПРИЯТЕЛЯХ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Вышедшее недавно новое издание «Воспоминаний» Панаевой, под редакцией и с примечаниями К. Чуковского, заставляет нас вновь пересмотреть вопрос о том, кто был тот Толстой, который рекомендовал Марксу Анненкова. Отзыв К. Чуковского о «Воспоминаниях», поскольку они являются историческим источником, почти совпадает с нашим. «Слишком много внимания,— пишет он,— обращает Панаева на обывательские, ничтожные мелочи, слишком хорошо запоминает закулисные интриги и дрязги. Описывая то или другое большое событие, она нередко видит в нем только мелкие сплетни, а главного совсем не примечает».

Весьма преувеличивая степень достоверности этих сильно пропитанных элементом сплетни показаний, К. Чуковский вынужден признать, что «в разных второстепенных подробностях память нередко изменяет Панаевой». И все же он приводит длинный ее рассказ о знакомстве с Гарибальди, ни на минуту не подвергая сомнению достоверность этого фантастического описания.

Правда, новому издателю мемуаров Панаевой не посчастливилось найти ее рукопись, но ему удалось внести много поправок в текст и найти ключ к ряду имен, которые в предыдущих изданиях обозначены были инициалами или произвольными буквами.

«Например, в шестой главе Панаева повествует о том, что во время ее пребывания в Париже Бакунин познакомил ее с какими-то казанскими помещиками, братьями Т. Покуда эти помещики были обозначены буквою, на них не обращали внимания. Но теперь нам удалось установить, что это были братья Толстые, владельцы села Новоспасского, Спасского уезда Казанской губернии, что один из них, Григорий Михайлович, был приятель Бакунина, жил по большей части в Париже, где встречался с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Он заявил себя горячим приверженцем революционных идей и обещал Карлу Марксу, что тотчас по приезде в Россию продаст свое казанское имение и вырученные деньги пожертвует на нужды европейской революции».

К сожалению, К. Чуковский забыл нам сообщить, как ему все это удалось установить. Конечно, если он имеет в своем распоряжении данные, которые доказывают — независимо от рассказа Панаевой,— что Бакунин был знаком с Толстым и что один из этих братьев действительно встречался с Марксом и Энгельсом, если бы он имел какие-нибудь письма Толстого, которые помогли бы внести некоторый новый свет в этот эпизод и которые дали бы по крайней мере возможность произвести экспертизу и путем их сравнения с имеющимся в оригинале

письмом Толстого к Марксу доказать тожественность их почерков, то мы имели бы не догадки, а вполне обоснованные доказательства.

А пока это только догадки. Попробуем собрать имеющиеся указания.

В главе восьмой своих воспоминаний Панаева рассказывает, как она с мужем и Некрасовым поехали в Казанскую губернию, в имение казанского помещика Т. Мы узнаем между прочим, что Т., «живя два года за границей, прошли фельдшерский курс, учились в заграничных больницах перевязывать раны, пускать кровь, одним словом, подавать первоначальную помощь в несчастных случаях». В шестой главе она сообщает, что в Париже через Бакунина познакомилась «с двумя братьями Т., казанскими помещиками, людьми очень образованными и чуждавшимися тех парижских развлечений, до которых так падко большинство русских путешественников». О том, что у Толстого или Толстых были другие знакомства в Париже, кроме Бакунина, Панаева ничего не сообщает.

Из той же восьмой главы мы узнаем, что «дворни у Т. было немного и каждый служащий получал жалованье, как вольная прислуга. Барщины и каких-либо поборов с баб, конечно, не существовало. Такие нововведения в управлении крестьянами возбуждали бесконечные толки в губернии; все соседи Т., крепостники-помещики, были страшно озлоблены на них, находя, что они подрывают помещичью власть. На Т. сыпались нелепые доносы, будто они под видом лечения собирают к себе народ и толкуют о воле, возбуждают к неповиновению и т. п. Т. знали о доносах и о том, что за ними зорко следят, и потому были осторожны».

Дальше Панаева рассказывает, что именно эти Толстые натолкнули Некрасова и Панаева на мысль издавать собственный журнал. «Толстые высказали свое удивление, каким образом до сих пор в кружке Белинского никто из литераторов не начал издавать журнала, хотя бы на паях, как это делается в Париже». Но из рассказа Панаевой не видно, что Толстой обещал дать деньги на основание журнала. Наоборот, деньги были, по ее словам, даны ее мужем Панаевым.

Между тем в письме В. Боткина к П. Анненкову (Петербург 20 ноября 1846 г.) [1]) мы читаем: «Фонд «Современника» состоит из 35 000 Панаева и 35 000 Толстого. Редакторы — Никитенко, Панаев и Некрасов». Следовательно, уже Боткину было известно, что какой-то Толстой обещал деньги на издание «Современника». Издатели книги «П. В. Анненков и его друзья» полагали, что этим Толстым является Феофил Матвеевич Толстой, на каком основании — неизвестно. Мы знаем только, что Некрасов действительно поддерживал связи с этим Толстым — «известным взяточником, музыкантом, эстетом и цензором, человеком вздорным и гаденьким, имевшим большие связи при дворе и цензуре». Так отзывается о Толстом в своей книге о Некрасове К. Чуковский, тогда еще не знавший о существовании казанского помещика Толстого.

Пыпин ни в своей биографии Белинского, ни в статьях о Некрасове ни разу не упоминает имени Толстого, хотя ему приходится излагать историю основания или преобразования «Современника». А между тем в его распоряжении были письма и Белинского и Некрасова, в которых упоминается имя Толстого. Они впервые напечатаны в известном трехтомном собрании писем Белинского, изданных Е. Ляцким в 1914 г.

---

[1]) «П. В. Анненков и его друзья», Пб. 1892, стр. 521.

В большом письме к И. Тургеневу от 19 февраля 1847 г. Белинский между прочим пишет:

«Да, чуть было не забыл: так как Толстой вместо денег прислал им только вексель, и то на половинную сумму, и когда уже в деньгах-то журнал почти не нуждался, то он и отстранен от всякого участия в «Современнике», а вексель ему возвращен».

В примечаниях Ляцкий сообщает письмо Некрасова к Белинскому, в котором рассказана история основания «Современника».

«Еще в Казани решили мы с Толстым и с Панаевым хлопотать о приобретении журнала, чтоб с 1847 года приступить к его изданию. На это предприятие Толстой и Панаев решились употребить значительные деньги. В июне я отправился в Петербург, в августе прибыл и Панаев, и, наконец, мы на-днях кончили с Плетневым и взяли у него «Современник».

Опять-таки остается неизвестным, о каком именно Толстом идет речь. Е. Ляцкий в своих примечаниях обходит этот вопрос.

Я не знаю, когда именно один из наших известных исследователей жизни Некрасова, В. Евгеньев-Максимов, установил, что наш загадочный Толстой есть именно тот казанский помещик Т., о котором пишет Панаева. В своей книге «Некрасов как человек, журналист и поэт» (Гиз, 1928, стр. 87) он пишет об этом как о давно известном ему факте.

«Летом 1846 г., по рассказу А. Я. Панаевой-Головачевой в ее книге «Русские писатели и артисты», когда Некрасов и чета Панаевых гостили в казанском имении образованного и состоятельного помещика Григория Михайловича Толстого, у них впервые родилось предположение попробовать сорганизовать свой журнал. А в середине сентября того же года Некрасову и Панаеву уже удалось заключить соглашение с владельцем «Современника».

В. Евгеньев-Максимов не указывает, каким образом ему удалось узнать настоящую фамилию казанского помещика Т., о котором пишет Панаева. Всего вероятнее — из книжки Н. Успенского «Из прошлого», вышедшей в Москве в 1889 г., незадолго до того, как автор с собой покончил. В эту книжку вошли не только воспоминания самого Успенского о Некрасове, но и воспоминания одного неизвестного нам автора, специально посвященные пребыванию Некрасова в с. Спасском.

Но В. Евгеньев-Максимов не сделал из этого факта вывод, к которому пришел теперь Чуковский, хотя последний ни в одной из работ своих, посвященных Некрасову, и даже в последней своей работе, вышедшей в 1926 г., не упоминает о Толстом, даже когда ему приходится подробно говорить о Панаевой.

«Село Новоспасское, где жил Григорий Михайлович,— пишет неизвестный автор воспоминаний о Некрасове во время приезда к нему гостей, Н. А. Некрасова и И. И. Панаева,— большое, богатое село, раскинувшееся привольно и широко по оврагу речонки Курлянки, с большим густым садом. В то время Григорий Михайлович жил в деревянном флигеле, построенном у сада, с террасой, выходящей в сад. Тут-то, на этой террасе, в хорошие, ведряные дни, а особенно по вечерам, часто сиживали Некрасов, Панаев и Толстой, и тут-то было окончательно решено арендовать «Современник» у Плетнева. Далеко за полночь на этом балконе велась живая, увлекательная речь о новом журнале, обдумывалась его программа, те улучшения, какие предполагалось ввести в него, и пр. При этом все трое давали

друг другу слово работать для журнала и поддерживать его кто чем может. Г. М. Толстой дал даже тогда, насколько мне припоминается его собственный рассказ об этом, 5 000 рублей (вероятно, ассигнациями) на это дело. Но этим и ограничилась его поддержка журналу. Так, кажется, ни одной его статьи там и не было напечатано. Вероятно, Григория Михайловича вскоре по отъезде гостей увлекла другая страсть, другое занятие, чуждое литературе»...

Автор этих воспоминаний вряд ли был знаком с мемуарами Панаевой, которые впервые были напечатаны в «Историческом вестнике» за 1889 г. Но имеются и другие воспоминания — В. А. Панаева,— в которых имеются интересные данные о Григории Михайловиче Толстом. В них мы читаем: «Г-жа Головачева в своих воспоминаниях коснулась этой личности по поводу того, что Ив. Ив. Панаев и Некрасов гостили одно лето в «Ново-Спасском» у Г. М. Толстого» [1]).

Таким образом можно сделать с большой степенью достоверности вывод, что казанский помещик Т., у которого гостили Панаевы и Некрасов, есть именно Григорий Михайлович Толстой. Но тогда возникает новое затруднение. Панаева все время говорит о братьях Толстых. К. Чуковский уверяет нас, что ему удалось установить не только это, но и то, что оба брата были владельцами села Ново-Спасского. Но если одним из этих братьев был Григорий Михайлович,— имени другого К. Чуковский нам пока не сообщает,— то все имеющиеся свидетельства показывают, что Григорий Михайлович не имел никаких братьев.

Во втором томе «Родословного сборника русских дворянских фамилий», изданного В. Руммелем и В. Голубцовым, мы читаем, что у титулярного советника Г. М. Толстого было только четыре сестры (стр. 512), что он родился в 1808 г. и умер не в 1877 г., как пишет неизвестный автор воспоминаний о Некрасове, а 6 января 1871 г. Все свидетели, в согласии с «Родословным сборником», одинаково утверждают, что он был холост. Следовательно, трудно предположить, что Панаева имела в виду супругов Толстых.

Можно было бы также подвергнуть сомнению и показание Панаевой, что они познакомились с Толстыми через Бакунина. Из того же «Родословного сборника» мы узнаем, что Панаевы были казанские помещики, что двоюродный брат Григория Михайловича, Лев Павлович (род. 21 апреля 1818 г., умер 13 сентября 1870 г.) был женат на двоюродной сестре И. И. Панаева, что двоюродный брат последнего, В. А. Панаев, хорошо был знаком с Толстыми.

Требуется, таким образом, еще установить, кто именно из Толстых был в Париже в 1844 г. Не был ли Григорий Михайлович Толстой вместе с своим двоюродным братом? Был ли там только Григорий Михайлович и Панаева просто ошиблась, говоря о братьях Толстых и в шестой и в восьмой главе?

Решение загадки было бы значительно облегчено, если бы удалось найти какие-нибудь письма Григория Толстого. Сравнение его почерка с почерком имеющегося в нашем распоряжении письма Толстого, в котором последний рекомендует Марксу в таких теплых выражениях Анненкова, дало бы нам достаточную точку опоры.

Кое-какие данные уже теперь говорят в пользу того предположения, что этим Толстым был не Яков Николаевич, а Григорий Михайлович.

---

[1]) Воспоминания Панаева печатались в «Русской старине» за 1893 г., 8 — 12; 1901 г., 6, 7, 10, 12; 1902 г., 1, 5, 8, 9, 12; 1903 г., 1, 2, 4.

Посмотрим, что о нем рассказывает В. А. Панаев.

«Это был тип тогдашних героев высшего круга. Он был не только хорош собою и прекрасного роста, но особенно интересен, и был в полном смысле джентельмен, доказывая не раз это свое качество на деле. Был богат, бо́льшую часть времени проводил за границей и приезжал изредка в деревню с приятелями, преимущественно для охоты. В окрестностях его имения «Новоспасское» было такое беспримерно богатое место для охоты на дупелей, что охотники часто брали в один день по 150 дупелей и более. Женат Григорий Михайлович не был и впоследствии никогда не связывал себя узами брака, но любил поволочиться слегка за особами замужними, заслуживающими внимания. Словом сказать, это был тип, изображенный Пушкиным в «Евгении Онегине».

Надо прибавить — В. Панаев об этом не упоминает,— что Г. М. Толстой был сын крепостной крестьянки и был узаконен вместе с своими сестрами, когда ему было уже семнадцать лет. Вообще семья была из передовых и связана родственными узами со многими декабристами, в том числе Завалишиными и Ивашевыми, а также литераторами (поэт Тютчев — двоюродный брат Г. М. Толстого). В 1838 г. Г. М. Толстой доказал свое «джентльменство», предприняв вместе с Ф. Топорниным «нелегальную» поездку в Туринск к декабристу В. П. Ивашеву [1]).

У того же В. Панаева мы находим рассказ о том, как Г. М. Толстой вступил в сношения с кружком И. Панаева.

«Зиму 1845 года Ив. Ив. провел за границей и, вернувшись оттуда, поехал в деревню, откуда прибыл в Петербург уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. В это время появились три новые литературные личности, а именно: Некрасов, Достоевский и Григорович. Среди знакомых появилось новое для литературного кружка лицо: Григорий Михайлович Толстой, которого я знал с детства. Это был, как я уже сказал, образованнейший человек и в полном смысле джентльмен как в жизни, так и по характеру и по манерам. Толстой проводил постоянно время за границей, где и познакомился с ним Ив. Ив. Он только что приехал оттуда и жил некоторое время в Петербурге, до отъезда в свою деревню Новоспасское, Казанской губернии, Лаишевского уезда, куда и пригласил на лето Ив. Ив. с женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились в неисчислимом количестве в окрестностях означенной деревни. Во время пребывания в этой деревне Ив. Ив. решил вопрос об издании «Современника» и заключил по этому делу союз с Некрасовым».

Мы видим, что В. Панаев и в этой части своих воспоминаний ни слова не говорит о той роли, которую, по словам Панаевой, сыграл в деле основания «Современника» Г. Толстой. Удивительно, что и муж Панаевой, Ив. Панаев, в своих «Литературных воспоминаниях» ни разу не упоминает Толстого.

---

[1]) Рассказ о ней написан Г. М. Толстым и напечатан племянником Топорнина в «Русской старине» (1880 г., ноябрь).

В воспоминаниях мирового посредника первого призыва (Н. Крылова) о введении в действие «Положения 19 февраля 1861 года» в Казанской губернии («Русская старина», 1892 г., апрель и июнь) мы находим следующий отзыв: «Андрей Иваныч был крайний либерал, помнил 14 декабря, знал некоторых декабристов; много хорошего усвоил от Г. М. Толстого, Ф. И. Топорнина, В. П. Ивашева и др.». Крылов подробно рассказывает о событиях в с. Бездна, Спасского уезда Казанской губ., и крестьянине Антоне Петрове

Вспомним теперь рассказ Анненкова, который тоже был постоянным гостем Панаева и Белинского в 1845—1846 гг. Он тоже повествует об основании «Современника», но совершенно умалчивает о роли Толстого, с которым он, как мы это знали из его же писем к Марксу, был знаком достаточно близко. Если В. Панаев прав и Толстой уже в 1845 г. был знаком с Белинским, Некрасовым и Панаевым, то Анненков не мог не знать его. И когда он пишет, что «по дороге в Европу» получил «рекомендательное письмо» к Марксу от «нашего степного помещика, также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника», то мы имеем в данном случае не только простую «аберрацию» памяти. Он мог встретить Толстого «по дороге в Европу», но эта встреча имела место либо в Москве, либо в Петербурге, но и в том и в другом случае в кругу «людей сороковых годов».

Вернемся к воспоминаниям неизвестного автора статьи «Н. Некрасов в с. Спасском».

«Гостеприимный, умный, развитой и замечательно оригинальный человек был Григорий Михайлович! Человек хорошо образованный, богатый, изъездивший не раз Европу, Григорий Михайлович был сыном своего времени. Это был вполне человек сороковых годов, человек увлекающийся, страстный. По характеру своему он имел много общего с С. Т. Аксаковым. Так, одна страсть, одно увлечение, беспрестанно у него сменяли другую. Он то пристращался к охоте и превращал свое жилище в какой-то военный, охотничий арсенал: все комнаты у него тогда увешивались и уставлялись ружьями, рогатинами, кинжалами, ягдташами и прочими принадлежностями охоты, то он пристращался к растениям — цветам и деревьям [1]), и вот он жил как бы в оранжерее с дорогими тропическими растениями и т. п. Все это, конечно, требовало больших денег, и он до того увлекался, что иногда спускал чуть не до гроша свое состояние, обременял себя долгами; но счастие, видимо, ему покровительствовало, и он не ждано не гадано получал откуда-нибудь наследство. И это случалось не один раз в жизни. Так было и до самой кончины Григория Михайловича, последовавшей в 1872 году в Казани».

Анненков заставляет Толстого умереть «не так давно престарелым холостяком в Москве», куда он вернулся, после того как покинул Европу.

Из опубликованных нами писем Анненкова к Марксу следует, что именно от нашего легкомысленного «туриста» Маркс узнал, что «Толстой принял решение продать все имения, которые ему принадлежали в России. Не трудно догадаться, с какой целью».

Мы имеем теперь еще новое свидетельство, указывающее на знакомство Толстого с Марксом и в то же время позволяющее еще более точно определить круг тех «русских людей сороковых годов», которые встречались с Марксом в Париже. Это — письмо Арнольда Руге к Кехли, которое мы публикуем в настоящем номере [2]).

---

[1]) Кстати. Все тот же неизвестный автор уверяет, что Некрасов в своей поэме «Несчастные» имел в виду именно городок Спасск, когда описывал площадь, на которой «чудак, заежий из столицы, успешно ищет дупелей». С этим соглашается и К. Чуковский. Но если это так, то, может быть, и случайная связь между охотой на дупелей и «декабристами» объясняется тем, что организатор этой охоты, Толстой, рассказал Некрасову о своей нелегальной поездке к декабристам?

[2]) Оно принадлежит Институту К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Вчера мы, немцы, русские и французы, обедали вместе, чтобы посоветоваться о наших делах и открыть дискуссию по этим вопросам; из русских были Бакунин, Боткин, Толстой (эмигранты, демократы, коммунисты), Маркс, Риббентропп, я и Бернайс, из французов Леру, Луи Блан, Феликс Пиа и Шёльхер. В общем мы очень хорошо столковались, хотя французы, за исключением Шёльхера (он немецкого происхождения, но не знает ни слова по-немецки) и Пиа, религиозны... Бакунин но отставал от меня, пока я не повел его к Жорж-Занд. Она сидела у камина и курила свои сигары. Она заставила нас рассказать о прусском короле и о Беттине. Она толковая дама. Особый вид демократки с многочисленными слугами и секретарями!»

Этот отрывок заставляет меня внести и другую поправку к моей работе. Оказывается, что Боткин действительно был знаком с Марксом. Таким образом предположение, высказанное еще П. Струве, что между Боткиным и Марксом имелось «личное общение», теперь подтверждается, но это знакомство, возможность которого и я не отрицал, было, как я писал, «совершенно мимолетным, шляпочным». Это непосредственное общение относится к тому времени, когда Маркс еще не был «марксистом». Он только что стал коммунистом, но коммунистом, который в своей критике буржуазного строя был еще очень близок к тем, кого он сам после подверг жестокой критике за их «истинный социализм». Характерно, что Боткин вспомнил об этих встречах, когда прочитал письма Герцена из Парижа: «Недаром вы писали, что Герцен старается каждый предмет понять навыворот, чтоб потом иметь удовольствие поставить его на прежнее место. Его письмо к Щепкину точно писал один из тех немцев, которые года три назад приезжали в Париж учить французов» (письмо к Анненкову 14 мая 1847 г.).

Мы теперь можем прибавить, что он еще и прежде, до 1844 г., подвергался духовному влиянию «немцев», на этот раз Энгельса. Когда осенью 1841 г. был приглашен в Берлин для чтения лекций Шеллинг, его поход против Гегеля заинтересовал молодых русских гегельянцев так же сильно, как и немецких. Шеллинга вместе с Энгельсом слушали Тургенев, Бакунин, Катков. На присутствие русских указывает и сам Энгельс в одной из своих статей о Шеллинге. Катков писал о первой лекции в «Отечественных записках». Герцен, Огарев, Белинский высказались решительно против Шеллинга. Откликнулся на этот спор и Боткин в статье, посвященной немецкой литературе 1842 года.

«Чтения Шеллинга имели целью парализовать критическое движение. Но история его призвания в Берлинский университет составляет такое замечательное событие в современном положении германской науки, что мы считаем нелишним сказать здесь об этом несколько слов».

А дальше «мы» даем дословный перевод и изложение книжки одного «немца» — Энгельса,— посвященной «критике новейшего реакционного покушения на свободную философию». Боткин не считает нужным даже намекнуть, что высказываемые им «мнения» принадлежат не ему, а автору анонимной брошюры «Шеллинг и откровение» [1]).

---

[1]) См. изданные мною статьи и корреспонденции Энгельса за 1839—1844 гг. Достаточно сравнить первые страницы брошюры Энгельса (стр. 120—133) с отрывком из статьи Боткина, напечатанным в примечаниях (стр. 562—566).

Как бы то ни было, все новые данные о Боткине только подтверждают данную нами характеристику этого праотца наших «струвистов». И если даже окончательно будет установлено, что найденный нами Толстой — не Яков Николаевич, а Григорий Михайлович, то и почтенный Анненков еще больше заслуживает той характеристики, которую ему дали уже Лавров и Некрасов. Он во всяком случае был знаком и с тем и с другим Толстым и извлек пользу из обоих знакомств.

Из письма Маркса к Анненкову, которое было опубликовано покойным Лемке [1]), мы знаем, что оно представляет ответ на письмо Анненкова от 1 ноября 1846 г. Оно не имелось в моем распоряжении, — так же, как и ответ Маркса, — когда я писал свою работу. Теперь оно нашлось в архиве немецкой социал-демократии среди разных неразобранных бумаг. Мы даем его в переводе.

1 ноября 1846 г. Париж

Я очень прошу Вас извинить меня, мой дорогой г. Маркс, за то, что почти месяц не отвечал на Ваше последнее письмо. Я был до такой степени поглощен чтением сочинения Прудона («Système des contradictions économiques»), что я забыл почти о всех своих обязанностях. Я хотел бы знать Ваше мнение об этой книге. Если оставить в стороне очень запутанные идеи автора о боге, провидении, антагонизме духа и материи, которого в действительности не существует, то экономическая часть кажется мне исполненной поистине необычайной силы. Никогда еще никакая книга не доказала мне так ясно, что цивилизация не может отречься (ne peut pas abdiquer) и что все, что она выиграла путем разделения труда, машины, конкуренции и т. д., выиграно навсегда для человечества! Я вижу хорошо (и с помощью Прудона это легко) дурную сторону дела, но так как он сражается против коммунизма и в то же время берет один из его догматов, чтобы разрешить трудность, я не верю больше в средство. В общем его книга скорее укрепила, чем ослабила, мои сомнения, и я убежден, что она произведет то же самое впечатление и на многих других. Вот почему я обращаюсь к Вам, чтобы узнать скрытый порок системы, если она имеет таковой, чтобы узнать, наконец, что вы думаете о ней. Признаюсь Вам, что самый план книги кажется мне скорей игрой ума, которому показали уголок немецкой философии, чем вещью, которая была бы естественно порождена предметом и нуждами его логического развития.

Прошу Вас передать г-же Маркс мое глубочайшее уважение и вместе с тем мою живейшую благодарность за высказанное ею желание познакомиться с неизвестным, который поистине не имеет никаких заслуг кроме того, что любит и уважает Вас, дорогой г. Маркс.

Примите мой прощальный привет. П. Анненков.

Если мы теперь обратимся к «Парижским письмам» Анненкова, то в письме от 8 ноября 1846 года мы найдем отзыв о Прудоне, который почти совпадает с только что приведенным.

«А что, — если бросим в сторону религиозные колебания автора «Considérations économiques», — читали ли вы когда-нибудь книгу, которая яснее и убедительнее доказала бы, что цивилизация не может отречься от самой себя, что все ее победы, как то: машины, конкуренция, разделение работ и прочее, невозвратно принадлежат человечеству, и что единственная помощь для общества заключается не в благонамеренных способах исцеления, предлагаемых со стороны,

[1]) «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под редакцией М. Лемке, том III, Пб. 1912, стр. 455—465.

а только в отыскании закона, по которому богатства развиваются правильно и сами собой?..»

Мы не будем теперь перепечатывать ответное письмо Маркса. Оно представляет первый набросок будущей «Нищеты философии».

Оригинал этого письма, бывший еще в руках М. Лемке, повидимому, бесследно исчез. Покойный Лемке, к которому я неоднократно обращался с просьбой найти рукопись Маркса, не мог найти ее. Зато среди бумаг, хранящихся в Пушкинском доме, нашлось следующее письмо Маркса, примыкающее хронологически к письму Анненкова от 8 декабря 1847 г., опубликованному мною прежде.

Лондон, 9 декабря 1847 г.

Дорогой Анненков!

Партийные соображения, по поводу которых я здесь распространяться не могу, заставили меня предпринять поездку в Лондон. Я использовал эту поездку также и для того, чтобы связать Брюссельское демократическое общество с английскими чартистами и выступить на публичном собрании с обращением к ним. Возможно, что Вам попались кое-какие заметки об этом в английских или французских газетах.

Предпринимая эту поездку,— а я принужден провести еще несколько дней здесь,— я оставил семью мою в чрезвычайно затруднительных и тягостных условиях Не говоря о том, что у меня хворают и жена и дети, экономическое положение мое в настоящий момент таково, что жену мою терзают кредиторы и она до крайности нуждается в деньгах.

Каким образом я попал в столь критическое положение, объяснить нетрудно. Немецкие рукописи полностью не печатаются. То, что печатается, я отдаю бесплатно, лишь бы оно появилось в свет. Моя брошюра, направленная против Прудона, продается очень хорошо. Однако часть выручки за нее я получу только к Пасхе.

Доходов, получаемых моей женой, нехватает, а с моей родной матерью я уже довольно продолжительное время веду переговоры относительно того, чтобы получить хотя бы часть моего состояния. Тем не менее все это не может выручить меня из моего настоящего положения.

При этих обстоятельствах, которые я Вам без всякого стеснения излагаю, Вы бы поистине могли спасти меня от печальнейших последствий, выслав моей жене 100—200 франков. Возвратить их Вам я смогу, конечно, только тогда, когда устрою денежные отношения с моей семьей.

Если Вы имеете возможность согласиться на мое предложение, то прошу Вас деньги выслать по моему старому адресу: M. Charles Marx, Bruxelles, Faubourg Namur, rue d'Orléans, 42. Моя жена по Вашему письму никак не должна понять, что я писал Вам из Лондона. Я Вам впоследствии объясню, почему это так.

Надеюсь, в другой раз смогу написать Вам о более утешительных вещах.

Ваш Карл Маркс.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС

ПАМФЛЕТЫ БРУНО БАУЭРА О РУССКОМ КОНФЛИКТЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статья Маркса «Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте» не была еще опубликована нигде. Она, повидимому, составляет лишь начало задуманной Марксом в январе 1857 г. серии статей о брошюрах Бруно Бауэра [1]) по русскому и восточному вопросу. Да и публикуемая здесь работа дальше стадии записи в черновой тетради Маркса не подвинулась: она сохранилась лишь в тетради с выписками, датированной Марксом — Лондон, январь 1857.

По существу затронутые и заостренные здесь Марксом вопросы международной политики 50-х годов прошлого столетия впервые в исторической литературе получили марксистское освещение в работах Д. Б. Рязанова [2]), к которым и отсылаем интересующегося этими проблемами читателя. Только с выявлением актуальных вопросов тогдашней исторической обстановки она приобретает особый интерес. Здесь нам остается сказать несколько слов о происхождении статьи.

После той убийственной критики, которой Маркс и Энгельс подвергли писания своего бывшего друга Бруно Бауэра в «Святом семействе» (1845), он для них как будто перестал существовать. Во время революции 1848/49 гг. Бауэр также не играл сколько-нибудь значительной роли, несмотря на свою, не лишенную интереса, критику действий Национального собрания и демократических политических деятелей «слева». После наступления реакции он некоторое время совсем отошел от политики и возобновил свою критику Библии. Но уже с 1852 г. он опять появляется на арене политической публицистики и даже — также через посредничество Чарльза Дана — помещает свои статьи в «Нью-йоркской трибуне», т. е. в том же самом органе, в котором тогда начали сотрудничать Маркс и Энгельс. В одной статье Бауэр тогда уже затронул вопрос — развитый им затем в своих брошюрах — об исторической роли революции 48-го года и позиции европейских правительств; он характеризовал послереволюционную политическую ситуацию таким образом, что правительства исторически были правы, подавляя революцию, ибо она еще «не созрела»; с другой стороны, права была и революция, так как она представляла идеи будущего, хотя и в «эмбриональной» форме. Энгельс очень метко назвал такую точку зрения «банальной диалектикой» и карикатурой на старика Гегеля. Но Бауэр шел еще дальше. Если раньше, начиная с 1843 г., он отказывался от всякой политической деятельности и видел спасение лишь в возврате

---

[1]) Бруно Бауэр опубликовал в течение 1853—1855 гг. в издании своего брата Эгберта Бауэра, Шарлоттенбург, следующие брошюры по русскому и восточному вопросу: 1) «Russland und das Germanenthum», 1853, 121+84 стр.; 2) «Russland und England», 1854, VI+107 стр., франц. перев. «La Russie et l'Angleterre», 1854, IV+88 стр.; 3) «Die jetzige Stellung Russlands», 1854, 28 стр.; 4) «Deutschland und das Russenthum», 1854, 28 стр.; 5) «Aberdeen», 1854, 15 стр.; 6) «De la dictature occidentale», 1854, 38 стр.; 7) «Die russische Kirche», 1855, 35 стр.

[2]) См. Д. Рязанов, Очерки по истории марксизма. Москва, «Моск. раб.», 1923, гл. IV; Англо-русские отношения в оценке К. Маркса, стр. 485—603. Его же: Введения и примечания в: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том X и XI. Госиздат, 1924.

к чистой теории, к самодовлеющей «критике» [1]), издевался над «массами» и противопоставлял им единственно творящие историю «критически мыслящие» личности, то после революции, в 50-х годах, он пришел к выводу, что спасение заключается лишь в «мужике», который один только может спасти цивилизацию от гибели и пагубного влияния промышленных городов. Другими словами, Бауэр к этому времени стал приверженцем того крыла прусской консервативной партии, которое проповедывало «феодальный социализм». Неудивительно, что взоры Бауэра устремились на Россию, на русского «мужика» как на спасителя цивилизации от грозящей ей опасности со стороны «нивелирующего босячества» промышленного Запада. В таком духе и написаны перечисленные брошюры Бауэра.

Маркс и Энгельс, уже с 1853 г. боровшиеся с панславистскими тенденциями «Нью-йоркской трибуны», собирались публично выступить против памфлета Бауэра «Россия и германство»; Энгельс в конце 1854 г. хотел написать ответную брошюру «Германство и славянство» [2]). Но отсутствие издателя и усиление русофильских тенденций в «Трибуне» принудили его начать, по просьбе Маркса, серию статей (незаконченную) о панславизме в самой «Трибуне».

В конце 1855 г. Бруно Бауэр приехал в Лондон навестить своего брата-эмигранта Эдгара и убедиться в «правильности своих взглядов» относительно вреда индустрии. Оба брата посетили Маркса 12 декабря 1855 г. Маркс и после имел ряд встреч с Бруно. В своих письмах к Энгельсу за этот период Маркс рассказывает о новых откровениях бывшего их друга. Так, он пишет 18 января 1856 г.:

«Несколько раз виделся снова с Бруно. Романтика все более и более оказывается «предпосылкой» критической критики. В экономике он увлекается физиократами, которых не понимает, и верит в специфические благодатные свойства земельной собственности... Что касается России, заявил он, то старые порядки на Западе должны быть сметены с лица земли; это может исходить лишь с Востока, так как только восточный человек обладает действительною ненавистью, а именно ко всему западному, а Россия — единственная концентрированная сила на Востоке и к тому же единственная страна в Европе, где крепка «связь частей» (Zusammenhang)».

Такие «открытия», по всей вероятности, дали новый толчок к реализации плана задуманной еще в 1854 г. ответной брошюры против памфлетов Бауэра. Во всяком случае, как видно из записных тетрадей Маркса, он в январе 1857 г. серьезно приступил к изучению русской истории и русского языка и взялся за обработку брошюр Бауэра. В письме к Энгельсу от 10 января 1857 г. он пишет: «У меня имеется целая пачка памфлетов Бруно Бауэра, написанных им во время русской войны. Слабо и претенциозно». Как видно из публикуемой статьи, Маркс успел «обработать» только два памфлета; его экономические работы и предложение Дана сотрудничать в американской Энциклопедии, повидимому, прервали эту работу.

Интересно также, что Маркс тогда уже предполагал, что Бруно Бауэр продался русскому царскому правительству. Позднее, в 1859 г., он узнал это от Бискампа, бывшего в интимной дружбе с Эдгаром Бауэром в 1858 г. и в начале 1859 г., во время совместной их работы в редакции лондонской немецкой эмигрантской газеты «Neue Zeit». В письме от 28 мая 1859 г. он пишет Энгельсу:

«Кстати. От Бискампа, источником которого является сам клоун [Эдгар Бауэр], я узнал, что Бруно Бауэр действительно получал деньги от России. Он получил 300 фридрихсдоров от русского посла Будберга. Клоун был соучастником. Бруно порвал сношения, так как Будберг относился к нему «непочтительно» и заставлял его ждать в передней. Целью поездки в Англию было то, что братья — благородная пара братьев — хотели попробовать вступить в сделку с английским правительством. Конечно, из этого ничего не вышло».

Действительно ли Бауэр получал деньги от русского правительства, документально еще не установлено. Во всяком случае Маркс был убежден в этом.

Ф. Шиллер.

[1]) И в публикуемой здесь статье Маркс все время называет Бауэра «Критикой» — блаженной памяти «Святого семейства».

[2]) Подробно см. об этом: Д. Рязанов. Введение к X тому соч. Маркса и Энгельса, Госиздат, 1924, стр. XXXV и дальше.

a) La Russie et l'Angleterre (Россия и Англия), 1854.

Памфлеты эти претендуют, между прочим, на пророчество, на стремление угадать судьбу, путем критического изучения состояния европейских государств определить их взаимные отношения и вытекающую из них современную историю. Метод решения этой задачи свидетельствует о некоторой хитрости. Так как компетентность и предварительная осведомленность критики должны быть подтверждены современной историей, то проще всего, повидимому, сравнить выводы критики с фактами современной истории, судить о первых по вторым и таким образом убедиться в том, подтверждаются ли или опровергаются притязания критики. Например, в указанном памфлете мы читаем:

«La pratique constitutionnelle a gagné infiniment de terrain, et la résistance passive des assemblées nationales, issues de la révolution de l'année 1848, a pris de plus grandes proportions. Toute l'Europe s'est partagé, en ce moment, les différents rôles du drame constitutionnel; l'Occident s'est chargé du rôle de l'opposition honnête; la Russie représente le gouvernement armé de la force et usant de son autorité» [1]).

Мы не будем останавливаться на неправильности оборота, отождествляющего «конституционную практику», прибавлением слова «и», с «пассивным сопротивлением» «не конституционных» собраний 1848 г. и т. д. Из всех этих собраний это могло бы быть верно только по отношению к «assemblée législative» [2]). Но возьмем фразу так, как она есть. Западная Европа, assemblée législative ограничивается пассивным сопротивлением, а Россия, «сильно вооруженное правительство» «принимает решительные меры» посредством coup d'état [3]), подобно тому, как это делали Бонапарт, Франц-Иосиф и Фридрих-Вильгельм IV. Таково было критическое понимание положения вещей в апреле месяце — понимание недавнего про-

---

[1]) Конституционная практика значительно расширилась, и пассивное сопротивление национальных собраний, возникших в результате революции 1848 г., приняло большие размеры. Вся Европа в этот момент распределила между собою различные роли конституционной драмы: Запад взял на себя роль честной оппозиции; Россия представляет сильно вооруженное правительство, пользующееся своей властью.

[2]) Законодательному собранию.

[3]) Государственного переворота.

шлого, вместе с тем являвшееся предсказанием ближайшего будущего. Ближайшие недели опровергли это понимание и предсказание и показали, что критика с легкомысленной поспешностью превратила физиономию одного момента в застывшее выражение. Западные державы не только отказываются от «пассивного сопротивления» и переходят к агрессивным действиям, но, прежде чем они стали действовать, Россия своими дунайскими походами доказала, что она не только не сильно «вооружена», а что скорее ее оружие не обладает силой и что вместо «принятия мер» она переходит к отступлению. От аналогии правительств, октроирующих и производящих coup d'état, с собраниями 1848 г. и т. д. ничего не осталось. Итак, предсказание критики оказалось неверным! Итак, понимание отношений призрачно! Ничуть не бывало. После того как наступили неприятные события, совершенно уничтожающие выводы критического памфлета *a)*, Б[руно] Б[ауэр] развязно начинает брошюру следующей дипломатической сентенцией:

b) («Современная позиция России» 1854).

«Это (вышеприведенное) утверждение, высказанное нами еще (!) в апреле, было вполне подтверждено тем оборотом, который приняли события под стенами Силистрии: Европа разыгрывает действительную и вполне конституционную драму: правительство сравнялось с оппозицией, оно также проявило себя как конституционное — или совсем не прибегало к насилию, или применяло его лишь в такой форме, что насилие это не было рассчитано на решительные действия».

Двойственный характер удовлетворения, которое дал критике «оборот дела», проявился в особенном «обороте» речи, «высказанном еще в апреле». Значит, критика не отказывается от своего высказанного еще в апреле утверждения после того, как русские в марте отступили от Силистрии? Ничуть не бывало. Итак, «еще» должно было бы обозначать «уже». Наше высказанное «уже» в апреле, до наступления события, утверждение подтвердилось в марте. Но оно скорее не подтвердилось. Итак, не «уже», а «еще» с добавлением, благодаря которому эта фраза становится грамматически невозможной. «Мнение, которого я придерживался еще в апреле, осуществилось в марте». Но критика не говорит, что ее «высказанное еще в апреле утверждение» уже в марте «получило свое подтверждение». Никоим образом. Новый оборот дел придал скорее и ее утверждению новый «оборот», о котором в апреле «еще» и не подозревали. Последующие события не «подтвердили» утверждение критики, но «оставили в полной силе его осуществление». Very well. Это проливает новый свет на соотношение между событиями и критикой. Если они не оправдывают утверждений критики, то они по крайней мере способствуют дальнейшему «осуществлению» этого утверждения и обнаруживают скрытое содержание критики, о котором она до сих пор не подозревала. Между критикой и событиями существует не только теоретическая, но и практическая связь. А как же обстоит дело с «полным осуществлением», которое апрельское утверждение «получило» благодаря мартовским событиям? Драма, которую разыгрывает Европа, является действительно и вполне конституционной! Действительно и вполне! Разве

слово «вполне» придает новое определение слову действительно? Оно ослабляет и вульгаризует его. Этим все исчерпывается. Но этот напыщенный слог, выражение «действительно и вполне» свидетельствуют о такой же беспомощности, как прежнее злополучное «еще». В апрельском утверждении, во-первых, «пассивное сопротивление» национальных собраний 1848 и следующих годов неправильно отождествлялось с «конституционной практикой», и, во-вторых, восточный конфликт превратился в «конституционную» драму, в которой западные державы сравнивались, ввиду их «пассивного сопротивления», с национальными собраниями 1848 и следующих годов, а Россия — с правительствами, производящими государственный переворот. На самом деле это не было конституционной драмой, так как конституционного образа действия держалось лишь Национальное собрание, правительства же занимались только вопросами об уничтожении конституции. Теперь после того, как Россия побита, когда ее вооруженное наступление отражено силою оружия и ей пришлось приступить к переговорам, теперь драма, которая прежде была только «не реально» конституционной, стала «действительно» и «вполне конституционной». Но с того момента как правительство становится «конституционным», как, например, в Англии или в Бельгии или во Франции Луи-Филиппа, оно перестает походить на национальные собрания 1848 и следующих годов и на правительства, стоящие против них. Но мало того! Когда Россия начала «вести переговоры» и поэтому, по Бруно Бауэру, стала играть роль «конституционного правительства», тогда, с другой стороны, западные державы перестали оказывать «пассивное сопротивление» и перешли к активным военным действиям, к вторжению. Если прежде слово «конституционный» не подходило к России, то теперь оно не подходит уже к западным державам. И это критика называет «полным осуществлением» ее апрельского утверждения! Но таким образом все же, с одной стороны, остается «осуществление» фразы «конституционный», которое находилось в апрельском утверждении. Мы видим, что пророчества критики столь же двусмысленны, как изречения древних оракулов. Если их слова опровергаются событиями, то это одна видимость. Если наступает прямо противоположное, то опять-таки оказывается скорее, что первоначальное критическое изречение означает его собственную «противоположность», а события лишь обнаруживают его диалектический характер. Посредством такого рода диалектики, которая исполнение предсказания доказывает наступлением противоположного, пророчество критики во всяком случае сбывается. Уркарт придерживается другого метода. Если его предсказания сбываются, то их верность подтверждается их исполнением. Если же они не сбываются, то уже одно предсказание будущего помешало его выполнению. В первом случае подтвердилась теоретическая истина, в последнем достигнута практическая цель пророчества.

Критика упрекает ежедневную печать в том, что она слишком отдается интересам данной минуты. Критика же, наоборот, понимает данную минуту как момент связи с целью, т. е. в общей форме. На самом же деле оказывается, что если ежедневная печать практически поглощена событиями дня, то критика теоретически терпит такое же поражение. Отдельное событие фиксируется ею и превращается в воплощение общего утверждения, которое отбрасывает всякий

новый оборот вещей, даже видимость точности [1]). В то время как «язык» России еще в апреле становится выражением всемирно-исторической фазы (в памфлете *a*), действия России в мае (в памфлете *b*) внушают критике следующий малодушный вопрос: «Наступила ли и в России эпоха Запада? Можно ли и ее уже причислять к Западу и т. д.?» («Современная позиция России», стр. 18).

Так как формулированное критикой еще в апреле утверждение, согласно которому разыгрывается конституционная драма, причем Россия играет роль правительства, прибегающего к насилиям, а западные державы берут на себя пассивное сопротивление, идейную оппозицию, составляет гвоздь брошюры *a*, и так как уже в марте события притупили его острие, то благодаря этому роль критики в сущности «вполне» этим исчерпывается. Но перейдем к деталям.

Во-первых, так называемые исторические иллюстрации. Между прочим проводится параллелизм между событиями, подготовившими французскую революцию 1789 г., и событиями, которые в настоящее время будто бы подготовляют революцию в Англии. Тюрго видел в «свободе торговли» разрешение всех вопросов (стр. 72). Так было и в Англии во время Лиги против хлебных законов. — Можно ли проводить аналогию между более несоизмеримыми вещами? Франция была прежде всего земледельческой страной, а Англия — промышленной страной. Поэтому свобода хлебной торговли имела совершенно различное значение в обеих странах. Во Франции fait précis [2]) и positif [3]) «финансового дефицита и банкротства» (стр. 72). А в Англии? А в Англии до войны правительство испытывало затруднение, вызванное тем, что там имелся финансовый излишек и ввоз и вывоз удвоились. Разве это аналогия? «Точно так же в Англии мы констатируем моральный и политический дефицит». Какая аналогия! С одной стороны, «точный и положительный факт», с другой — субъективное суждение критики о положении. Аналогия заключается в слове дефицит. *X* умер, потому что сломал себе ногу. Пророческая аналогия: *Y* умрет, потому что он нарушит свое слово [4]). Точный и положительный факт финансового дефицита и государственного банкротства предшествовал французской революции. Моральный и политический дефицит при Людовике XV и еще раньше предшествовал финансовому дефициту и государственному банкротству. Во Франции реформы, предложенные правительством нотаблям и парламентам, казались ничтожными по сравнению с предчувствием революции. Также в Англии никто не интересуется биллем Росселя о реформе (стр. 73). Какая аналогия! В предложениях французского правительства речь идет о разрыве с прошлым французской монархии, в предложе-

[1]) Так, например, у Прудона. Когда в 1850 г. металлический запас банка увеличился больше чем на 20 миллионов ф. ст., а учет понизился на $2^1/_2\%$, то это событие означало осуществление новой фазы в истории буржуазного общества, наступил час Banque du peuple (Народного банка). Для него в Париже это событие было ново, совершенно ново, потому что его кругозор ограничивался южным берегом Ламанша.

[2]) Установленный факт.

[3]) Положительный.

[4]) По-немецки игра слов: *X* starb, weil er ein Bein brach, *Y* wird sterben, weil er sein Wort bricht. По-немецки brechen значит сломать и brechen значит также нарушить.— Прим. ред.

ниях Росселя 1831 г. — о кабинетной интриге: там разрыв с вековым прошлым, здесь проведение мероприятия, которое не насчитывает еще и 3 десятилетий. Там буржуазия не интересовалась предложениями правительства, потому что они были несоизмеримы с революцией, которая ей была нужна: здесь, несмотря на свой собственный интерес к мелкому маневру вигов, ей удается только заинтересовать народную массу, которая не со вчерашнего дня, а со следующего дня после билля о реформе разочарована в реформах вигов. Далее проводится аналогия между Неккером и Пальмерстоном! В угоду критике, Пальмерстон теряет «смелость и энергию», он «проникается своей миссией» и «считает себя последним спасителем своей страны». Аналогия между Робеспьером и Росселем не была бы столь нелепа. После этого неудивительно, что queen Victoria [1]) может превратиться в reine Antoinette [2]).

Мы вовсе не отрицаем того, что в Англии предстоят большие конфликты. Но мы отрицаем хотя бы малейшее понимание этих конфликтов в данной «исторической иллюстрации». Самое низкопробное политиканство несравненно выше этого пустого глубокомыслия.

Чтобы доказать, что англичане ошибаются, полагая, что их кабинет поддается influence étrangère [3]), Бруно Бауэр указывает на Фокса, который открыл, что Россия поддерживает и гарантирует мир в Европе. Для этого он цитирует одно место из речи Фокса от 24 мая 1803 г. Он должен был бы пойти еще дальше и упомянуть о «тайной» миссии, возложенной Фоксом на Адера в 1790 г. по поводу предстоявшего второго раздела Польши. А что доказывают «тайна» и противозаконная связь Фокса с Екатериной II? То, что Пальмерстон не состоял в тайной и противозаконной связи с Николаем. Впрочем, Фоксу не приходилось делать открытий относительно России. При Вильгельме III это открытие уже было сделано маркизом Кармартеном, а при Георге I — стоявшими тогда у власти вигами. Дипломатические документы показывают, что с тех пор Россия оказывала влияние на министерство вигов. Не поэтому ли именно Пальмерстон нарушил традицию вигов? Почему же бы ему не довести ее скорее до полного осуществления и не продаться целиком России? Утверждение, что Фокс открыл англо-французский союз, так же неверно, как эта «защита» Пальмерстона. Стэнгоп сделал это открытие уже непосредственно после Утрехтского мира.

Чтобы доказать полезное влияние России, говорят, что занятая ею позиция повлекла за собою «la décadence de l'antagonisme anglo-français» [4]), или, вернее, англо-французский союз. Уже в 1717 г. существовал англо-французский союз, который несколько лет спустя Георг I пытался превратить в европейский союз против России. Четверной союз 1834 г. был вторым союзом Англии и Франции, направленным, повидимому, также и против России. Таким образом с этой стороны Россия не могла создать ничего нового и неслыханного. Но если один только союз между Францией и Англией был огром-

---

[1]) Королева Виктория.
[2]) Королеву Антуанетту.
[3]) Иностранному влиянию.
[4]) Ослабление англо-французского антагонизма.

ным результатом, достигнутым Россией, то чем же был союз Англии, России, Пруссии и Австрии против Франции Луи-Филиппа, коалиция 1840 года? Согласно конструкции Бруно Бауэра эта коалиция доказывает, что Франция Луи-Филиппа была еще опаснее николаевской России. Затем критика открывает, что, после того как Англия благодаря своей войне против революционной Франции предала континент,— это открытие не имеет по крайней мере заслуги новизны,— она сама почувствовала потребность «de se charger elle-même de la tâche révolutionnaire de la France. C'est Canning qui a rempli le vide. Il leva en Angleterre l'étendard de la révolution pour en faire le véritable adversaire de la Russie» [1]). В виде доказательства приводится риторическая цитата Каннинга из Виргилия quos ego! [2]), как будто фраза captain'a of Eton является доказательством. Слова о «политике принципов» принимаются на веру, за чистую монету. Эта фраза еще менее верна, чем прежние фразы о «политике интересов». Впрочем, о войне Питта также повсюду протрубили как о «войне принципов», и значительная часть англичан этому поверила. Она отчасти и была таковою, потому что власти олигархии грозила опасность вследствие внутренних волнений незадолго до французской революции и в начале ее. Впрочем, фраза Каннинга была сперва направлена не против России, а против Франции. Интервенция в Португалии была ответом на интервенцию Франции в Испании. Эта «политика принципов» в своем осуществлении — признании независимости испанской Америки — находилась в своеобразной связи с английскими торговыми интересами. Так как Пальмерстон под фразой Каннинга понимает свою политику, вызванную совершенно особенными определенными мотивами, то Бруно Бауэр убежден, что фраза Каннинга об «intervention révolutionnaire» стала действительной политикой Англии и причинила ей много зла. При этом мы узнаем, что билль о реформе настолько изменил характер английской конституции, «que les Anglais-mêmes ne reconnaissent plus en quoi se distingue leur constitution de celle du continent» (стр. 9) [3]). Со времени Георга IV английская конституция подверглась измененениям лишь в том, что: 1) изменилось распределение rotten boroughs [4]) в пользу вигов, представляющих собою одну из фракций аристократии, 2) что промышленная буржуазия в 1831 г. в такой же степени усилила свое парламентское влияние, в какой это сделала финансовая буржуазия посредством glorious revolution [5]) 1689 г. Бруно Бауэр сделал также открытие, что «l'abrogation des lois des céréales, comme la proclamation du principe de la liberté du commerce renferment l'aveu que sa suprématie (английской промышленности) est perdue» [6]). Эти факты доказывают, наоборот: 1) что интересы промышленной буржуазии одержали победу над интересами земельного дворянства, 2) что английская

[1]) Взять на себя революционную миссию Франции. Каннинг заполнил эту пустоту. Он поднял в Англии знамя революции, чтобы сделать ее настоящим врагом России.

[2]) «Я вас!» — окрик Нептуна.

[3]) Что сами англичане не замечают более, чем отличается их конституция от конституции континента.

[4]) Гнилых местечек.

[5]) Славной революции.

[6]) Отмена хлебных законов, как и провозглашение принципа свободы торговли, содержит признание, что она (английская промышленность) перестала быть господствующей.

промышленность не нуждается больше ни в каких монополиях, кроме монополии своего собственного капитала, что лишь теперь она может быть уверена в своем действительном господстве. Англия теперь, при начале войны, не была еще «assez degradée» [1]) «pour supporter l'idée offensante d'une alliance avec sa rivale» (стр. 10) [2]). Англия современной промышленной буржуазии, не унижая себя, не может, конечно, заключать союзов, которые противоречили бы интересам и предрассудкам прежде господствовавших классов. Англия всегда представляет «ту же самую» моральную личность. Глубокое унижение, которому подверглась здесь Англия, доказывается фразой: «Les peuples ne sauraient oublier leur passé qu'en renonçant à l'avenir» [3]). Как будто постоянное «уничтожение» прошлого не является «созиданием» будущего.

Таким образом будущность питтовской Англии отождествляется с будущностью Англии. Как только «народ» побеждает господствовавший прежде класс и поэтому рвет с созданным этим классом политическим прошлым, он уничтожает свою будущность.

По мнению Бруно Бауэра английский «национализм» выражается в ненависти к Франции и vice versa. Этот английский «национализм» возник со времени «glorious revolution» [4]) — прежние феодальные войны между Францией и Англией имели, конечно, совершенно другой смысл, и поэтому этот национализм неискореним. Какое глубокомыслие!

Русский национализм проявляется в заключении союзов то с Францией против Англии, то с Англией против Франции. Но Англия и Франция не могут объединиться против России, не отказавшись от «будущего». В сущности Бруно Бауэр хочет доказать, что, за исключением России, национальные особенности европейских государств исчезают.

Франция и Англия, представляя собой «Запад», борются против России. Как будто Россия, Англия, Австрия, Пруссия, Неаполь, Испания, представляя собой Европу, не боролись против Франции? И разве они этим не воссоздали вновь свою народность? Гражданское общество, конечно, не интересует критику. Английское, французское общество проходят различные политические стадии развития. Раз одна из этих стадий пройдена, критика ясно сознает упадок этого общества. Что, например, доказывает политиканствующая глава о «calculs» в «arrière-pensées des alliés» [5]), как не то, что эти общества все еще борются с политическими традициями, соответствовавшими одной из предшествующих стадий развития, и что они еще не выработали той политической формы, которая соответствует потребностям новой стадии развития? А кто может гарантировать, что, как бы жалок ни был этот союз, он является средством для достижения этой высшей формы? То, что общество с современным производством нуждается в других международных отношениях, чем феодальное общество, есть тавтология.

---

[1]) Достаточно унижена.

[2]) Чтобы примириться с оскорбительною мыслью о союзе со своей соперницей.

[3]) Народы могут забыть свое прошлое, лишь отказавшись от будущего.

[4]) Славной революции.

[5]) Расчетах в задних мыслях союзников.

Кто сказал ему, что Россия «a formé le plan de consolider son influence sur la Turquie sans l'aide d'un allié» [1]). Не старалась ли она отомстить за последнюю войну после союза Франции, Англии, Австрии, и не поддерживала ли она всегда союз с Пруссией? И каковы бы ни были взгляды и намерения французской и английской политики, кто поручится ему за то, что Россия не была всегда уверена в тайном союзе с английским правительством и что она не видела в этом гарантию для своей наглости?

Или достойный Бруно Бауэр верит утверждениям России, что ее действительным мотивом было «la cause des populations greco-slaves de la Turquie» [2])? И в Израиле не нашел я такой веры!

Значительная часть брошюры посвящена описанию уловок английского правительства (а также французского) и его уступкам по отношению к России. И в самом деле, не по вине английского правительства Россия не выполнила своих планов в Турции. Что это доказывает? Что английское и французское правительства, особенно первое, действовали под давлением масс? Нет, это доказывает лишь то, что Англия сознает «свою слабость» и что правительство и общество, если они фактически разделены, теоретически должны быть отождествляемы.

Die demandes Russlands! [3]) Действительная цель России заключалась в том, чтобы заменить более или менее существующие самоуправления у славянских и греческих народностей управлением русских консулов. Критика, очевидно, доверчиво принимает декламации России за ее действительные мотивы, а затем в позднейшей брошюре с досадой констатирует, что Россия отказывается от своих false pretences [4]). Бруно Бауэр упрекает газеты за последние турецкие события. Игнорируя неоднократные попытки России подкапываться под самоуправление общин, например в Сербии, в Греции, он доказывает свое собственное невежество. Россия старается сохранить под верховной властью Турции теократию греческих попов, которая сковывает и душит всякое самостоятельное гражданское развитие греко-славянских общин. Ученость критики с блеском обнаруживается в особенности в «gages que la Russie possède, dans sa participation à l'oeuvre de l'organisation en Servie» [5]) и в Règlement organique [6]), который она через Киселева дала дунайским княжествам! C'est par trop fort [7]). Южные славяне, по мнению Бруно Бауэра, должны стать русскими 1) «en vertu de la nature des choses» [8]) — сколь убедительна ссылка на эту абстракцию! Они должны быть русскими не только в силу «nature des choses», но и в результате «de l'histoire» [9]), которая

---

[1]) Вознамерилась упрочить свое влияние на Турцию без помощи какого-нибудь союзника.

[2]) Дело греческих и славянских народностей Турции?

[3]) Требования России!

[4]) Лживых уверений.

[5]) В гарантиях, которыми обладает Россия, в ее участии в деле организации Сербии.

[6]) Органическом регламенте.

[7]) Это слишком смелое утверждение.

[8]) В силу природы вещей.

[9]) Истории.

в Сербии доказывает как раз противоположное. Наконец, в силу «position géographique» [1]), при котором мадьяры и румыны отрезывают их от России. Какая градация! С высоты «nature des choses» он нисходит к «l'histoire», а от этой абстракции к частности — «position géographique».

Он доказывает, что Австрия должна ограничиться ролью «médiateur» [2]). Это утверждение, которое было верно «еще» в апреле, стало ошибочным в июне, несмотря на абсолютное и вытекающее из природы вещей доказательство критики. Он доказывает, что Австрия не может «стать на сторону союзников». И это утверждение оказывается несостоятельным. В своих исторических измышлениях о прежних отношениях между Австрией и Англией он, чисто по-русски, извращает историю. Он воздерживается от изложения действительной истории заключения Адрианопольского договора, — что русская армия была уничтожена и никогда не вернулась бы из Адрианополя даже в том ничтожном количестве, в котором она вернулась, если бы Англия не вынудила у Порты этого договора своими лживыми заявлениями. И так же неверно он передает содержание депеши Ливена. Не «traité de paix» [3]) составлял ближайшую причину популярности Абердина и Веллингтона, а блокада Эноса, от которой русские также отказались из опасения принудить Веллингтона к оппозиции. Между прочим Ливен говорит: «that the duke of Wellington and Lord Aberdeen have put every thing in motion to extort from us confidences as to the conditions of our future peace with the Turks» [4]). Д. Ливен нисколько не опровергает этого своей хвастливой фразой, которую приводит Бруно Бауэр из его депеши, а продолжает: «It appeared to us useful to repeat the assurances which in this point all the declarations of the Emperor contained, and even to add some developments to them. We shall confine ourselves to these generalities, for every circumstantial communication on a subject so delicate would draw down real dangers and if once we discuss with our allies the articles of a treaty with the Porte we shall only content them, when they would have believed that they had imposed upon us irreparable sacrifices» [5]). И только после этого следует хвастливая фраза, которая в связи с этим вульгарным надувательством потеряла бы свой героизм, что не входило в планы критики. Затем упоминаются все плутни Пальмерстона, чтобы доказать, что он чувствовал слабость Англии и что эта слабость в самом деле существует. Кроме того они раскрывают тайну «силы России» по сравнению с Англией.

---

[1]) Географического положения.

[2]) Посредника.

[3]) Мирный договор.

[4]) Что герцог Веллингтон и лорд Абердин пустили в ход все, чтобы выведать у нас условия нашего будущего мира с турками.

[5]) Нам казалось полезным повторить уверения, которые содержались по этому пункту во всех декларациях императора, даже несколько дополнить их. Мы ограничимся этими общими местами, так как всякое подробное сообщение по такому деликатному вопросу может повлечь за собой действительные опасности, и если мы станем обсуждать с нашими союзниками статьи договора с Портой, мы только доставим им удовлетворение, если они вообразят, что они заставили нас пойти на ничем не вознаградимые уступки.

При этом он, например, неправильно освещает историю. . . . . [1]). По его словам выходит, что достаточно было России «à lui rappeler que ce forfait inoui avait été commis dans la mer Noire près de la côte de la Circassie» [2]). В другом месте я показал, к каким сложным проделкам прибегали Пам [Пальмерстон] и Нессельроде в данном случае.

В отделе об Австрии мы узнаем, что и в 1848—1849 гг. «toute l'Allemagne reduite à la passivité par les illusions du principe national aurait taxé de crime politique chaque tentative d'intervenir dans cette lutte des nationalités» [3]). Как будто Франкфуртское национальное собрание не выступило против Италии, а также против Польши! Совершенно излишне говорить еще что-нибудь об этой брошюре, кроме только того, что критика считала дунайский поход Омера-паши газетной уткой.

---

[1]) Неразборчиво в тексте.

[2]) Напомнить ему, что это неслыханное преступление было совершено в Черном море, близ кавказского побережья.

[3]) Вся Германия, доведенная до состояния пассивности неправильным пониманием национального принципа, сочла бы политическим преступлением всякую попытку вмешаться в эту борьбу национальностей.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА с М. КОВАЛЕВСКИМ

(Сообщение И. К. Луппола)

Об обстоятельствах знакомства К. Маркса с М. Ковалевским и их взаимных отношениях известно сравнительно мало. То немногое, что известно, сводится к воспоминаниям М. Ковалевского и к кратким сообщениям о нем К. Маркса в письмах к Ф. Энгельсу и к Николаю — ону. На основании этих материалов все же можно восстановить картину взаимоотношений К. Маркса и М. Ковалевского. Картина эта, однако, не всегда отличается точностью и полнотой.

Прежде всего встает вопрос о том: когда состоялось самое знакомство. М. Ковалевский рассказывает о нем дважды: 1) в воспоминаниях: «Мое научное и литературное скитальчество» [1]) и 2) в очерке «Две жизни» (Г. Спенсер и К. Маркс) [2]).

В первой статье он сообщает, что, прежде чем вернуться в Россию с готовой диссертацией, он решил поехать в Англию. «Здесь,— пишет М. Ковалевский,— обстоятельства вскоре сложились таким образом, что вместо того, чтобы кончать начатое, я написал новую монографию, которая и была представлена затем для получения магистерской степени». Года своего знакомства с К. Марксом он вовсе не указывает. Во второй статье М. Ковалевский пишет: «Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы были им в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мною впоследствии в Москве «Критическом обозрении», частью в «Отечественных записках» [3]).

Если поверить М. Ковалевскому, сообщающему, что «при первом же знакомстве» Маркс подарил ему брошюру Энгельса против Дюринга, то дату их знакомства придется отнести или к 1878 г., когда вышел «Анти-Дюринг» полностью, или, по крайней мере, к середине 1877 г., когда была выпущена отдельным изданием первая часть «Анти-Дюринга» — введение и раздел философии (эта часть была закончена Ф. Энгельсом в мае 1877 г.) [4]).

---

[1]) «Русская мысль», 1895 г., I.

[2]) «Вестник Европы», 1909 г., VI и VII.

[3]) «Вестник Европы», 1909 г., VII, стр. 10.

[4]) «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft». Von Fr. Engels. I. Philosophie. Leipzig 1877, SS. 1—120.

Рецензии Н. Зибера появились: в «Критическом обозрении» за 1879 г., № 15 и в «Слове» за 1879 г., XI [1]). Правда, рецензия из «Критического обозрения» реферирует только философскую часть «Анти-Дюринга», но именно перед ней выписано полностью заглавие: «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft». Von Friedrich Engels. Lpz. 1878. Рецензия из «Слова» представляет подробный реферат, а местами и буквальный перевод, «Анти-Дюринга». Доведена она до третьей главы отдела «Политическая экономия» включительно. Эти обстоятельства, равно как и появление рецензий лишь в 1879 г., свидетельствуют, что: 1) Маркс подарил Ковалевскому не первоначально изданный «выпуск» будущего «Анти-Дюринга», а всю книгу, и 2) Маркс, как мы это сейчас увидим, подарил «Анти-Дюринга» не «при первом же знакомстве» с Ковалевским.

На основании рассказа Ковалевского знакомство должно было состояться не ранее середины 1877 г. Между тем факты говорят против этого вывода. Следующего факта вполне достаточно, чтобы опровергнуть сообщение Ковалевского: печатаемое ниже письмо к нему К. Маркса написано 9 января 1877 г.

Налицо, стало быть, обычная неточность воспоминаний. Время знакомства приходится определить, исходя из других указаний. Тот же Ковалевский сообщает, что первое впечатление, вынесенное им из знакомства с Марксом, «было самое неприятное». Маркс в это время был занят усиленной борьбой с бакунистами и во многих проживающих за границей русских готов был видеть «агентов панславизма».

«Вышел я,— продолжает Ковалевский,— помню, от Маркса как ошпаренный, с решимостью никогда не возвращаться к нему более. Но вскоре мне суждено было встретиться с ним на водах в Карлсбаде. Здесь, за неимением другого общества, он тесно сблизился со мною. Мы делали совместно наши утренние и вечерние прогулки и совместно нарушали диэту за бутылкой рюдесгейма» [2]).

Возвращаясь к этому же событию своей жизни через четырнадцать лет, Ковалевский снова пишет: «...Маркс отнесся ко мне на первых порах с большой подозрительностью — так сильно он был предубежден против русских со времени, как он выражался, измены Бакунина... Я особенно сблизился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам...» [3]).

На основании этих данных можно сказать, что Ковалевский познакомился с Марксом зимой или весной того года, когда летом они вместе были в Карлсбаде.

Для установления года нам на помощь приходят «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг.». И. Янжул приводит выдержку из письма к нему М. Ковалевского от 15 октября 1875 г.: «В Карлсбаде я провел много приятных часов в обществе Маркса. Это — благороднейшая

[1]) Последняя под названием «К характеристике Е. Дюринга» вошла в собрание сочинений Н. Зибера, т. II, Пб, 1910. Ни в «Отечественных записках», ни в «Юридическом вестнике» Зибер об «Анти-Дюринге» ничего не поместил.

[2]) «Русская мысль», 1895 г., I.

[3]) «Вестник Европы», 1909 г., VII.

и даровитейшая натура. Жаль только, что он был и остался гегельянцем и что научные положения его написаны поэтому на песке. Я прочел в Карлсбаде более половины его книги о капитале, которую он подарил мне, и нашел в ней новое подтверждение тому, что всякое уклонение от позитивного метода и, больше всего, приложенное к научным исследованиям, положение: les grandes idées viennent du coeur, неизбежно ведет к частному бессознательному заблуждению» [1]).

Письмо это позволяет приблизительно установить дату знакомства Маркса с Ковалевским. Знакомство состоялось зимой 1874—1875 года [2]).

Что же касается передачи Марксом экземпляра «Анти-Дюринга», то это имело место, вероятно, в 1878 г., когда Ковалевский вновь посетил Англию.

Нелишним будет здесь сказать, что, по словам Ковалевского, он познакомился с Марксом при посредстве Поля Корриеса (P. Corriez), очевидца Парижской коммуны и одного из двух авторов дневника-истории революции 18 марта 1871 г. [3]).

Изложение всех обстоятельств знакомства Маркса с Ковалевским и, так сказать, «хода и развития» его не составляет задачи настоящего сообщения. Однако некоторые подробности могут быть сообщены главным образом в связи с интересующими нас обстоятельствами переписки Маркса с М. Ковалевским. Прежде всего можно довольно точно установить время «приятных часов», проведенных М. Ковалевским в обществе К. Маркса летом 1875 г. в Карлсбаде. Маркс приехал туда 15 августа, а М. Ковалевский 30 августа. Этими точными датами мы обязаны «Liste der P. T. Curgäste in Carlsbad», 1875 г. [4]). В этих списках под номером 13994 от 15 августа значится Herr Charles Marx, Phil. Dr., aus London, а под номером 15031 от 30 августа Frau Katharina Kovalevsky, Oberstens-Witwe mit Sohn Maxime und Dienerschaft aus Russland.

Принимая обычный срок курортного лечения в Карлсбаде в 4—5 недель, мы можем сказать, что встречи Маркса с Ковалевским имели место в течение двух-трех первых недель сентября 1875 года.

Первое упоминание Маркса о Ковалевском относится к 1876 г. Именно 19 августа Маркс из Карлсбада писал Энгельсу: «Никакого Ковалевского здесь нет (kein Kowalewsky hier). Зато мне прислали толстый том Лаврова о функциях «государства» в будущем. Поэтому я отложил чтение также на будущее. Здесь теперь все — будущее, начиная с барабанного грохота музыки будущего в Байрейте. Русскими здесь кишмя кишит...» [5]).

Еще в декабре 1876 г. Ковалевский был в Лондоне. Это видно из письма Маркса Энгельсу от 11 декабря 1876 г., в котором первый сообщает, что Ко-

[1]) «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг.», вып. I, Пб, 1910 г., стр. 137.

[2]) Ср. с этим слова Ковалевского: «В Лондоне в первую зиму мне пришлось быть у Маркса всего несколько раз» («Вестник Европы», 1909 г., VII).

[3]) «Histoire de la révolution du 18 Mars», par P. Lanjalley et P. Corriez (есть два русских перевода).

[4]) Издание Franieck & C⁰, Carlsbad, 1875. Указание на списки курортных гостей в Карлсбаде мы получили от Д. Б. Рязанова.

[5]) Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx, IV B., Stuttg., S. 382.

валевский был у него вчера (т. е. 10 декабря 1876 г.) и просил одну книгу. Здесь же Маркс сообщает Энгельсу, что посетит его вместе с Ковалевским «завтра вечером» (т. е. 12 декабря). Декабрь 1876 г. приходился уже на третью зиму знакомства Маркса с Ковалевским. В эту зиму они встречались, видимо, гораздо чаще.

Встречался Ковалевский и с Энгельсом. Когда именно Ковалевский познакомился с Ф. Энгельсом — не известно, но, несомненно, что в 1876 г. зимой они встречались нередко. Сам Ковалевский сообщает об этом кратко: «Знать Маркса значило также быть приглашаемым на воскресные вечера у Энгельса» [1]).

В самом конце 1876 г., уже после 11 декабря, М. Ковалевский вернулся в Россию, ибо, как мы сказали, 9 января 1877 г. Маркс уже послал ему письмо [2]). Указанные даты так близко отстоят одна от другой, что, пожалуй, не будет ошибкой сказать, что печатаемое ниже письмо является первым письмом Маркса к Ковалевскому.

Как часто обменивались они письмами, определенно сказать нельзя. Сам Ковалевский в своих воспоминаниях сообщает следующее: «Поступление мое профессором в Московский университет положило конец моему двухгодовому, почти еженедельному обмену мыслями с автором «Капитала». Мы первое время изредка продолжали писать друг другу. При посещении летом Лондона я возобновлял мои визиты, обыкновенно по воскресеньям, вынося каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада» [3]).

Таким образом ожидать большого числа писем Маркса не приходится [4]). К тому же переписка имела место в течение краткого периода времени.

О каникулярных поездках Ковалевского в Лондон и встречах там с Марксом летом 1878 и 1879 гг. имеются данные в переписке Маркса и Энгельса [5]). Так, 17 сентября 1878 г. Маркс пишет Энгельсу: «...Наш друг Ковалевский,

---

[1]) «Вестник Европы», 1909 г., VII.

[2]) В отчете Московского университета за 1876 г. говорится, что Ковалевский подвергался испытанию на степень магистра государственного права именно в 1876 г. («Отчет о состоянии и действиях И. М. У. за 1876 г.», стр. 301). Может показаться странным, как это Ковалевский, будучи еще 12 декабря (нового стиля; все даты Маркса обозначены по новому стилю) 1876 г. в Лондоне, успел в том же 1876 г. выдержать магистерские экзамены в Москве. Однако «Воспоминания» И. Янжула объясняют и это. «Что касается,— пишет он,— до второй моей просьбы — приехать в Москву для исполнения своих магистерских повинностей, то, как известно, М. М. скоро это и исполнил. В одну из ближайших з и м он появился в Москве, н е м е д л е н н о мной был представлен декану, тогда Мильгаузену, и другим более видным членам факультета; п о ч т и б е з в с я к о г о п р и г о т о в л е н и я, блестящим образом, как редко кто, сдал свой магистерский экзамен...» («Воспоминания», стр. 137).

[3]) «Вестник Европы», 1909 г., VII.

[4]) В другом месте М. Ковалевский пишет: «С другим [Марксом] я встречался чуть не еженедельно в течение двух лет и и з р е д к а о б м е н и в а л с я п и с ь м а м и» («Вестник Европы», 1909 г., VI).

[5]) В 1877 г. летом Ковалевский за границу не ездил. О поездке его в 1878 г. имеются следующие данные в «Отчете о состоянии и действиях И. М. У. за 1878 г.», стр. 42: «Были командированы с ученой целью за границу: ...доцент Ковалевский на вакационное время».

по сообщениям английских газет, убит в Одессе. Замечательный анекдот рассказал он мне, когда был у меня в воскресенье. Перед отъездом держали у него экзамены различные «дипломатические» аспиранты из числа его московских студентов [1]). Среди них было много буршей гораздо старше его самого, именно черногорцы, которые получают свою академическую выучку на средства Russian Asiatic (Diplomatic) Departement. Эти бурши были denseness (коренастыми) и перезрелыми, как некогда у нас в Трирской гимназии крестьянские парни, готовившиеся к (католической) семинарии и получавшие большею частью стипендии.

Хотя русские баллы (на университетских экзаменах) простираются в пределах от нуля до пяти, Ковалевский ставил только два балла: 4 для тех, кто совсем ничего не знает, и 5 для тех, кто знает кое-что. На последнем экзамене пришел к нему ростом с дерево 32-летний черногорец, один из его слушателей, и сказал: «Я должен получить 5; я знаю, что я ничего не знаю, но, с другой стороны, я знаю, что если я «опять» получу 4, то Азиатский департамент выдаст мне паспорт в Черногорию; стало быть, я должен получить 5». Естественно, на экзамене он блестяще провалился, и Ковалевский тут же разъяснил ему, что не видит никакой необходимости в его дальнейшем пребывании в Москве...» [2]).

На следующий день, 18 сентября 1878 г., Маркс вновь в письме к Энгельсу упоминает о Ковалевском [3]).

Осенью в 1878 г. Ковалевский, видимо, задержался в Лондоне, так как в письме Маркса к Николаю — ону от 15 ноября 1878 г. мы находим следующие строки: «...Проф. М. Ковалевский, проживающий здесь в эту минуту, говорил мне, что статья этого курьезного якобы энциклопедиста Жуковского вызвала в ответ довольно оживленную полемику касательно «Капитала» [4]).

В течение зимы 1878—1879 г. Ковалевский был в России. Часто ли или изредка, но несомненно, что они обменивались письмами. Кроме того Ковалевский посылал Марксу интересующие его русские книги. «Николай — он и я,— пишет Ковалевский,— посылали ему [Марксу], что могли». Об одной такой посылке и ответном письме Маркса Ковалевскому сохранились точные сведения.

Ковалевский писал в 1909 г.: «Одно из его [Маркса] писем ко мне посвящено оценке книги Кареева «Крестьянский вопрос во Франции XVIII века» [5]). Гораздо более подробные сведения об этом письме Маркса сообщает сам Н. Кареев. Диссертация его «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в по-

---

[1]) Ковалевский читал тогда следующие курсы: 1) теория государственного права, 2) государственное право важнейших иностранных государств, 3) русское государственное право.

[2]) Briefwechsel, IV B., S. 410—411.

[3]) Ibid., S. 415.

[4]) «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю — ону», Пб. 1908 г., стр. 16. Речь идет, конечно, о статье Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы», 1877 г., IX). Статья вызвала, как известно, возражения Н. Михайловского «К. Маркс перед судом Ю. Жуковского» («Отечественные записки», 1877 г., X) и Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Жуковского» («Отечественные записки», 1877 г., XI).

[5]) «Вестник Европы», 1909 г., VII.

следней четверти XVIII века» была издана в самом конце 1878 г. Ковалевский посоветовал Н. Карееву послать экземпляр Марксу и сам вызвался переслать его по назначению. Книга была послана Марксу, и уже в апреле 1879 г. Ковалевский сообщил Карееву о получении им письма от Маркса с благодарностью за присылку книги. «Соответственную часть письма,— пишет Н. Кареев,— он [Ковалевский] мне прочитал, переведя ее с английского языка, на каком письмо было написано, по-русски, причем я тотчас же перевод записывал» [1]).

К сожалению, ни в воспоминаниях Ковалевского, ни в изданной переписке Маркса и Энгельса нет точных указаний на другие письма Маркса.

Летом 1879 г. Ковалевский был вновь за границей. Упоминание его имени содержится в письме Энгельса Марксу от 9 сентября 1879 г. Но уже 10 сентября Маркс писал Энгельсу: «От Ковалевского получил я вчера несколько строк о том, что он получил из России письмо, которое делает необходимым его немедленное возвращение в Россию» [2]).

Последнее упоминание о Ковалевском в переписке Маркса относится к 19 сентября того же 1879 г. В этот день Маркс писал Николаю — ону: «Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он принадлежит к числу моих scientific friends и приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея» [3]).

На этом заканчиваются всякие упоминания Марксом имени Ковалевского.

Однако мы располагаем еще двумя письмами М. Ковалевского к Марксу. Эти письма хранятся ныне в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса и публикуются здесь впервые. Первое из них без даты. Предположительно оно относится к 1879 или 1880 году.

Ковалевский писал из Ниццы следующее:

Ницца, гостиница Виндзор, № 4.

Глубокоуважаемый и дорогой друг!

Тысячу раз спасибо за Ваше доброе письмо и за надежду получить для своей библиотеки Вашу брошюру против Прудона. Я Вам отошлю через несколько дней экземпляр, который Вы мне одолжили. Чтение «Нищеты философии» меня очень заинтересовало, я часто встречаю подтверждение тех мыслей, которые мне не раз приходили в голову при чтении «Экономических противоречий». Польза, которую я получаю при чтении, заключается в том, что я с каждым днем все больше убеждаюсь в бессилии метафизики создать точную науку из огромного множества экономических фактов, более или менее плохо наблюденных и объясненных официальными экономистами. Конт, следовательно, был прав, что не хотел дать существующей политической экономии звание законченной науки, она еще «im Werden» (в становлении), и Вы немало посодействуете ее окончательному образованию, [преследуя] применяя к изучению экономических фактов великий закон борьбы интересов.

---

[1]) Н. Кареев, Письмо Карла Маркса к М. М. Ковалевскому о физиократах («Былое», 1922 г., № 20). В сообщении Н. Кареева приведен записанный им в 1879 г. отрывок письма Маркса. Судя по содержанию и стилю отрывка, нет никаких оснований сомневаться в сообщении Н. Кареева.

[2]) Briefwechsel, IV B., S. 422—423.

[3]) Речь идет, несомненно, о книге Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», часть I, М. 1879 г. Она вышла в июле-августе 1879 г., так как впервые объявление о ней появилось в августовской книжке «Юридического вестника» (выходил в то время под ред. В. Лешкова, М. Ковалевского и С. Муромцева).

Вы правы, когда утверждаете, что официальные издания, касающиеся русского сельского хозяйства, Вам знакомы. Но не так обстоит дело с вопросом о кредите в России. Я постараюсь Вам найти наиболее известные труды, так как их огромное множество; русские экономисты все более или менее банкиры и потому изучают обычно только вопросы кредита.

Прошу напомнить обо мне m-me и всей Вашей семье и принять уверение в искренней преданности.

Ковалевский.

В мае 1880 г. Ковалевский на два года уехал в Италию, Испанию и Америку. Судя по характеру его выражений, переписка с Марксом прекратилась. Так он пишет: «По возвращении в Европу я узнал о двойном его [Маркса] горе: о смерти жены и старшей дочери» [1]).

Узнав о смерти жены Маркса, Ковалевский, бывший в то время в Барселоне, написал ему следующее письмо (второе из находящихся в архиве Института К. Маркса и Ф. Энгельса):

Барселона, 8 декабря 1881 г.

Дорогой учитель!

В Барселоне, куда я приехал ради арагонских архивов, я получил через «Temps» грустную весть о смерти m-me Маркс. Покойная была всегда добра ко мне, и я привык ее уважать и любить в то же время.

Радушный прием, который Вы мне всегда оказывали, дает мне право присоединиться к числу тех, кто по этому поводу со всех сторон даст Вам доказательство своей горячей симпатии и своих сожалений, увы, бесполезных.

Примите уверение, дорогой maître, в моей искренней преданности.

Ваш Максим Ковалевский.

В приведенном выше месте из воспоминаний Ковалевского далее написано: «Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден был провести целую зиму в Алжире». Стало быть, эти воспоминания относятся уже к 1882 г., а в 1883 г., как известно, Маркса не стало.

Какова же судьба писем Маркса к Ковалевскому? Об этом со слов самого Ковалевского рассказывает Н. Кареев: «Уже много-много лет спустя после 1905 г., как-то я спросил у Ковалевского, в присутствии И. И. Иванюкова, о письме Маркса и узнал от них обоих печальную вещь. Письма Маркса к Ковалевскому (их, кажется, было не одно) переданы были на хранение И. И. Иванюкову, в то время профессору Петровской академии близ Москвы. Наступили вскоре после этого тревожные дни арестов, обысков и т. п., когда многие всячески отделывались от всего, что только можно было найти у них компрометирующего в политическом отношении. И. И. Иванюков, как один из наиболее популярных профессоров «неблагонадежной» Петровской академии, был на очень плохом счету, и вот его молодая жена, боясь за судьбу своего мужа, очистила его кабинет от всего, что хранить было опасно» [2]). Таким образом вот кому обязаны мы уничтожением писем Маркса к Ковалевскому.

Однако одно из них уцелело, ибо было передано Ковалевским другому лицу. Письмо это написано на небольшом листке почтовой бумаги по-французу-

[1]) «Вестник Европы», 1909 г., VII.

[2]) «Былое», 1922 г., № 20

ски. В настоящее время оно является достоянием архива Института К. Маркса и Ф. Энгельса, куда перешло от наследников того лица, кому было передано Ковалевским и о ком речь будет ниже.

В архиве Института письмо это хранится вместе с черновиком его, написанным Марксом в тот же день и на той же бумаге. Черновик этот был вывезен из-за границы Д. Б. Рязановым. Таким образом, выйдя из кабинета К. Маркса и испытав на протяжении нескольких десятков лет различную судьбу, и черновик и самое письмо встретились вновь в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

Следует отметить, что черновик носит на себе следы исправлений в процессе писания рукой самого Маркса: зачеркнуты некоторые слова и вместо них написаны другие. Черновик в исправленном виде ничем не отличается от письма, т. е., установив текст в черновике, Маркс просто переписал его на новый лист бумаги. Письмо гласит:

41, Мэтленд Парк, Лондон.
9 января 1877 г.

Дорогой друг!

Я узнал, что одна русская дама, которая оказала большие услуги партии, не может найти в Москве адвоката для своего мужа за отсутствием денег. Я ничего не знаю об ее муже и его невиновности или виновности. Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь и так как m-me *** решила следовать за своим мужем, которого считает невинным, то было бы чрезвычайно важно помочь ему в защите M-me *** предоставила управление своим состоянием мужу и сама совершенно не в курсе дела, таким образом только адвокат может ей в этом помочь.

Возможно, что господин Танеев, которого Вы знаете и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа, единственный адвокат в Москве, который взялся бы за это неблагодарное дело. Вы меня очень обяжете, если от моего имени попросите его заинтересоваться исключительно тяжелым положением нашего друга.

Весь Ваш
Карл Маркс.

Первый вопрос, который встает при чтении этого письма,— кто та «русская дама, которая оказала партии большие услуги» и муж которой в 1877 г. должен был предстать пред судом в качестве обвиняемого? Ни в оригинале, ни в черновике Маркс не приводит даже ее инициалов. Приходится поэтому, между прочим, думать, что Ковалевский и так знал, о ком идет речь и кого Маркс называл «нашим другом». Кто же это был?

С самого начала мы должны сказать, что, к сожалению, прямых документальных данных о «русской даме, оказавшей партии большие услуги», у нас нет, однако есть авторитетные указания и некоторые косвенные данные в пользу на первый взгляд совершенно неожиданного утверждения.

По мнению Д. Б. Рязанова, ссылающегося в данном случае на марксистскую традицию, дамой, об адвокате для мужа которой Маркс писал Ковалевскому, была участница Парижской коммуны 1871 г., известная у нас как Елизавета Дмитриева [1]).

[1]) Полное имя ее — Елизавета Дмитриевна Томашевская. См. «Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому etc.», воспоминания А. Тверитинова, Пб. 1906 г., стр. 70.

Находившийся под судом муж ее, которому грозила ссылка в Сибирь по судебному приговору, был одним из обвиняемых по крупному, в свое время знаменитому, уголовному процессу «Клуба червонных валетов». Таково утверждение Д. Б. Рязанова.

Произведенные нами под его руководством разыскания привели нас в общем к следующему.

Прежде всего анализ самого письма Маркса свидетельствует о том, что он понимал всю тяжесть обвинения мужа m-me***. Он называет дело «неблагодарным», он осторожно выражается: «я не знаю ничего об ее муже и его невинности или виновности», он, наконец, дает возможность догадаться, что предстоящий мужу судебный процесс связан с какими-то денежными или подобными операциями, а может быть и злоупотреблениями.

Казалось бы, наиболее простым путем для нас было справиться с биографией Е. Дмитриевой. Но в том-то и дело, что такой биографии нет, что пути жизни ее после Парижской коммуны теряются, или, в лучшем случае, выступает в порядке устной, но довольно упорной, традиции версия об уголовном процессе ее мужа и последовании ею за мужем в Сибирь, в ссылку на поселение.

Так, участник Парижской коммуны М. П. Сажин в своих воспоминаниях пишет (речь идет о понедельнике 22 мая 1871 г., т. е. о последних днях Коммуны): «По дороге я забежал к Елизавете Дмитриевне (фамилии ее не помню), которая неподалеку от бульвара Сент-Уан занимала комнату; тут меня встретила ее хозяйка и сказала, что она еще вчера поздно вечером оставила квартиру, забрав с собой все свои вещи. С тех пор я не встречался с Елизаветой Дмитриевной, которая после падения Коммуны вернулась в Россию и одно время жила в Красноярске с мужем, судившимся по какому-то уголовному делу и сосланным на поселение. Когда всех нас, политических преступников, содержавшихся в 70-х годах в двух центральных каторжных тюрьмах Харьковской губ., переводили в Восточную Сибирь на каторгу, она в Красноярске безуспешно пыталась повидаться со мною в тюрьме. Елизавета Дмитриевна во время Коммуны вела усиленную пропаганду и агитацию в Париже среди женщин-работниц, организовывая их в различных округах города» [1]).

Слова М. П. Сажина могут быть поставлены в связь с письмом Маркса. Маркс говорит о том, что «процесс может кончиться ссылкой в Сибирь» и что «m-me *** решила следовать за своим мужем». М. П. Сажин говорит об этом же самом, но не предположительно и в будущем времени, а утвердительно и в прошедшем времени.

Конечно, в данном случае возможно простое совпадение, но мы располагаем еще рядом документальных, хотя и косвенных указаний. Прямых документальных доказательств, к сожалению, нет. Конечно, проще всего было бы, зная фамилию мужа Елизаветы Дмитриевны, справиться в списке привлеченных к делу «Клуба червонных валетов», но мы не знаем этой фамилии, и по линии Е. Д. на фамилию ее мужа указаний абсолютно никаких нет. Можно

---

[1]) М. П. Сажин, Героические дни и падение Парижской коммуны, М. 1926 г., стр. 24—25.

было бы взять в архиве подлинное дело «Клуба червонных валетов»; быть может, это приоткрыло бы завесу, но по наведенным в Центрархиве справкам все дела Московского окружного суда за 70-е годы безвозвратно погибли в 1917 году.

Больше того, мы специально обращались в Красноярское окружное архивное бюро, но получили ответ, что архивный материал в количестве более 20 тысяч пудов за неимением помещения хранится в холодных кладовых, расположенных в разных районах города, и что ввиду малочисленности штата никакой розыск просимых материалов не представляется возможным.

В наших разысканиях пришлось итти косвенным путем. В этом направлении прежде всего весьма любопытно одно обстоятельство: дело «Клуба червонных валетов» разбиралось в Московском окружном суде с 8 февраля по 5 марта 1877 г. (старого стиля). Письмо Маркса было написано 9 января (нового стиля) 1877 г., т. е. за полтора месяца до начала процесса, — время, когда во всяком случае обвиняемому и всем заинтересованным в его судьбе пора подумать о защитнике.

Далее, поскольку подлинное судебное дело погибло, естественно было обратиться к газетам и журналам за 1877 г., именно к отчетам прессы по делу «Клуба червонных валетов», а также к протокольному отчету по этому делу, изданному отдельной книгой. Обвинительный акт и показания подсудимых не дали нам ровно никаких указаний. Но среди свидетельских показаний мы невольно остановились на показании жены подсудимого Давыдовского, одного из главных обвиняемых. Изложение ее показаний гласит:

«Из свидетельских показаний замечательно показание г-жи Давыдовской (жены подсудимого); в данном показании она объяснила, каким образом она познакомилась с Давыдовским и какие нашла в нем хорошие качества, побудившие ее выйти за него замуж. Давыдовский познакомил свидетельницу с Н. А. Поповым, который так же «симпатично» относился к Давыдовскому, как и сама свидетельница. Но потом Попов стал рассказывать свидетельнице разные нехорошие вещи про Давыдовского, которые, однако, по наблюдениям свидетельницы оказывались несправедливыми. Далее свидетельница перешла к рассказу о тех «ухищрениях», «наущениях», вообще неправильных действиях судебного следователя, которые он принимал к изобличению ее мужа, всю жизнь стремившегося к одной цели: найти такую работу, которая обеспечила бы его существование, дала бы возможность расплатиться с долгами и принесла правильную наживу.

В дальнейших своих объяснениях г-жа Давыдовская была несколько раз остановлена председательствующим на том основании, что вдавалась в оценку свидетельских показаний против ее мужа, опубликованных в печати, а также в описание нравственных качеств ее мужа; г. председатель заметил, что свидетельница должна показывать только факты, ею виденные или слышанные от кого-либо. Между тем приемы свидетельницы давали право заключить, что она приготовилась говорить весьма много; она просила позволения заглядывать в свой конспект, делала обращения к присяжным заседателям и вообще говорила с большим чувством» [1]).

В этом показании обращает на себя внимание самый характер речи. Свидетельница говорит много, она готовилась к своей речи (имеет конспект), она говорит «с большим чувством», обнаруживая тем ораторские данные, анализирует свидетельские показания. Она уверена в невиновности своего мужа, идеа-

[1]) «Клуб червонных валетов». Уголовный процесс. 1877 г., стр. 168.

лизирует его в нравственном отношении; кстати Маркс пишет: «M-me *** решила следовать за своим мужем, которого считает невинным». Можно сказать, что русская действительность 70-х годов мало знала таких женщин. При всех указанных выше обстоятельствах дела напрашивается мысль, что этой свидетельницей могла быть Е. Дмитриева, прекрасный оратор, идеалист по натуре.

К сожалению, ни одна газета, ни один журнал, помещавшие отчеты по процессу, не останавливаются на показаниях этой свидетельницы. Исключение мы нашли только в мартовском обозрении «Дела». Страницы, посвященные Давыдовской, в этом обозрении заслуживают в данном контексте того, чтобы их привести целиком. Останавливаясь на женщинах, фигурировавших в судебном разбирательстве, Н. Шелгунов, скрывшийся за инициалами Н. Ш., пишет:

«Вот хоть бы г-жа Давыдовская. Она — стройная брюнетка, одета со вкусом, в трауре; говорит много, нервным тоном и совершенно убеждена в невинности своего мужа. Г-жа Давыдовская — начитанная, неглупая женщина, говорит очень хорошо, даже лучше многих защитников по делу «червонных валетов» и умеет весьма ловко вставить словечко кстати. В своих показаниях она часто впадает в тон защитительной речи, и когда председатель раз остановил ее, она обращается к присяжным с такою фразой: «Прошу извинить меня, гг. присяжные, я, может, многое упускаю из виду, не так подробна в своих описаниях, но ведь это дело тянется 6 лет!» Обо всем том, что хоть мало-мальски компрометирует ее мужа, она распространяется очень подробно и представляет своего мужа жертвою людей, которые его запутали и замотали. На всех свидетелей, которые так или иначе высказались не в пользу ее мужа, она старается накинуть тень и собственным своим чувством, своею любовью к мужу думает служить ему вполне достаточным, авторитетным оправданием. «Достаточно того, гг. присяжные, — говорит г-жа Давыдовская, — что я, далеко не бедная женщина, полюбила мужа и вышла за него замуж, не взирая ни на какие клеветы, сыпавшиеся на него с разных сторон». Но г-жа Давыдовская, конечно, знает, что эти клеветы не лишены некоторой правды. Уже, конечно, она знает, в каком обществе вращалась благодаря своему мужу, а может быть и тому чувству любви, вследствие которого человек «не по хорошу мил, а по милу хорош»; но во всяком случае г-жа Давыдовская, как и все остальные, должна же иметь хотя какое-нибудь понятие о том, хорошо или нехорошо подделывать векселя, пьянствовать по трактирам и проводить время со всякими женщинами да с мужчинами, занимающимися мошенничеством и воровством. Повидимому, так. Действительно, трудно поверить, чтобы Давыдовская не сознавала своего положения, чтобы ни одна нравственная жилка не дрогнула в ее душе при взгляде на своего возлюбленного и засосавшее его болото. Но ее искренность так убедительна, что невольно веришь ей. Она не позирует, не маскируется, — да и к чему бы это пригодилось в такую критическую минуту? — нет, она так же добродушно относится к своему мужу и к его поведению, как Хлестаков относится к своему вранью, как нищий, привыкший показывать на улице свою изъязвленную ногу, совершенно искренно выставляет ее всем мимо идущим и слушающим его. Лучшей обстановки, лучших людей не привелось видеть г-же Давыдовской, а та среда, в которой она вращалась, не могла заронить в нее ни единой искры более правильного воззрения на жизнь, ни одного хорошего чувства. И она, с своей точки зрения, думает логически. «Да разве может быть иначе?» рассуждает Давыдовская и на том решает. Это — глубокий психологический факт, самая интимная и трагическая сторона повседневной житейской драмы, доступная только высокому пониманию анализирующего ума. Во всяком случае — это тип, выброшенный на сцену всколыхнувшимся омутом общественной жизни, продукт самых сложных и запутанных житейских обстоятельств, в которых только видны концы, но не начала» [1]).

[1]) «Дело», журнал литературно-политический, № 3, март 1877 г. «Внутреннее обозрение», стр. 143—170.

Кроме того, что мы уже знаем из предыдущего отчета (ораторские способности, полемические данные, идеализация мужа, искренность тона), мы узнаем еще, что Давыдовская — брюнетка, а Дмитриева была брюнеткой; что она «начитанная, неглупая женщина», а в этих качествах Дмитриевой никто не может отказать; что она «далеко не бедная женщина», а именно это известно о Дмитриевой; кстати Маркс пишет: «M-me *** предоставила управление своим состоянием мужу».

Эта выдержка из «обозрения», не давая категорических доказательств, еще больше способна склонить нас к выводу, что Давыдовская и есть Е. Дмитриева.

Повторяем, мы не имеем категорических доказательств, мы не знаем даже инициалов Давыдовской (ни один отчет не указывает их), но мы знаем из письма Маркса, что мужу m-me *** грозила ссылка в Сибирь, а из судебного отчета мы узнаем, что Давыдовский по приговору суда был сослан в Восточную Сибирь; мы знаем из письма Маркса, что m-me *** решила следовать за мужем в ссылку, а из воспоминаний Сажина мы знаем, что Дмитриева находилась в Восточной Сибири вместе с сосланным мужем. Наконец, мы знаем из воспоминаний Тверитинова, что Дмитриева до замужества с Давыдовским носила фамилию Томашевская, а из судебного отчета мы знаем, что защитником Давыдовского был Томашевский. Не могла ли она найти в качестве защитника мужа своего родственника, адвоката Томашевского, ибо на приглашение адвоката за деньги, согласно письму Маркса, у m-me *** уже не было средств, а Танеев, к которому Маркс просил обратиться Ковалевского, отказался принимать участие в процессе.

Наш вывод: m-me *** — Елизавета Дмитриева и есть жена «червонного валета» Давыдовского. Этот вывод если и не документально очевиден, то и не просто возможен, а весьма вероятен, почти достоверен.

Нам остается сказать несколько слов о Танееве, к которому Маркс просит Ковалевского обратиться за содействием. Собственно говоря, это лицо заслуживает не «нескольких слов», а по крайней мере монографического очерка. Речь идет о Владимире Ивановиче Танееве, брате известного композитора, человеке, который при иных российских условиях, несомненно, выдвинулся бы в ряд общеизвестных политических фигур. Достаточно сказать, что В. И. Танеев был не просто глубоко образованным человеком, но оригинальным мыслителем-материалистом и социалистом-утопистом. Полагая, что «Летописи марксизма» еще не раз вернутся к этой интереснейшей личности, мы ограничимся здесь лишь некоторыми биографическими данными.

В. И. Танеев родился в 1840 г. С четырех лет его уже стали обучать арифметике и русскому, французскому, немецкому и латинскому языкам; десяти лет он читал Пушкина, Гоголя, Шекспира; тринадцати лет он был уже почти подготовлен к университету. Он умолял родителей отдать его в университет, но, по совету одного высокопоставленного родственника, родители отдали его в Училище правоведения, в приготовительный класс. Здесь он чувствовал себя, как в тюрьме. С одной стороны, общество детей, которые вследствие его развития были ему чужды, с другой стороны, жестокая, почти палочная дисциплина и военная муштровка — школьная политика николаевской эпохи — отрицательно

действовали на мальчика, и он совсем перестал учиться. Однако его незаурядные способности и независимость поведения вскоре выдвинули его на положение вождя различного рода выступлений против школьного начальства.

Окончив Училище правоведения, он был зачислен в канцелярию Сената, но явился туда только через месяц, и то лишь для того, чтобы отказаться вовсе от службы. Он предпочитал другие занятия. В квартире В. А. Слепцова, — как пишет он в одном письме, — он читал лекции по политической экономии и в Морском корпусе, в квартире инспектора, лекции о Великой французской революции. Чтобы детальней изучить этот предмет, он отправился на год в Париж.

Как только было приступлено к проведению судебной реформы, В. И. Танеев вступил в сословие присяжных поверенных. Он полагал, что это сословие составит в России нечто подобное Горе в Конвенте, но он, по собственному его признанию, ошибся.

Переехав в 1872 г. в Москву, он продолжал заниматься адвокатурой, играя среди московских адвокатов крупную общественную роль. Вместе с тем он завязал знакомство с московской профессурой и, желая поднять престиж адвокатуры, склонил к вступлению в помощники присяжных поверенных таких профессоров, как М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, А. И. Чупров и И. И. Янжул. Среди адвокатов В. И. Танеев был известен своей щепетильной разборчивостью при приеме дел к производству. Не этим ли объясняется его отказ защищать «червонного валета»?

Однако было бы совершенно неверно относиться к В. И. Танееву только как к адвокату, хотя бы и незаурядному. Он много занимался вопросами социологии, в частности вопросами происхождения и развития религии и христанства, и был убежденным атеистом. Будучи социалистом, он три или четыре раза ездил за границу, во Францию, где свел знакомство с Ж.-Б. Годеном, посещая фамилистер последнего недалеко от Лиона, в департаменте Эны. За границей же он познакомился с П. Л. Лавровым, с которым завязал дружбу.

Встречаясь с московскими буржуазно-либеральными профессорами, он не переоценивал их в политическом отношении. Он был неизмеримо выше их по своим социально-политическим воззрениям.

Будучи резким по складу своего мышления, В. И. разделял все население на три класса: разбойников, или людоедов, хамов и рабочий скот. Себя, как адвоката, он причислял к хамам, а, приобретя небольшое имение в Московской губернии, он говорил, что стал теперь и разбойником. Однако этот «хам» и «разбойник» думал о счастливом будущем для «рабочего скота». В тишине своего кабинета, где висел портрет К. Маркса, где была собрана прекрасная коллекция портретов деятелей эпохи французского просвещения, Великой французской революции и социалистов XIX века, В. И. Танеев много писал на общественно-политические и философские темы. Так им были написаны: философская работа «Ейтихиология» (учение о счастьи), трактат «Коммунистические государства будущего», реферат «Международное общество рабочих», рассказ «Взятие Бастилии» и многое другое [1]). Естественно, что все эти рукописи не могли увидеть света, да, возможно, В. И. и не стремился к этому.

---

[1]) В настоящее время все его рукописи хранятся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

Революция 1905 г. застала его 65-летним стариком. Приехав к себе в имение, В. И созвал соседних крестьян и сказал им, что если они будут жечь и грабить его усадьбу, он ни в коем случае не обратится за помощью и не будет вызывать казаков.

Еще через 12 лет, в Октябрьскую революцию, местный совет в полном составе пришел к В. И. Танееву и объявил, что никаких репрессивных мер против него не будет принято.

Семидесятивосьмилетний возраст не позволил В. И. сколько-нибудь активно проявить себя в эту эпоху. Здоровье его было уже очень плохим, он доживал последние годы. В 1921 г., 81 года отроду, он тихо скончался.

Был ли он лично знаком с Марксом, не известно. Есть указания на то, что он находился с Марксом в переписке, но письма эти ни с одной, ни с другой стороны до нас не дошли. Одно несомненно: Маркс знал о социально-политических убеждениях В. И. Танеева и относился к нему с глубоким уважением. Слова Маркса из письма его к Ковалевскому в 1877 г.: «...Танеев... которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа» — служат этому красноречивым доказательством.

ПИСЬМО Н. И. САЗОНОВА К ГЕРВЕГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Н. И. Сазонове, — одном из первых русских социалистов, который еще в середине 1830-х годов мечтал о заговорах в духе Риенци и вместе с Герценом и Огаревым над Евангелием приносил клятву в верности идеям Сен-Симона, — мы знаем вообще очень мало, едва ли не меньше, чем о ком-либо другом из представителей поколения «людей сороковых годов». Но наиболее скудны наши о нем сведения для периода его скитаний за границей перед 1848 г.; зарубежные встречи и впечатления этих лет, впрочем, вообще принадлежат к числу наиболее темных мест в биографиях и всех его сверстников, даже много более знаменитых, — Бакунина, Огарева, даже И. С. Тургенева и др. А между тем эти годы жизни Сазонова должны быть чрезвычайно интересны не только с точки зрения изучения его личной биографии, — они крайне важны и для общей истории взаимоотношений между представителями нарождавшейся русской и западно-европейской демократии: Сазонов, все годы, предшествовавшие революции 1848 г., проживший в Париже, был одним из тех немногих русских, которые находились в постоянном личном общении с радикальными кругами французскими, немецкими, польскими. Тот факт, что 1848—1850 гг. он занял сравнительно видное положение в редакциях «Реформы» Ламеннэ и «Трибуны народов» Мицкевича, свидетельствует о том, что связи в этих кругах у Сазонова были достаточно широки и в предшествующие годы; однако никаких точных сведений об этих связях, равно как и о всей вообще его тогдашней литературной и общественной деятельности, в литературе не имеется. Изучение этого периода его биографии особенно затруднено в силу того, что до нас не дошло, кажется, ни одной строки, написанной Сазоновым в те годы, даже ни одного его письма.

В этих условиях печатаемый ниже документ, конечно, не может не представлять значительного интереса. О существовании его в литературе, правда, было известно и раньше: о нем упоминает и несколько строк из него цитирует В. Флери в своей работе о Георге Гервеге [1]), от которого, через посредничество Д. Б. Рязанова, это упоминание прочно вошло в обиход и русской исторической литературы. Но В. Флери, пользуясь документом, обратил свое внимание только на один в нем момент, интересный для него как для биографа Г. Гервега, — на отношение Сазонова к последнему. Смотреть на этот документ как на материал для установления известных моментов в биографии самого Сазонова в задачи В. Флери не входило; повидимому, этим обстоятельством и объясняется его небольшая ошибка в определении характера этого документа: он назвал его письмом Сазонова к Гервегу, в то время как на самом деле (это ясно из печатаемого ниже текста) в нем мы имеем дело не с письмом, а с обращенным к Г. Гервегу предисловием к какой-то книге, готовившейся или подготовленной Сазоновым к печати.

[1]) V. Fleury, Le poète George Herwegh (1817—1875), Paris, 1911, p. 132.

Этот документ датирован 1844 г. и помечен Парижем. Последний в то время был центром и идейной жизни всей западно-европейской демократии и попыток ее перехода к практической деятельности. 1844 г. был весьма заметной датой в выявлении этого значения Парижа: в этом году в Париже сделали попытку обосноваться левые гегельянцы, литературные центры которых в Германии только что перед тем подверглись полицейскому разгрому. Их переселение в Париж совпало с переходом их собственного развития в новую стадию, — осознание необходимости приблизить философию к жизни привело их левое крыло к выводу о необходимости поставить философию на службу пролетариата, как той общественной группы, которая одна только заинтересована в полном освобождении общества. Этот новый лозунг, выдвинутый в «Немецко французских летописях» К. Маркса и А. Руге, единственный том которых вышел в 1844 г., вызвав раскол среди самих левых гегельянцев, вызвал широкие сочувственные отклики среди демократии не только немецкой, но и французской, отметив собою совсем новый этап в истории революционно-социалистических исканий.

Гервег, к которому обращено предисловие Сазонова, занимал весьма заметное, особенно для наблюдателя извне, место среди той литературной группы левых гегельянцев, которая несла во французскую литературу эти новые идеи. Ни в какой мере, конечно, не будучи философом и вообще не играя никакой самостоятельной роли в теоретической работе немецкой эмиграции, он целиком примыкал к левому крылу гегельянцев, не скрывая своих резко революционных взглядов [1]). При той популярности, которой он тогда пользовался как поэт, — популярности, которую, конечно, только увеличили репрессии, которым его перед тем подвергли в Пруссии, Саксонии и Швейцарии, — он в глазах внешнего мира являлся как бы знаменосцем этой группы; именно это-то положение и дало Сазонову основание для тех аналогий, к которым он прибегает при характеристике значения Гервега.

Наряду с другими иностранными колониями имелась тогда в Париже и колония русская. Довольно значительная по своей численности она по составу, конечно, сильно отличалась от эмигрантских колоний немецкой, итальянской, польской и др. В огромной массе она состояла из богатых помещиков, которые приехали в Париж, привлеченные соблазнами «Современного Вавилона», и которые соответственно этому, говоря словами одного газетного корреспондента того времени, только и делали, что «посещали разного рода вечера, балы, театры, концерты, тратили много денег и частенько давали себя захватывать в различного рода тайных игорных домах» [2]). Но в составе этой колонии прожигателей жизни имелись и люди иного типа, по-серьезному интересовавшиеся общественными и философскими вопросами и жадно следившие за новейшими течениями европейской мысли, — достаточно упомянуть имена побывавших как раз в те годы в Париже Бакунина, Боткина, Огарева, Сатина, Фролова, Н. А. Мельгунова и др. Они, правда, далеко не сторонились парижских «соблазнов», — в склонности к монашескому образу жизни их не упрекнет никто из читавших «переписку недавних деятелей» [3]); но

---

[1]) Еще в январе 1842 г. Дингельштедт называл Г. Гервега «настоящим фанатиком, Сен-Жюстом, Робеспьером», человеком, который «вечно мечтает для Германии о днях, подобных дням взятия Бастилии» (цит. книга Флери, стр. 72).

[2]) Корреспонденция из Парижа от 22 января 1844 г. в «Frankfurter Journal» (цитирую по «Hamburger Korrespondent» от 30 января 1844 г.).

В этой же корреспонденции дано сообщение о небольшой демонстрации против жившего тогда в Париже Н. И. Греча. Последний незадолго перед тем выпустил по-французски и по-немецки ответ на известную книгу Кюстина: «Россия в 1839 г.». Бездарный, как и все написанное купленными перьями, ответ этот вызвал возмущение среди живших за рубежом русских, и под новый, 1844, год во многие парижские отели, населенные русскими, была завезена визитная карточка с надписью по-французски: «Н. Греч, первый русский шпион». Интересно, что сообщение об этой демонстрации против Греча проникло и в Россию: оно попало в дневник Герцена (см. «Сочинения» под ред. Лемке, т. III, стр. 304).

[3]) Это о них писал Н. Г. Фролов из Парижа Огареву в Берлин: «Приятели наши наслаждаются лоретками и только, кажется, благодаря этим дамам веселятся» (письмо от января 1845 г. «Из переписки недавних деятелей», «Русская мысль», 1891, VII, стр. 39).

основное, что их влекло в Париж, лежало в совсем иной области. Воспитанные на немецкой философии они как раз к этому времени, вслед за немцами, начинали приходить к выводу, что теоретическая смелость хотя и очень важная вещь, но все же еще не есть смелость практическая, а время требует именно последней, и в Париж, — единственное в то время на континенте место, где можно было более или менее свободно обсуждать вопросы практического действия в направлении преобразования общества,—они пробирались именно для ознакомления с постановкой этих практических вопросов.

О том, как они тогда решали и как ставили эти вопросы практического действия, особенно в отношении России, мы не знаем почти ничего. Ряд мест в документах (в «Переписке недавних деятелей», в дневниках Герцена и т. д.) свидетельствует, что некоторые из них уже в середине 1840-х годов думали об «экспатриации» (эмиграции), о создании органа вольной русской прессы за границей и т. д. В частности мы знаем, что Сазонов принадлежал к числу тех, кто пытался убедить Белинского остаться за границей именно для подобной литературной работы. Но все наши сведения в этой области в высшей степени отрывочны, не всегда достоверны, а иногда даже шаржированно искажены. Подробно об этих планах, о том, как ставили эти вопросы люди, их поднимавшие, мы не знаем почти ничего. Печатаемый документ подводит нас вплотную к настроениям Сазонова этих лет. Сознание обреченности пионеров движения и готовность самому пойти на жертву для этого настроения весьма, конечно, характерны, хотя бы сам автор в дальнейшем и не пошел по им самим себе предрекаемому пути.

О книге, в качестве предисловия к которой Сазонов эти строки писал, нам ничего не известно. Есть много оснований предполагать, что она не увидела света,— по крайней мере просмотр всех тех из зарегистрированных в «Tableaux bibliographiques» за 1844—1846 гг. книг, названия которых давали повод для догадок о принадлежности их Сазонову, не дал никаких положительных результатов. О содержании этой работы, — о том, под каким углом освещал Сазонов историю французской революции, — поэтому судить мы не можем. Но для его биографа интересен будет и самый факт обращения его к этой теме: канун революции 1848 г. был вообще периодом расцвета интереса к истории революции 1789 г., причем в огромном большинстве случаев изучением ее занимались люди, сами революцию делать собиравшиеся, — Ламартин, Луи Блан, Кабэ, Маркс и др. И написанные ими по этому вопросу работы являются в высшей степени ценными документами для суждения об их собственных революционных планах и перспективах, о том, как они понимали задачи и характер той революции, к которой сами готовились, о том, какую роль они в ней отводили для себя самих.

В подробных частных пояснениях печатаемый документ едва ли нуждается. Упоминаемый им Марк-Аврелий—римский император, царствовавший в 161—180 гг. нашей эры; свои философские устремления он сумел сочетать с весьма свирепыми гонениями против инакомыслящих, и Иустин, философ-стоик из греческих колоний Малой Азии, перешедший на сторону христианства и ставший одним из первых его теоретиков (он жил приблизительно от 100 до 165 г.), приехавший со своей родины в Рим для проповеди нового «откровения», был одною из многочисленных жертв, во время этих гонений погибших.

Святой Дионисий, первый епископ парижский, — личность наполовину легендарная, о котором более или менее точно известно только одно, — что он был казнен при императоре Деции (249—251 гг.). Матерн — сохраненное преданием имя совершенно легендарного основателя первой церкви в Кельне.

Более интересны стоящие под документом даты; их две: первая датирует документ по христианскому летосчислению (a. d., это — anno domini, т. е. год господа), вторая — по летосчислению якобинскому (a. l., это — anno libertatis, т. е. год свободы). Традиция придерживаться этого последнего летосчисления в 1840-х годах поддерживалась представителями крайнего левого крыла французской

демократии, бланкистами и близкими к ним группами, и то обстоятельство, что и Сазонов считал нужным этой традиции придерживаться, в известных пределах характерно для его тогдашней позиции.

Подлинная рукопись Сазонова хранится в семейном архиве Гервегов, ныне находящемся в распоряжении Марселя Гервега, — сына Георга Гервега и издателя известных материалов из этого архива («1848. Briefe von und an G. Herwegh», переписки Г. Гервега с Лассалем и т. д.), — любезному разрешению которого я обязан возможностью опубликовать этот документ; не меньшей благодарностью я обязан В. Флери, автору цитированной мною в тексте биографии Г. Гервега, который не только оказал весьма обязательное содействие в получении копии этого документа, но и помог мне частными указаниями. В подлиннике печатаемое предисловие писано по-французски, русский перевод сделан А. М. Бургиной.

Б. Николаевский.

Николай Сазонов — Георгию Гервегу

История революции, не есть ли это первая и наиболее заполненная страница мартиролога будущего? Все те, которые страдали, все те, которые погибли, разве не будут они объединены в один и тот же культ более или менее отдаленным, но безусловно справедливым и благоговеющим потомством? И для наших детей мученичество не будет более ограничено потерей физического существования; повешенные и обезглавленные не будут иметь исключительное право на их поклонение. Все те, чье чувство человечности должно было переносить горькие превратности жизни в эпоху, когда их страстные привязанности находили так мало отзвука в самих массах, ради которых они боролись; все те, которые пали жертвой разочарования или напряженности их усилий, станут в будущем святыми и покровителями. Вам, поэту и философу, принадлежит славная роль святого Иустина, первого апологета христианства; мне, родившемуся на варварской земле,—скромная миссия св. Дионисия, первого епископа и первого мученика Франции (Франция тогда была более варварской страной, чем теперешняя Россия). Св. Иустин проповедывал в Риме; стареющей науке античного мира он противопоставил юную науку будущего, против резонирующей философии он боролся философией веры, и он был мучеником, он — христианский философ при стоике Марке-Аврелии. Св. Дионисий покинул Рим для варварской страны; среди грубых сердец и неразвитых умов он сумел найти прозелитов веры будущего и он кончил жизнь в безвестном мученичестве по распоряжению неизвестного претора. Церковь чтит равно обоих, — и принимая во внимание это равенство, я нахожу себя слишком честолюбивым, желая сравнить себя со св. Дионисием. В христианском мартирологе есть другая легенда, которая, быть может, подойдет мне лучше, потому что она скромнее. Составители жизнеописаний святых передают, что св. Петр послал к берегам Рейна, населенным в то время дикими племенами, христианина по имени Матерна в сопровождении двух других, чтобы поведать им благую весть. Малое сочувствие, которое он там встретил, в соединении с суровым климатом привело к тому, что он заболел и умер. Он был погребен на отдаленной и негостеприимной земле, которую его кости должны были оплодотворить. Его товарищи по возвращении в Рим поведали с печалью св. Петру о бесплодном рвении и несчастной смерти его посланника. «Маловерные, — сказал он им, — тот, кто погиб за правое дело, — не умер», и он вручил им свой пастырский жезл, говоря: «Идите и воскресите его». Он воскрес, как передает легенда, но не для того, чтобы вновь начать свое мученичество, — ему достаточно было лечь в лоно земли варварской, чтоб освятить ее, — а когда

он восстал, то народ сбежался, чтобы принять крещение от того, кто верою своей попрал смерть. Как бы ни относиться к форме этого предания, смысл его столь же человечен, как и ясен. Я готов умереть так, как умер св. Матерн,—непонятый даже теми, за кого я умру, но я рассчитываю точно так же воскреснуть, когда слово истины, принесенное на крыльях поэзии, явится, чтобы разбудить заснувшие, но не погасшие человеческие инстинкты моих соотечественников. Я уже сказал вначале, каким образом мне пришло в голову говорить о христианских мучениках по поводу французской революции. Я бы пожалел, что книга, в начале которой я пишу эти размышления, не вышла более серьезной, если бы я не думал, что серьезно все, поскольку оно влияет на жизнь человечества, и если бы к тому же я не знал, что Ваш ум достаточно обширен и Ваше сердце достаточно велико, чтобы понять самые эксцентричные уклоны, лишь бы эти уклоны основывались на принципах, взятых от человеческой истины. Таким образом Вы поймете, — я рассчитываю на это, — как случилось, что я, варвар, ценю и люблю Вас больше, чем кто бы то ни был из Ваших соотечественников; Вы поймете, по какому поводу я смешал воедино революцию с мартирологом; Вы поймете, что только там мог я найти эти примеры равенства, которые, давая мне надежду быть когда-нибудь поставленным рядом с Вами, доставили мне огромнейшую сердечную радость, вследствие той дружбы, которую я к Вам питаю, и наивысшее удовлетворение самолюбия, вследствие того уважения, которое я к Вам почувствовал.

Париж, a. d. 1844,
a. l. 52.

П. АКСЕЛЬРОД

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» [1])

ГЛАВА I

Как ее встретили в революционной среде

Эта революционная группа, которой суждено было положить начало социал-демократической эпохе в революционном движении России, образовалась, как я рассказал в конце первой части своих воспоминаний, из заграничного кружка чернопередельцев в 1883 г. Непосредственным толчком к образованию ее послужил окончательный разрыв этого кружка с заграничным центром партии «Народная воля», последовавший за безрезультатным исходом переговоров первого с последним относительно своего вступления в организацию народовольцев.

Чернопередельческая фракция отличалась от народовольческой, как известно, своим принципиально отрицательным отношением к борьбе специально за политическую свободу, независимо от борьбы непосредственно против всего социально-экономического строя во имя социализма, и своим взглядом на неразрывность этой последней с «деятельностью социалистов в народе». Именно на этих двух вопросах раскололась народническая партия в 1879 г на две фракции; из них одна провозгласила ближайшей целью революционного движения низвержение абсолютизма и очередной, неотложной задачей революционеров борьбу с правительством террористическими средствами, отодвинув до поры до времени на задний план пропаганду в народе, а другая, организовавшаяся под лозунгом «Черный передел», осталась верной старому credo народничества, принципиально не допускавшему иной центральной задачи для нашего революционного движения, кроме непосредственной подготовки народной революции для полного разрушения всего существующего социально-политического строя и водворения на его развалинах начал социалистического строя. Но теоретическое воззрение народничества, по которому Россия может, минуя капиталистический фазис, перескочить прямо в эпоху социализма, осталось у обеих народнических фракций общим символом веры, обязывавшим их стремиться к предотвращению торжества капитализма в России посредством социальной революции. Оно-то, главным образом, и стояло идейным препятствием на пути к сознанчю и признанию правоверными, «ортодоксальными» народниками необходимости и обязательности для русских социалистов концентрировать свои силы на борьбе с абсолютизмом во имя политической свободы. И тот

---

[1]) Неопубликованные главы из 2-го тома «Воспоминаний».

же взгляд на безусловно отрицательное историческое значение капитализма и на вытекающую из него обязанность русских революционеров помешать воцарению его в России служил камнем преткновения для народовольцев на пути к выработке программы и тактики, которые вполне соответствовали бы интересам и требованиям взятой ими на себя задачи — низвержения царско-чиновничьего абсолютизма и завоевания политической свободы. Народники, поднявшие знамя политической борьбы и организовавшиеся для нее в партию «Народная воля», дошли до сознания необходимости этой борьбы не теоретическим, а практическим, эмпирическим путем, под непосредственным давлением жестокого режима и беспощадных репрессий царского правительства.

Как бы то ни было, в одном из двух кардинальных вопросов русского революционного движения, расколовших народническую партию на два противоположных лагеря, в вопросе о политической борьбе, чернопередельческий кружок русской эмиграции разошелся со своей фракцией и сблизился с народовольцами.

Правда, в другом спорном вопросе, в вопросе о роли и значении революционной «деятельности в народе», кружок этот остался верен старому воззрению народничества, по которому неизменным верховным, руководящим принципом социалистической практики должен служить лозунг международного социалистического Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», или, в переводе на язык народников: «Освобождение народа должно быть делом самого народа». Обращаясь в предисловии к своей брошюре «Социализм и политическая борьба» к чернопередельцам, т. е. к правоверным народникам старого толка, Плеханов подчеркивал: «Стремление работать в *народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса», — эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему». Поэтому эмигрантской группе чернопередельцев, перешедшей на теоретическую почву марксизма, естественнее всего было бы обратиться с пропагандой своих новых теоретических и практических взглядов прежде всего к той народнической фракции, к которой она формально принадлежала и с которой она, хотя и под новым теоретическим углом зрения, оставалась солидарной в своем отношении к принципиальному тактическому лозунгу Интернационала. Весьма вероятно, что энергичная пропаганда на идейной основе марксизма законности и необходимости для русских революционеров тесно сочетать политическую борьбу с пропагандистской и организационной работой в пролетариате нашла бы восприимчивую почву среди чернопередельцев. Но эта фракция, организационно слабая при самом своем возникновении, находилась уже в полном разложении к тому времени, когда ее заграничная группа окончательно пришла к сознанию необходимости повернуть наше революционное движение в русло социал-демократизма. Как организованная сила, она в 1883 г. уже не существовала или находилась в состоянии полной агонии.

Разгром революционных организаций, последовавший за восшествием на престол Александра III, отразился гибельно и на партии «Народная воля». В результате ее героической борьбы с правительством наличные силы этой партии, как и всего революционного движения, если не окончательно истощились, то во всяком случае крайне ослабли и пришли в полный упадок. Но все же авторитет и попу-

лярность ее были еще в течение некоторого времени очень значительны. И потому именно в организационных рамках и, так сказать, под официальным флагом народовольческой партии пропаганда марксистских взглядов бывшего чернопередельческого кружка имела бы больше всего шансов на успех. А кризис всей народнической партии, начавшийся в сущности уже в конце 70-х годов, но резко проявившийся и чрезвычайно обострившийся в следующем десятилетии под влиянием опустошения, произведенного в ее рядах беспощадными правительственными репрессиями, с своей стороны объективно диктовал необходимость ликвидировать утопически-социалистическую идеологию революционного движения народнического периода в пользу марксистской или социал-демократической. Кризис этот указывал на невозможность дальнейшего развития этого движения на старом узком социальном базисе малочисленного слоя радикально настроенной демократической интеллигенции и на идеологической основе утопической веры в социалистически-революционную историческую миссию русского крестьянства. Чтобы вывести партию из ее затяжного критического состояния, необходимо было перенести центр тяжести ее социально-политических стремлений и ее революционной работы из сферы сословных интересов и сословного антагонизма крестьянства против землевладельческого дворянства в сферу *классового* антагонизма и борьбы рабочих с их эксплоататорами. А необходимой предпосылкой для такой перемены в социальной основе и социальном характере нашего революционного движения являлась целая революция в умах нашей радикальной интеллигенции в духе учений Маркса и Энгельса.

Принимая все только что сказанное во внимание и имея в виду, что как раз в наиболее важном для народовольцев программном пункте, в вопросе о борьбе с самодержавным политическим строем, марксизм давал прочную теоретическую опору и могучее идейное оружие в этой борьбе, марксистская группа бывших чернопередельцев могла рассчитывать встретить сочувственное отношение к своим стремлениям в народовольческом центре. Стремление наше начать пропаганду своих новых взглядов в рядах партии «Народная воля» означало, в сущности, не что иное как предоставить ей честь сыграть роль инициатора, организатора и знаменосца социал-демократического движения в России, т. е. открыть радикально новую эпоху в истории ее революционного развития.

Как известно, эти надежды наши не оправдались. Подозрительное отношение к нам народовольческих вождей, как к членам фракции, конкурировавшей с их партией, вообще кружковые и, пожалуй, личные моменты сыграли немалую роль в том, что наши объединительные переговоры с народовольческим центром закончились полным разрывом нашего кружка с ним, побудившим нас выступить самостоятельной группой под знаменем марксизма и социал-демократии.

Но все же не в одних этих моментах заключалась главная основная или конечная причина формирования нового революционного течения не внутри старой революционной партии, а вне ее и в борьбе с нею и ее пережитками. Это видно хотя бы из того, что когда группа «Освобождение труда» появилась на свет, она встречена была — за редкими исключениями в лице некоторых единичных представителей молодого поколения — чуть не всем старшим поколением радикальной интеллигенции, без различия направления, почти столь же неприязненно и враждебно, как народовольческим центром. Слишком глубока была пропасть между

марксизмом и мировоззрением, на котором воспитаны были народники всех оттенков, чтобы они могли легко воспринять наши теоретические и практические взгляды. Идейно, навыками мысли, психологически и традициями они так тесно связаны были с отходившим в вечность народническим периодом, что пропаганда социал-демократических учений, связанная с требованием радикального разрыва с идейным наследием его, означала для них измену социализму, заветам погибших самоотверженных, героических поколений революционеров и жизненным интересам народных масс. Это было наследие эпохи, в которой промышленный капитализм еще только нарождался, пролетариат еще не выделился из общей народной массы в особый класс, с особыми интересами, единственным сознательным носителем революционных тенденций была демократическая интеллигенция, а объективной социальной основой революционного движения являлся сословный антагонизм крестьянства с помещиками. Сложившаяся в эту эпоху на такой исторически отсталой социальной почве революционная идеология стала тормозом для дальнейшего развития революционного движения. Из движущего вперед идейного революционного фактора народническая идеология превращалась в орудие застоя и в помеху для выхода революционной партии из тупика, в котором она очутилась в итоге своего развития на основе этой идеологии. Принципиальный разрыв с ней во имя марксизма, для расчистки пути социал-демократическому движению, был необходим для преодоления кризиса и возрождения революционного движения. А потому, отстаивая с фанатической яростью идейные «устои» умиравшего народнического периода против маркистской группы, хранители революционной старины фактически, не сознавая того, становились консервативной, чтобы не сказать — реакционной, силой по отношению к нашему революционному движению.

Литературным инициатором и знаменосцем в борьбе радикальной интеллигенции против группы «Освобождение труда» выступил центральный орган партии «Народная воля», как только вышла в свет брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». В этой брошюре Плеханов обращался к народникам вообще, и к народовольческим народникам в частности, не как член чужой, враждебной им партии, а, наоборот, как товарищ к товарищам, с которыми он чувствует себя духовно и, так сказать, кровно связанным не только своим революционным прошлым, но и основными стремлениями во время писания брошюры. Правда, он подвергает в ней критическому пересмотру устарелые взгляды русских социалистов. Но не одних народовольцев, а все социалистические фракции критиковал Плеханов, в том числе и ту, к которой мы сами принадлежали. Это была критика нашего собственного недавнего прошлого. И брошюра в целом совершенно чужда полемических резкостей и мало-мальски враждебного, неприязненного тона. «Я касался не лиц, а мнений, — пишет Плеханов в предисловии к ней, — и частные разногласия мои с той или другой социалистической группой нимало не уменьшают моего уважения ко всем искренним борцам за освобождение народа». Критика имела целью выяснить крайнее несоответствие народнических воззрений основным задачам и стремлениям самих народников и необходимость для русских революционеров ради этих задач и стремлений стать на теоретическую почву марксизма. Плеханов старался доказать, что «наше революционное движение очень много выиграет, если «народники и народовольцы» сделаются, наконец, русскими

марксистами и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы каждая по-своему, потому что при всей своей односторонности каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни».

Центральная, непосредственно практическая цель брошюры сводилась к тому, чтобы выяснить русским революционерам, что их главной задачей в царской России является, именно с точки зрения научного социализма, борьба с абсолютизмом, но — в тесной неразрывной связи с пропагандистской работой в пролетариате для подготовки «рабочего класса к его будущей самостоятельной и поступательной роли» тотчас после низвержения абсолютизма, на почве «свободных политических учреждений». В тесном сочетании систематической работы над подготовкой такой пролетарской работы с борьбой за «политическую свободу» он видел единственное или наиболее действительное средство к тому, чтобы решительная победа над царским самодержавием явилась прологом для эпохи борьбы рабочего класса за свое полное освобождение. И к руководящей роли в выполнении этой задачи Плеханов призывал главным образом партию «Народная воля», историческую заслугу которой, как инициатора в борьбе с абсолютизмом, он специально и неоднократно подчеркивал.

На брошюру Плеханова в резко полемическом тоне и с сильным раздражением откликнулась редакция «Вестника народной воли» во втором номере этого журнала. П. Л. Лавров посвятил ей рецензию, в которой писал:

«Орган партии «Народной воли» посвящен борьбе против политических и социальных врагов русского народа; эта борьба так сложна, что требует от нас всего нашего времени и всех наших трудов. Нам, по моему мнению, нет ни досуга, ни охоты посвящать долю нашего издания на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с «Народной волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа».

Далее Лавров выражает надежду, что в дальнейшем своем развитии Плеханов сознает «еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной армии, действующей против общего, еще опасного врага: именно, что расстраивать организацию этой армии, даже если в ней видишь или предполагаешь некоторые недостатки, дозволительно только врагам дела этой армии, — к которым г. Плеханова я, конечно, не причисляю, — или группе, которая сама своею деятельностью, своею силой и своею организацией способна стать общественной армиею в данную историческую минуту».

И к этому рецензент прибавляет ядовито: «Для «освободителей труда» эта роль еще находится, повидимому, в далеком — да, пожалуй, и несколько сомнительном — будущем».

Однако, вопреки заявлению Лаврова о том, что у редакции «Вестника народной воли» нет «ни досуга, ни охоты для полемики» с нами, в том же номере журнала другой редактор журнала, Тихомиров, выступил в пространной резко полемической статье против нашей группы, которой, впрочем, он почему-то не назвал, как не называл он и лично Плеханова.

«За политическую борьбу, — читаем мы в этой статье, — высказываются нынче даже люди, которые не надеются из нее извлечь ничего, кроме конституции;

для достижения этой конституции социалисты решаются даже требовать, чтобы либералов не пугали «красным призраком».

Эту тенденцию критикуемого направления Тихомиров старается объяснить тем, что сторонники этого направления «считают исторической неизбежностью русский капитализм». «С этой точки зрения, — утверждает он, — только один шаг остается до прямого содействия капитализму».

«Если для организации крупного производства» необходимо «перейти через школу капитализма, то прямая гражданская обязанность требует временно совсем поступиться своими стремлениями социалиста, даже, пожалуй, позабыть о них».

«С какой стати мы будем заражать интеллигенцию идеями, при которых она делается неспособной грабить рабочего с чистой совестью и энергией? С какой стати мы будем самого рабочего напитывать социалистическими идеями, отвлекающими в этом классе лучшие силы от стремления к капиталистической карьере?»

Развитие этой мысли вместе с опровержением неизбежности капитализма в России и составляет главное содержание статьи Тихомирова.

В заключение же автор следующим образом характеризует роль нашей группы (которой он и здесь не называет) и мотивирует необходимость решительной борьбы с нею:

«Интеллигенцию, эту драгоценную историческую силу, следует тщательно оберегать от схоластической ржавчины, способной уничтожить ее лучшие свойства — ее веру в народ, в свои собственные силы, в революцию.

«А между тем только такое воздействие на революционную интеллигенцию могут оказывать голоса, призывающие ее к разным старчески практичным задачам, вроде борьбы за либеральную конституцию, с отказом от всякой надежды осуществить власть народа.

«Планы новой группы не «практичны», а просто близоруки. Это та самая практичность, которая держит в состоянии политического ничтожества наших либералов... Может быть, для себя они и поступают благоразумно. Но совсем не так поступать надо передовому бойцу революции, который принужден итти впереди других и должен раньше всех понять и почувствовать, когда можно крикнуть смелое «вперед». Нет, не держась за фалду фабриканта, приведем мы к чему-нибудь рабочую массу. Не для буржуа мы должны добывать конституцию, да и вообще не конституции, а народной власти должны мы добиваться. Не обезземеливать народ должны мы для этого, не развивать пролетариат, не насаждать капитализм, а укреплять силу и независимость народа экономически, политически, умственно и нравственно».

Теперь, 40 лет спустя, читатель, даже «не обучавшийся в семинарии», может легко оценить все эти выпады.

Как видите, первый шаг первой русской социал-демократической группы на пути к пропаганде марксистских взглядов вызвал со стороны руководящего органа народовольцев обвинения против нас, и против Плеханова в первую голову, в дезорганизаторских тенденциях, в готовности ради одной только «конституции» в пользу «буржуа» жертвовать жизненными интересами народа и отказаться от борьбы за народовластие, за развитие и укрепление экономической, политической умственной и нравственной силы народа. И в довершение всего Тихомиров объ-

явил содержание названной брошюры «схоластической ржавчиной», способной демо-рализовать демократическую интеллигенцию, «уничтожить ее лучшие свойства — ее веру в народ, в свои собственные силы, в революцию».

Так поняла и истолковала редакция «Вестника народной воли» первое изданное группой «Освобождение труда» произведение Плеханова, посвященное выяснению и постановке — на теоретической основе марксизма — очередных задач социалистов в царской России. Упреки и обвинения против нас, формулированные и пущенные в обращение этим народовольческим органом, в разных вариантах, дозах и комбинациях повторялись потом народниками разных толков и в особенности эпигонами народовольцев, партия которых первая среди русских революционеров в 70-х годах подняла знамя борьбы за ту самую «либеральную конституцию». Теперь, почти через полвека со времени образования первой русской социал-демократической ячейки и выхода в свет ее первого издания, после того как история оправдала применение ею учений Маркса и Энгельса к решению важнейших вопросов русской жизни, в настоящее время кажется мне совершенно излишним и даже странным пускаться в своих воспоминаниях в опровержение упреков, сыпавшихся на нас со стороны наших противников в революционном лагере.

Но в той же революционной среде возникло и оформилось в 80-х годах течение, представители которого упрекали нас не в крайней буржуазной приверженности к «либеральной конституции», а как раз наоборот, в социалистическом доктринерстве и отодвигании на задний план задачи борьбы за политическую свободу. В этом оппортунистическом, практически или теоретически либеральном лагере радикальной интеллигенции рассуждали приблизительно так: низвержение абсолютизма является самой насущной, абсолютно неотложной задачей всех прогрессивных слоев России, завоевание конституционных гарантий — необходимейшее предварительное условие для удовлетворения всех экономических, политических и культурных потребностей русского народа. Но социалисты сами, без серьезной поддержки широких общественных слоев, не в силах добиться этих гарантий. И так как рабочего класса, способного на борьбу за них, в России нет, то социалисты должны политически сблизиться, еще лучше — соединиться, с либеральными слоями общества, т. е. имущих классов. Но либералов пугают социалистические цели революционеров, а потому, чтобы устранить это препятствие к сближению их или объединению с либералами на почве борьбы с абсолютизмом, они должны до поры до времени «запрятать социализм в карман».

Добровольский и В. Мокриевич и их единомышленники в этом взгляде на очередную задачу и тактику русских революционеров не принадлежали к партии «Народная воля». Но такой же взгляд на этот вопрос значительно раньше их высказал и мотивировал народоволец Присецкий в конце 1881 г. на страницах издававшейся в Женеве либеральной газеты «Вольное слово». В статье, подписанной инициалами В. П., он в № 19 этой газеты противопоставил старому народническому лозунгу «Освобождение народа должно быть делом самого народа» формулу: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». И так как «народ» по своей безграмотности и некультурности не заинтересован в самом важном, самом насущном для России деле, в борьбе за политическую свободу, то революцио-

нерам и думать нечего о том, чтобы он «был поставлен стражем и даже требователем конституционных гарантий». Это — дело революционной интеллигенции и либеральных слоев имущих классов, как части нации, наиболее заинтересованной в низвержении абсолютизма. Поэтому все передовые, «честные люди» из среды «общества» должны объединиться вокруг партии «Народная воля» «под одно знамя обеспечения прав человеческой личности». А когда «дело свободы будет выиграно, деспотизм отойдет в область истории», революционная интеллигенция сможет по-прежнему приняться «за пропаганду в рабочем сословии».

Присецкий довел, в сущности, до «логического конца» тенденцию, скрывавшуюся или потенциально содержавшуюся в первоначальном провозглашении партией, к которой он принадлежал, борьбы за политическую свободу своей специальной задачей и в заявлении, что до освобождения России от царского абсолютизма вести пропаганду в народе — значит тратить революционные силы на сизифову работу. В сознании внутренней логической связи своих взглядов с выступлением партии «Народная воля» на революционную арену он приглашал либералов присоединиться к ней. К середине 80-х годов она уже фактически умерла, и точка зрения Присецкого в устах других представителей радикальной среды могла получить еще более отчетливо либеральное выражение, чем у него и других единомышленных с ним народовольцев. Но народовольцы в конце концов повернули от либеральной или, как определенно выражался Желябов, «демократической конституции» в сторону якобинского или бланкистского народничества, родоначальником которого был Ткачев. Поэтому Тихомиров в теоретическом обосновании Плехановым и подчеркивании значения первоначального политического лозунга партии «Народная воля» мог, не особенно кривя душой, открыть измену социализму ради «либеральной конституции», в то время как наши противники в противоположном лагере интеллигенции упрекали нас, наоборот, в том, что мы ради доктринерского социализма забываем о жизненной потребности России в этой конституции и о борьбе за ее завоевание.

Группа «Освобождение труда», выдвигая на первый план социалистические принципы и цели и решая именно под углом зрения этих принципов и целей задачу борьбы за политическую свободу, настаивала на обязанности и необходимости для социалистов вести эту борьбу в тесной связи с развитием классового сознания и политической активности рабочих. А потому в глазах либерально настроенного крыла революционной интеллигенции, тяготевшего к возможно большему сближению с «обществом», мы являлись сухими социалистическими доктринерами, жертвующими для своих утопических доктрин реальными жизненными интересами русского народа и отодвигающими на задний план или просто пренебрегающими самой насущной, злободневной задачей всех прогрессивных оппозиционных слоев России — завоеванием политической свободы.

Не могу обойтм здесь молчанием и тот факт, что в кругу вождей западной социал-демократии программа и тактика группы «Освобождение труда» вызывали у некоторых товарищей недоумения, недоразумения и в той или иной мере скептицизм. И что особенно заслуживает быть отмеченным, так это то, что это отношение к нам некоторых из наиболее крупных представителей социал-демократии диктовалось соображениями, по существу довольно сходными с теми, которыми руководились наши русские противники, и притом главным образом те из них,

которые принадлежали к оппортунистическому крылу радикальной демократии, подпавшему влиянию либеральных тенденций.

Во избежание недоразумения скажу тут же, что вообще отношения к нам западных товарищей бесконечно далеки были от охарактеризованного мною выше отношения подавляющего большинства представителей русской радикальной демократии. С некоторыми наиболее видными из них мы сошлись очень близко: например, Плеханов с Гедом в Париже, я — с Бернштейном и Каутским в Цюрихе; через них я познакомился с Моттелером, организатором и руководителем экспедиции издававшегося в Цюрихе нелегального органа германской социал-демократии, и несколькими другими немецкими и швейцарскими товарищами. В этом кругу мы встречали сочувствие и поддержку, в особенности со стороны Бернштейна и Каутского.

Но приблизительно в конце 1884 г. я начал замечать или подозревать, что не во всех руководящих социалистических кругах наша практическая программа встречает полное одобрение и безраздельное сочувствие.

Не могу припомнить, под впечатлением каких именно конкретных фактов у меня зародилось подозрение в том, что некоторые из наиболее влиятельных и политически зрелых представителей этих кругов склонны видеть в нас доктринеров, слишком мало учитывающих насущную необходимость для русских социалистов концентрировать свои силы на борьбе с царизмом. Помню только, что я высказал это своим товарищам в письме к В. И. Засулич и что скоро мое подозрение или предположение подтвердилось. Письмо, о котором здесь идет речь, я написал по следующему комическому поводу.

1 апреля 1885 г. Засулич вместе с одним близким к группе товарищем доставили Плеханову письмо якобы от Энгельса, в котором он резко нападал на нашу группу и высказывался против ее программных и тактических воззрений совершенно в духе народовольцев. Энгельс явно стал на сторону народовольческой партии. Почтовая марка и почтовый штемпель на хорошо заклеенном конверте не оставляли сомнения в подлинности письма. Оно вызвало в Плеханове величайшее негодование и возмущение против Энгельса, и он уже собирался ответить ему подобающим образом. Но товарищи сразу укротили его гнев и успокоили, напомнив ему о 1 апреля. Когда же Вера Ивановна написала мне обо всем этом, я ответил ей, что совсем не удивился бы, если бы Энгельс действительно высказался в духе апокрифического письма.

Я убежден, — писал я ей и Плеханову, — что и самые горячие противники бакунизма и бланкизма среди социал-демократов готовы примириться с тем и другим в России и восторженно приветствовать самого дьявола, лишь только ему удастся вызвать в них веру в свою силу и справиться с царским абсолютизмом и избавить цивилизованный мир от этого оплота европейской реакции [1]).

И вот в конце того же месяца, в котором Вера Ивановна так подшутила над Плехановым, она действительно получила от Энгельса письмо, которое по духу и содержанию, по своей основной тенденции чуть не тождественно было с апо-

---

[1]) Буквального текста я не могу, конечно, воспроизвести; но ручаюсь за точную передачу содержания моего ответа Вере Ивановне на ее сообщение о своей апрельской шутке.

крифическим первоапрельским письмом его к Плеханову. Оно было ответом на ее просьбу сообщить нам свое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия» [1]).

В этом письме он прежде всего выразил свою радость по случаю появления среди русской молодежи группы, «которая без колебаний и оговорок принимает великие экономические и исторические теории Маркса и которая решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями ее предшественников». В этом он видит «прогресс огромной важности для развития революционного движения в России», потому что «историческая теория Маркса — основное условие выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить эту теорию к экономическим и политическим условиям страны, которой дело касается». Это именно и сделал Плеханов в своей книге «Наши разногласия». А Энгельс все-таки неодобрительно отнесся к критике Плехановым взглядов и лозунгов «Народной воли», противоречивших исторической теории Маркса и не допускавших приложения ее к русской действительности для выработки «выдержанной и последовательной тактики».

Энгельс оговаривается, что он «слишком невежествен относительно современного положения России», чтобы считать себя компетентным судьей в частностях тактики, требующейся там в определенный момент. Но «то, что я знаю или думаю, что знаю о положении России, склоняет меня к мнению, что там приближаются к 1789 г.» и что революция может в ней «разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной мине, где остается только приложить фитиль».

«И если когда-нибудь бланкистская фантазия перевернуть целое общество действием одного маленького заговора имела некоторое основание, так именно теперь в Петербурге». Но, само собою разумеется, не непосредственно социалистического переворота ждал Энгельс от бланкистского «маленького заговора», а лишь революции 1789 г., за которой «не замедлит последовать и 1793 г.», т. е. максимально радикальная ликвидация остатков старого режима, т. е. завершение опять-таки революции буржуазной.

Очевидно, имея в виду критику Плехановым народовольческой идеи захвата власти, Энгельс пишет: «Предположим, что эти люди (народовольцы.— *П. А.*) вообразят, что могут захватить власть,— что за важность? Пусть только сделают брешь, которая разрушит плотину,— поток сам скоро образумит их иллюзии. Но если бы случайно эти иллюзии (курсив мой.— *П. А.*) своим воздействием вызвали у них высшую силу воли, почему на это жаловаться? Люди, воображавшие, что они сделали революцию, всегда убеждались на следующий день, что они не знали, что делали,— что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать».

Энгельс, как видите, относился к «захвату власти» народовольцами с большим скептицизмом, вернее,— как к иллюзии, которую ход самой революции разобьет: «эти люди,— говорит он,— взорвавшие мину, будут унесены взрывом, который... найдет себе выход, где он сможет и как потребуют экономические силы и условия».

---

[1]) Письмо Энгельса перепечатано в русском переводе Дейчем в № 3 издаваемого им сборника группа «Освобождение труда».

Но так как эта иллюзия может вызвать у русских революционеров подъем энергии, необходимый для нанесения «маленьким заговором» решительного удара царизму, то можно и должно мириться с нею и не подрывать критикой ее сплочения активных сил революционного движения.

Несколько месяцев спустя Бернштейн мне сообщил, что в том же духе, только не выдвигая уже в перспективе повторения Россией французской революции 1789 г., Энгельс высказался перед Каутским в беседе с ним о «Наших разногласиях» Плеханова. В письме (от 30 июня) из Лондона к Бернштейну Каутский так резюмировал содержание этой беседы [1]):

Энгельс находит брошюру Плеханова теоретически очень интересной. «Но его теоретические рассуждения (Ausführungen) Энгельс считает — не скажу: ложными, — но несвоевременными (unangebracht); в России теперь дело идет не о программе, а о р е в о л ю ц и и». А она «поставит во главе управления страной н е с о ц и а л и с т о в, а л и б е р а л о в». Главное теперь не в теоретической ясности русских революционеров, а в их энергии. «В России дело идет о низвержении царизма и о сплочении всех революционных элементов для этой цели, и Энгельс будет неизменно на стороне тех, кто соответственно этому действует, хотя бы их программы были неудовлетворительны (unvollständig). Для борьбы с царизмом необходимо сплотить все элементы, способные к ней, — без различия программы, и Плеханов поступает нехорошо (tut unrecht), нападая на «Народную волю», на людей, которые одни только и делают теперь что-нибудь в России, хотя т е о р е т и ч е с к и он и прав по отношению к ним».

Своими указаниями на то, что «теоретическая ясность» для русских революционеров в данный момент не важна и что все равно, какая именно фракция и под каким лозунгом даст сигнал русской революции, Энгельс в практической оценке выступления группы «Освобождение труда» оказался фактически в довольно близком соседстве с оппортунистически настроенными элементами демократической интеллигенции, смотревшими на нас как на доктринеров и политических фантазеров или утопистов. А народовольцы в частности радостно приветствовали бы неодобрительное отношение Энгельса к плехановской критике их программы и тактики, потому что могли бы ее истолковать в духе своих обвинений нашей группы в дезорганизаторском образе действия.

В середине 80-х годов Энгельс находился еще под впечатлением недавней героической борьбы партии «Народная воля» с правительством и видел в ней единственную силу, способную «дать сигнал» к национальному взрыву против царизма. А борьба с абсолютизмом являлась с точки зрения Энгельса главной очередной исторической задачей русских социалистов, и практическим отношением их к ней определялось его собственное отношение к социалистическим группам и фракциям в России; поэтому выступление нас, недавних анархистов-чернопередельцев, самостоятельным пропагандистским кружком — в оппозиции к народовольческой партии — казалось ему несвоевременным (unangebrächt) и проявлением склонности из-за чересчур доктринерских соображений жертвовать насущными интересами и потребностями борьбы против царизма более далеким целям и не столь животрепещущим задачам.

---

[1]) Оно напечатано в изданном Э. Бернштейном собрании писем Энгельса к нему.

К концу 80-х годов Энгельс убедился в иллюзорности своих расчетов на дальнейшую революционную активность народовольцев и своей веры в непосредственно предстоящую русскую революцию. Вместе с тем он за это время настолько познакомился с произведениями Плеханова и нашей действительной позицией в вопросе о завоевании политической свободы, что признал эту позицию правильной, политически вполне целесообразной. К началу 90-х годов он вполне сблизился с группой «Освобождение труда» и персонально особенно с Плехановым и Засулич, подолгу жившими в Лондоне и по разным поводам переписывавшимися с ним.

Но и в этом десятилетии наша программа и тактика вызывали еще у некоторых вождей западной социал-демократии не то недоумение, не то скептическое или даже прямо отрицательное отношение к себе, но теперь уже с явно либеральным оттенком. Припоминаю два очень характерных случая, довольно наглядно иллюстрирующих точку зрения, с которой некоторые из наиболее выдающихся представителей западной социал-демократии склонны были судить и оценивать практические стремления нашей группы.

Не помню точно, в начале или около середины 90-х годов Плеханов мне рассказал, как незадолго до того он встретился в Париже с П. Лафаргом и как этот последний набросился на него с целым градом совершенно неожиданных со стороны Лафарга упреков по адресу нашей группы и более всего, конечно, против самого Плеханова. «В России социалистам и либералам необходимо теперь совместно добиваться конституции, а вы и ваши друзья враждуете с либеральной оппозицией, вместо того чтобы заодно с ней бороться против существующего политического режима, во имя политической свободы. Вы тратите только бесплодно свои силы и отвлекаете силы своих сторонников на преследование утопических в самодержавной России целей и задач, а между тем все ее революционные и оппозиционные силы должны быть направлены на низвержение абсолютизма и завоевание конституции».

Эти упреки, как две капли воды, похожи на те, которые выдвигали против нас сторонники либеральной тактики в радикальной интеллигенции.

Столь же показательно для тенденции некоторых вождей западной социал-демократии в вопросе о практических задачах и тактике русских революционеров было замечание другого вождя Интернационала, В. Либкнехта, по поводу стачки петербургских ткачей в конце 1895 г. Когда один близкий к группе «Освобождение труда» товарищ, если не ошибаюсь — Бухгольц, восторженно сообщил Либкнехту об этом знаменательном событии, то он довольно холодно сказал: «В России студенческие волнения имеют гораздо большее политическое значение, чем рабочие стачки. Стачки рабочих бывают и в Китае». Так индиферентно отнесся ветеран и солдат революции — наряду с Бебелем крупнейший вождь германской социал-демократии — к событию, открывшему собою эпоху революционного движения в России, как «движения рабочего класса», предсказанного Плехановым на международном социалистическом конгрессе 1889 г. в Париже. Так низко оценивал Либкнехт значение пролетариата в царской России как революционной силы. С точки зрения, на которой стоял не он один, предсказание Плеханова на интернациональном социалистическом конгрессе 1889 г., что русское революционное движение победит абсолютизм как движение рабочего класса или совсем не победит, должно было казаться плодом утопической фантазии.

А в середине 80-х годов Энгельс, повидимому, еще смотрел на русский пролетариат как на такую ничтожную в революционном смысле социальную силу, которую нечего принимать во внимание при учете факторов революционного движения в царской России. На это указывает, по крайней мере, тот факт, что в цитированном выше письме к Засулич он в подкрепление своих надежд на близость революции в России ссылается на ненависть одних только передовых элементов образованного общества против политического режима. Деспотизм,— подчеркивает он в этом письме,— «стал невыносим для молодежи, соединяющей в себе интеллигенцию и все благородные элементы нации». О невыносимости того же «деспотизма» специально для рабочего класса Энгельс и не заикнулся. А между тем он в том же письме уверенно предсказывает повторение у нас Великой французской революции, в которой народные массы вообще и пролетарские в частности играли огромную, решающую роль. Именно революционная активность этих масс дала радикальной демократии во Франции возможность стать доминирующей силой в этой революции. Но в эпоху, предшествовавшую ей, в подготовительный период ее, рабочие массы и общественные элементы, по своему радикализму и социальному составу соответствовавшие нашей социалистической демократии, не играли там самостоятельной, активной политической роли. «Сигнал» или решительный толчок разразившейся революционной буре дали не радикально-демократические, а полярно противоположные социальные элементы — представители дворянства и высшего духовенства, т. е. аристократическая оппозиция. Эти «исторические» привилегированные сословия были во Франции в предреволюционную эпоху очагами активной оппозиции абсолютистскому режиму королевской власти и высшей бюрократии; опираясь на традиции их политического могущества в прошлом, на их древние права и привилегии, их вожди и официальные органы вступали в конфликт с правительством каждый раз, когда оно, вынужденное затруднительным положением, главным образом финансовыми затруднениями, предпринимало или пыталось предпринимать какие-нибудь реформы, в которых дворянство и духовенство видели угрозу своим старым привилегиям и эгоистическим интересам. Но, отстаивая интересы реакционных сословий, парламенты, возглавляемые парижским, собрания духовенства и нотаблей должны были указывать на то, что королевская власть отнюдь не всегда была неограниченна и что они борются собственно за интересы всей нации и за ее суверенные права. И в конце концов обе борющиеся стороны своими междоусобиями способствовали идейной «разрушительной» работе философов и просветителей и прогрессивных писателей и подготовке в демократических слоях психологической и политической атмосферы для превращения созыва генеральных штатов в исходный пункт для революционной ликвидации всех социально-политических остатков средневековья. Радикальная же демократия, довершившая до конца эту ликвидацию во Франции, выступила там на историческую сцену во главе народных масс лишь после того, как общественная атмосфера для революционного взрыва была уже до известной степени подготовлена теми, которым суждено было погибнуть от него, когда революционная буря уже вполне разразилась.

А в России революционные элементы демократической интеллигенции начали складываться в самостоятельную партию, с своей идеологией и методами борьбы, уже на заре нашего освободительного движения, почти за полстолетия до первой общенародной атаки — в 1905—1906 г. — на старый режим. И на плечи этих

элементов пала, главным образом, непосредственно политическая работа по подготовке общественных сил и психологической атмосферы для нашей революции. В противоположность Франции, классической стране буржуазных революций на Западе, где идеологи радикальной демократии с самого начала имели дело с народными массами, охваченными революционной бурей, в России революционно-демократическая интеллигенция должна была сама в течение целого ряда десятков лет систематически работать при исключительно тяжелых условиях над созданием сочувственной для нее атмосферы в этих массах и выработкой в них элементов для революционно-демократической или подлинно народно-революционной партии.

Наши названные выше западные учителя и товарищи не уделили достаточного внимания историческим особенностям условий развития освободительного движения в России, вызвавшим у нас революционную демократию к жизни в гораздо более раннем фазисе, чем на Западе, и навязывавшим ей уже в этом раннем фазисе искать тесного сближения с «народом» для борьбы с существующим режимом, как партии народной не только по своим социально-политическим стремлениям, но и по своему главному социальному составу. Если бы Энгельс, Либкнехт, Лафарг обратили должное внимание на эти моменты, то они увидели бы, что такая партия — в масштабе, допускавшемся культурной и социальной почвой царской России,— могла образоваться только на основе и в атмосфере борьбы рабочих с их эксплоататорами. А если бы они приняли еще во внимание, что для перенесения центра тяжести нашего революционного движения в сферу классового антагонизма и классовой борьбы пролетариата с капиталистами абсолютно необходимо было преодолеть идейный консерватизм радикальной интеллигенции, то в них совсем не вызывала бы недоумения резкая полемика Плеханова против революционных и либеральных народников и они вполне поняли бы целесообразность и необходимость теоретического оружия, пущенного Плехановым в ход для обоснования и пропаганды нашей практической программы на идеологической основе марксизма. Но западные товарищи склонны были судить о нашем революционном движении под углом зрения эпохи буржуазных освободительных революций на Западе, где «народ» появлялся на политической арене в самый разгар революционных событий как стихийная сила, возглавляемая и руководимая партийно, политически слабо диференцированной массой идеологов «третьего сословия», а крайние элементы этих идеологов лишь в последних актах революционной драмы становились господствующей партией.

В то время, когда Энгельс высказывал свою уверенность в близости русской революции, наше революционное движение переживало глубокий кризис вследствие крайнего ослабления сил радикальной интеллигенции и неподготовленности почвы для вербовки и мобилизации новых революционных сил. Первое десятилетие в жизни группы «Освобождение труда» характеризуется двойственным процессом — умиранием старого, интеллигентского народнического движения, с одной стороны, и медленным молекулярным процессом нарождения и назревания элементов, призванных сыграть роль пионеров в подготовке нового, пролетарского революционного движения. В атмосфере этого критического периода пришлось довольно продолжительное время работать группе «Освобождение труда»; эта атмосфера и в особенности взаимоотношения с консервативными элементами в революционной среде влияли, конечно, на характер и содержание ее деятельности.

ГЛАВА III

Положение группы в первые годы ее существования

Она возникала в атмосфере глубокого кризиса в нашем революционном движении, о котором я упоминал выше. Проникнутая сознанием, что для преодоления этого кризиса и возрождения движения к новой жизни русские революционеры должны распроститься с унаследованным ими от народнической эпохи социально-политическим мировоззрением и стать на почву учений международной социал демократии, новая революционная группа выступила с пропагандой этих учений и — в лице Плеханова — подвергла всесторонней критике старые теории и программы нашей радикальной интеллигенции.

Мы исходили из убеждения в том, что партийный кризис вызван не только физическим обессилением ее вследствие правительственного террора, но и ее собственным внутренним развитием в узкой социальной среде разночинной интеллигенции на теоретическом базисе идеологии, признававшей социальной основой революционного движения только сословный антагонизм крестьянства против помещиков и «начальства». Наша группа видела в разрыве революционной партии с этой идеологией и вступлении на теоретическую почву марксизма необходимую предпосылку или условие для обеспечения революционному движению прогрессивно растущего притока свежих сил. Консервативные же руководители и сама масса радикальной демократии если и замечали дефекты в революционном движении, то, в общем и целом, — в виде «маленьких недостатков механизма», отнюдь не требовавших такого внутреннего, духовного переворота в революционном лагере, к какому стремилась группа «Освобождение труда». Но у народнической интеллигенции наша точка зрения на причины и значение кризиса и вытекавшие из нее радикальные выводы вызывала только возмущение и негодование против ее представителей и защитников.

Группа «Освобождение труда» конституировалась в составе шести человек: кроме Плеханова, В. Засулич, Дейча, Р. М. Плехановой и меня в группу вошел Н. В. Игнатов, бывший член организации «Земля и воля», примкнувший после раскола этой организации к чернопередельческому кружку.

Игнатов был прежде человеком со средствами: ему принадлежала доля в каком-то пароходном предприятии. В свое время он отдал на революцию значительную часть своего состояния. В момент раскола землевольческой организации в кассе партии были еще пожертвованные им суммы. По соглашению между обеими фракциями эти суммы были поделены между ними.

За границу Игнатов приехал тяжело больной, с туберкулезом легких. Политически он все время оставался тесно связан с нами, но работать активно он не мог: врачи послали его в Египет, состояние его здоровья становилось все хуже, и вскоре (1885 г.) он умер. Небольшое пожертвование, которое он мог уделить нам, дало нам возможность приступить к делу. Но именно только «приступить». С первого же шага мы очутились перед крайними материальными затруднениями. Из России нам нечего было ждать материальной поддержки. За границей еще сохранились кое-какие источники средств для русских революционных начинаний. Но для нас эти источники были почти совершенно закрыты: слишком велико было

здесь раздражение против группы, дерзающей критиковать деятельность окруженной героическим ореолом партии «Народная воля». Да и вся наша идеология, марксистская, отнюдь не предрасполагала радикальную интеллигенцию к оказанию нам какой-нибудь поддержки на первых шагах нашей деятельности. Исключения в нашу пользу были крайне редки. Их можно бы пересчитать почти что на пальцах одной руки. Помню, что очень скоро после образования группы Л. Г. Дейчу удалось приобрести сочувствие двух студентов, Слободского и Тилло, учившихся в Германии. Но Тилло вслед за тем уехал в Россию и перешел к народовольцам. Активного сторонника мы с самого начала приобрели в лице Саула Гринфеста, часто упоминаемого ниже. Вместе с Гецовым и Рольником он устроил в Минске в 1880—1881 г. тайную типографию, в которой набирали и печатали «Черный передел». После ее провала они эмигрировали в Швейцарию и в течение года или несколько больше жили в Цюрихе, где Гринфест сблизился со мною и, как только мы начали свою издательскую и пропагандитскую деятельность, всецело присоединился к нам.

Но в общем и целом группа наша на первых порах оставалась в изолированном и крайне тяжелом положении.

Нам приходилось прилагать огромные усилия, чтобы собрать какую-нибудь сотню франков, а получение откуда-нибудь тысячи франков было в жизни нашей группы целым событием.

При этих обстоятельствах на плечи Л. Дейча, кроме нашей общей пропагандистской работы, легли главные, чуть не все, материальные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными городами, где была русская революционно настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий, вообще вел все административные и организационные функции группы. Через него шла вся деловая переписка между мною и женевскими товарищами. У меня сохранились письма, которые я в то время получал от него, и некоторые отрывки из них помогут читателю представить себе жизнь нашей группы в первые месяцы ее существования [1]).

17 октября 1883 г. Л. Дейч пишет мне:

«Я с Сергеем [2]) уговариваю Веру переехать на зиму в Париж для заведения там знакомств, связей, пользования всякими зацепками, могущими пригодиться нашей группе, и пр. А то там ведь у нас нет ни одного своего человека, имеющего в виду ловить всякие поводы для пользы нашей группы. Илья Игнатов [3]), которому и я говорил здесь и пишу в каждом письме, заявляет о своей «полной неспособности» к такой функции, да к тому же он слишком занят своею целью и

[1]) Оригиналы писем я лет 12 тому назад, по просьбе Л. Дейча, отослал ему в Нью-Йорк, так как они были нужны ему для литературно-исторической работы. Цитирую по копиям, которые он снял и мне впоследствии прислал.

Настоящая глава была уже готова к печати, когда я узнал, что оригиналы писем, о которых тут идет речь, напечатаны были самим Дейчем в его сборнике «Группа Освобождение Труда».

[2]) Степняк, который не принадлежал к нашей группе, но был связан с нами личной дружбой, настоятельно советовал нам отправить в Париж В. И. Засулич.

[3]) Брат Н. Игнатова.

очень мало нашей группой. Вера могла бы очень много привлечь к себе своей простотой, умом и прочими добродетелями. Она не против этого плана вообще, но и не хватается сильно за эту идею, хотя все же находит сама нужным попытаться ей воспользоваться массой наезжающих (особенно зимою) русских. Словом, если еще представится какой-нибудь случайный повод и откуда-нибудь нужные 200 — 250 франков на костюмировку, дорогу и первое время, то она наверное поедет. А это для нашей группы, надеюсь, будет иметь значение».

Но, увы, необходимых 200—250 франков у нас так и не оказалось, и проект остался проектом. Касса группы постоянно была пуста, нехватало не только на такие обширные предприятия, как «дорога и костюмировка», но и на уплату типографских счетов, на экспедицию отпечанных брошюр и прочие совершенно неотложные нужды. Письма, которые я получал из Женевы, были полны жалобами на безденежье, и мрачный тон этих жалоб смягчался лишь выражениями надежды на получение «манны небесной» в результате той или иной финансовой операции, по части которых Дейч проявлял неистощимую изобретательность.

От «сочувствующих», которых нам удалось завербовать, толку было не много.

В письме от 30 ноября 1883 г. Дейч жалуется:

«У нас уж судьба такая: сочувствовать — сочувствуют нам, а дойдет до дела — ничего нет. Какой-то все малодеятельный, неинициативный народ, а вот мы их позовем, подготовим немного, — смотришь, как это было с Тилло [1]), они пристали к народовольцам, где подают голос за вскрывание наших писем... Трагическое в своем роде положение наше, из которого выхода-то не видишь».

При отсутствии денежных средств, при враждебном отношении к нам со стороны старой народовольческой эмиграции и со стороны большинства заграничной русской молодежи, при царившей в умах ее путанице, при пассивности и ненадежности тех немногих ее представителей, которые проявляли некоторое сочувствие к нам, мы по необходимости снова и снова возвращались к мысли связаться непосредственно с уцелевшими в России остатками революционных организаций.

27 ноября 1883 г. Дейч пишет мне:

«Вообще, надо тебе сказать, я довольно пессимистично смотрю на наше положение: я ясно сознаю, что пока у нас в России не будет хоть маленькой группы человек в 8—10, до тех пор мы будем мертворожденными и не в состоянии будем влачить какое-нибудь существование, даже если бы откуда-нибудь вдруг и получили достаточную сумму на поддержку изданий. Что в том, что мы будем издавать брошюры, если в России не будет лиц, считающих эти издания своими, если не будет группы, заинтересованной в получении и распространении их? Создать такую группу не может, конечно, Варв[ара] Ив[ановна], ни даже Саул Гринфест. Из нас всех это могли бы сделать — ты и я, говоря без всяких преувеличений и самообмана. Но нам с тобою, конечно, немыслимо теперь ехать в Россию. И вот почему я и настроен пессимистично. Как бы то ни было, но надо из всех сил лезть, чтобы проявлять свое существование, не возбуждая смеха в публике своими выпусками в несколько месяцев по брошюрке наряду с толстыми 2—3-месячными №№ «Вестника Н[ародной] в[оли]» и массой

[1]) О котором выше было упомянуто.

публикаций их внутри России (теперь уже вышел 4 № «Листка» и несколько прокламаций и брошюр). Вот почему я хватаюсь за всякую возможность, чтобы хоть отсюда влиять на создание в России нужной нам группы. К сожалению, здесь решительно нет для этого материала, т. е. мы не знаем и не имеем таких лиц, которых, обворожив, как ты говоришь, «прелестями своей группы», можно было бы выпроваживать в Россию. Но в этом, по-моему, должна состоять наша цель теперь; мы всеми силами должны стремиться к этому».

Но на пути к этой цели перед нами на каждом шагу вырастали новые трудности, которые все сводились к двум фактам: у нас не было людей и не было денег.

Приезжавшие из России сообщали мало утешительного о состоянии революционных кружков, но из их рассказов получалось впечатление, что, несмотря на идейный разброд, там все-таки еще теплится жизнь. Была надежда, что даже с небольшими силами там удастся кое-что сделать.

В письме от 12 января 1884 г. Дейч передает мне рассказ одного приехавшего из Москвы молодого человека:

«Рассказывает он довольно много, но ничего утешительного: страшный хаос господствует повсюду, особенно среди студенческих кружков, хотят что-нибудь делать, но решительно не знают — что; ждут, как манны небесной, каких-нибудь опытных людей, которые бы их куда-нибудь повели; дробление на кружки и кружочки — бесконечное; ко всему этому — полное безденежье. Таково же, по его словам, и положение народовольцев, если не хуже (заметь, он с большой склонностью к народовольчеству, т. е. собственно к терроризму), по крайней мере в численном отношении они уступают народническим кружкам. Нет только у них ясности в воззрениях, но к тому же у них полное незнание, за что взяться, так что случается народоволец просит у народников «дать ему какое-нибудь занятие».

«Примирение между теми и другими и слияние потому только не совершается, что, например, в Москве нет никакого народовольческого кружка, который взялся бы за присоединение, «так как народники согласились бы на всякие условия», лишь бы выйти из теперешнего своего инертного состояния. В таком же приблизительно виде обстоит и в других городах, так как нигде нет капрала, который взял бы в руки палку. Однако заметно внутреннее оживление среди молодежи: она снова хочет взяться за деятельность, критически относится лишь к старым способам, желает чего-нибудь определенного, ясного. Поэтому, говорит он, появись человек с определенной программой и опытный, то мог бы вести многих за собой, но ему вследствие разрозненности кружков и личностей пришлось бы чуть ли не с каждым в отдельности переговариваться, переезжая с места на место. К политической борьбе все относятся сочувственно, поэтому, думает он, с этой стороны наша программа не встретит препятствия, но он не обещает нам успеха, раз мы на месте там не будем иметь людей, которые могли бы указывать практический путь действия».

Передавая эти рассказы, Дейч прибавляет:

«Для меня наш путь остается попрежнему тем же: поставить здесь хорошо литературное дело, более или менее обеспечив его, спровадить несколько человек отсюда, на которых можно в России положиться (приблизительно таких, как Гринфест и Вера Личкус), а затем мне двинуться, имея уже какую-нибудь среду, атмосферу там».

Но об отправке в Россию нескольких человек при состоянии наших средств и отсутствии подходящих людей можно было только мечтать. Мы рады были, когда при напряжении всех наших сил удалось в самом конце 1883 года послать в Россию хоть одного человека — Саула Гринфеста.

Мы не рассчитывали на то, что этому товарищу удастся стать организатором нового течения в России, но он должен был разыскать уцелевшие народнические кружки или хотя бы отдельных лиц, на которых мы могли бы опереться, познакомить их с нашими взглядами, установить правильные сношения между ними и нашей группой и таким образом подготовить почву для дальнейшей работы, для которой предполагал ехать в Россию Дейч.

По пути в Россию Гринфест остановился в Кенигсберге и установил там связь с двумя студентами, Городищем и немцем Тамаркиным, которые согласились получать от нас из Швейцарии транспорты наших изданий (через Германию их приходилось посылать нелегально) и отправлять дальше через контрабандистов в Россию.

Уже 12 января Дейч сообщил мне о получении от Гринфеста из России письма с просьбой выслать ему через Кенигсберг по 100 экземпляров первых двух наших брошюр («Политическая борьба и социализм» и «Развитие научного социализма» Энгельса). Предполагалось, что Дейч пришлет эти брошюры мне в Цюрих, а я при помощи немецких товарищей должен был переправить их через швейцарско-германскую границу до ближайшего немецкого городка, откуда транспорт мог итти далее в Кенигсберг по почте.

Но этот план расстроился. Не помню точно, что помешало нам, но вероятнее всего дело было в следующем.

Для пересылки наших брошюр через швейцарско-германскую границу немецкие товарищи располагали тем контрабандным путем, которым они доставляли в Германию из Цюриха свой партийный орган («Социал-демократ») и другие свои издания. Но на этом пути иногда случались провалы, и, повидимому, как раз в то время, когда мы обратились к ним, их путь не действовал.

Этим я объясняю теперь себе поездку в Базель Дейча, откуда он рассчитывал переправить транспорт через границу при помощи одного своего знакомого немца. Но немец не мог почему-то тогда лично заняться этим делом, и Дейч решил сам поехать с брошюрами до Фрейбурга (баденского города, расположенного недалеко от швейцарской границы).

Но в Германии, где были в разгаре преследования социалистов (по исключительному закону 1878 года), Дейч навлек на себя подозрение портье гостиницы, быть может, служившего в полиции. По его доносу в номере Дейча был произведен обыск, причем в его чемодане, кроме русских изданий, оказались также социалистические брошюры на польском языке. Это послужило основанием для его ареста.

Весьма быстро немецкая полиция узнала, что в ее руки попал Лев Дейч, герой чигиринского дела, дважды бежавший из тюрьмы в России и разыскиваемый русским правительством по обвинению в покушении на убийство шпиона Горяновича.

Мы ничего не знали об аресте товарища, когда неожиданно приехал ко мне в Цюрих лично незнакомый мне господин высокого роста и представительной наружности и отрекомендовался:

— Я профессор Тун из Фрейбурга. Пришел я к вам по делу вашего товарища Льва Дейча,— он арестован и содержится в фрейбургской тюрьме.

Имя профессора Туна уже было известно мне. Незадолго до того он прислал мне выпущенную им на немецком языке довольно обширную и добросовестно составленную книгу по истории революционного движения в России.

Об аресте Дейча Тун узнал совершенно случайно. Фрейбургские судебные власти пригласили его, как человека, знающего русский язык, в тюрьму в качестве переводчика к арестанту, заявлявшему, будто он ни слова не понимает по-немецки. Войдя в камеру арестованного, профессор с изумлением узнал русского социалиста, с которым познакомился года два до того в Базеле и к которому обращался за справками для своей книги.

Тун предложил Дейчу свои услуги, чтобы чем-нибудь помочь ему. Дейч просил его известить о случившемся нашу группу, и Тун поспешил ко мне в Цюрих.

Его сообщение крайне встревожило меня. Ясно было, что Дейчу грозит опасность быть выданным русскому правительству. А это означало каторгу, а то и казнь.

Я немедленно сообщил женевским товарищам о полученном известии и выехал в Базель, чтобы попытаться при помощи местных социалистов сделать все, что возможно, для спасения товарища. В. Засулич тоже приехала в Базель, и мы вместе поехали во Фрейбург. Там к нам присоединился Городищ, который, как студент германского университета, мог, не возбуждая подозрений, сноситься с Туном. Через Туна мы сразу вступили в сношения с Дейчем. Положение его было очень серьезное. Ни на освобождение, ни на отказ немцев от выдачи русскому правительству не было никакой надежды. Дейч мечтал лишь о побеге из тюрьмы [1]). Мы с своей стороны изыскивали все пути, чтоб помочь ему, но тщетно. Неожиданно В. Засулич получила письмо из тюрьмы, в котором Дейч прощался с ней и с товарищами и сообщал, что на-днях его отправляют в Россию.

Вскоре, чуть не на следующий день, его под сильным конвоем отвезли на границу, где его уже ждали русские жандармы. Мы, совершенно убитые неудачей, вернулись в Швейцарию, — В. Засулич в Женеву, а я в Цюрих.

Около этого времени — еще пока мы были во Фрейбурге — вернулся из России Гринфест. Он привез самые неутешительные вести: положение революционного движения в России еще безнадежнее, чем мы предполагали, нет ни кружков, ни людей, ни связей. Допускаю, что такая мрачная картина получилась в передаче Гринфеста отчасти и потому, что он оказался не на высоте возложенной на него задачи и не сумел установить надлежащий контакт с теми революционными элементами, которые в то время еще уцелели в России.

Наша группа стала теперь еще меньше. Не считая безнадежно больного Игнатова, нас оставалось теперь лишь трое: В. Засулич, Плеханов да я [2]). Плеха-

---

[1]) Тун и об этом переговаривался с ним, но он сам мог предлагать нам только фантастические планы.

[2]) Р. М. Плеханова должна была работать в университетских клиниках, посещать медицинские лекции и готовиться к экзамену на звание врача с правом медицинской практики в Женевском кантоне, вообще была так обременена семейными заботами и делами, что у нее не оставалось времени и физической возможности брать на себя партийные функции.

нов отдался целиком теоретическим научным занятиям и литературной работе, отрываясь от книг лишь для чтения рефератов перед русскими студентами в разных городах Швейцарии. Я же делил время между литературной работой, устной пропагандой и сборами денег, причем много сил поглощала у меня и материальная борьба за существование, — о чем дальше я расскажу подробнее. Вера Ивановна, потрясенная судьбой Дейча, некоторое время не могла принимать активного участия в деятельности группы.

Дейча, на котором, как я говорил, лежала главная тяжесть практической работы группы, заменить было некому. Некоторую часть его функций мы поручили Гринфесту, который для этого дела поселился в Женеве.

Но, разумеется, у Гринфеста не было ни известности Дейча, ни его связей, ни его инициативы и энергии. И вскоре наши материальные дела, которые и раньше обстояли далеко не блестяще, пришли в полное расстройство.

Чуть не в каждом письме ко мне Гринфест писал: у нас ни сантима, нечем платить наборщику, нечем платить за бумагу и за квартиру типографии, кругом долги. И, рисуя перспективы предстоящих займов в 1 000—2 000 франков, он просил меня пока раздобыть где-нибудь хоть на две недели франков 100 и бывал рад, когда мне удавалось послать ему половину этой суммы.

Пробившись около года на этой работе, Гринфест, за отсутствием средств к жизни, вынужден был покинуть Женеву и переехать в Цюрих, где поселился у меня.

После его отъезда заведывание типографией осталось на В. Засулич.

Единственным лучом света за это время явилось для нас письмо, которое пришло к нам в Женеву в феврале 1885 г. и о котором Гринфест сообщал мне:

«Сегодня мы получили на адрес типографии письмо от одного петербургского кружка, который желает войти с нами в сношения. Письмо это адресовано Рольнику [1]), и пишущие просят его узнать у группы «Освобождение труда», получила ли она предыдущее их письмо с их программой, которое они некоторое время тому назад послали в группу через редакцию «Вестника нар[одной] воли», так как последняя обещалась доставить это группе; если редакция «Вестника» не дала этого нам, то они просят нас вытребовать это от редакции; если же не поможет, то они просят прислать адрес, тогда они пришлют в другой раз. Об их благонадежности, пишут они, можно узнать в редакции «Вестника». Они пишут, что сношения с нашей группой для них необходимы. В сегодняшнем письме они пишут адрес для переписки и шифр. Подписываются они «петербургские социал-демократы»...

«Вы, конечно, не меньше нашего будете радоваться этому: наконец русские стали нас искать».

Это письмо было послано нам кружком, который вошел в историю социал-демократического движения в России под именем «Кружка Благоева».

Вскоре мы получили из Парижа программу кружка, составленную в лассальянском духе. Кружок просил прислать статьи для газеты «Рабочий», которую он издавал.

С какой великой радостью мы приняли это предложение! Плеханов написал «Письмо к петербургским рабочим кружкам» под заглавием «Современные задачи

---

[1]) Рольник в это время был у нас наборщиком.

русских рабочих». А я написал статью о последних выборах в Рейхстаг (в 1884 г.) и о германской социал-демократической партии. Обе статьи дошли до Петербурга и были там напечатаны. Но, увы, 2-й № «Рабочего» оказался вместе с тем и последним. Уже в марте Благоев был арестован и выслан за границу как иностранец. А в январе 1886 г. произошли новые аресты, и кружок прекратил свое существование. Отмечу, что Благоев, вернувшись на свою родину в Болгарию, продолжал здесь свою революционную работу и явился одним из главных основателей болгарской социал-демократической партии. Вскоре после его приезда в Болгарию мы получили оттуда 500 франков.

С провалом кружка Благоева оборвалась у нас всякая связь с Россией.

ГЛАВА IV

Глухие годы

После несчастья, постигшего нашу группу с потерей, понесенной ею в лице Л. Г. Дейча, а затем и смерти Игнатова, она, как я уже отметил, фактически состояла из трех лиц: Плеханова, Засулич и меня. Мрак реакции не только правительственной, но и общественной, все более сгущался, а после провала кружка Благоева и шансы на скорое преодоление нашей изолированности от России упали фактически до нуля.

Пришлось мириться с печальной перспективой работы в крайне ограниченной, узкой сфере русской студенческой молодежи за границей, непосредственно, главным образом, в Швейцарии. Плеханов посвящал свои силы главным образом теоретическим занятиям, литературным работам, чтению рефератов в мелких кружках и собраниях молодежи и беседам с отдельными членами русской колонии. Вера Ивановна, кроме забот о типографии в Женеве и теоретических занятий, также не упускала случаев и поводов для индивидуальных бесед с льнувшими к ней и благоговевшими перед ней революционно и идеалистически настроенными членами русской колонии в Женеве. Я лично больше всего уделял время и силы индивидуальной пропаганде, беседам с отдельными лицами из местной и навещавшей Цюрих русской молодежи, выступлению в местных небольших собраниях референтом или оппонентом, а то и просто участником в дебатах; немало забот и хлопот было у меня по части добывания средств, большей частью очень незначительных, для продолжения нашей издательской деятельности. И, конечно, она при данных условиях была очень ограничена. «Ограничена» в количественном отношении. Но что касается идейного содержания, то достаточно назвать такие произведения, как «Наши разногласия» Плеханова, «Нищета философии» Маркса в переводе Плеханова, его же «Фердинанд Лассаль», изданные нами в течение 2—3 лет после выдачи Дейча баденским правительством русскому правительству, чтобы дать некоторое представление о качественной стороне нашей литературной пропаганды. Приблизительно в одно и то же время с сочинением Плеханова «Наши разногласия» вышла из печати и моя популярная брошюра: «Рабочее движение и социал-демократия», в предисловии к которой я — от имени своего и Плеханова — обращался к передовым рабочим, к «рабочей интеллигенции» с указанием на ее обязанность подготовиться к роли руководителя и организатора рабочих масс для борьбы за их интересы.

А для того чтобы «достойно выполнить эту обязанность», рабочая интеллигенция— писал я, — «должна сама глубоко проникнуться сознанием тесной связи между условиями благосостояния крестьян и промышленных рабочих и пониманием задач рабочего класса как руководителя всех трудящихся слоев России». Если память меня не обманывает, то именно под впечатлением враждебного отношения к нам консервативного большинства радикальной интеллигенции и из досады на пассивность и вялость большинства малочисленных наших сторонников я предлагал сознательно революционным единицам из нашего пролетариата возможно скорее организоваться «в самостоятельную силу» и вместо того, чтобы «тащиться в хвосте так называемых интеллигентных кружков, направить все свои силы, всю свою энергию на образование одного самостоятельного рабочего союза», к которому, конечно, в конце концов, примкнут все искренние и сознательные социалисты, какого бы звания и происхождения они ни были.

Но как бесконечно далеки мы были от этой перспективы! Ведь необходимой предпосылкой для образования рабочей партии являлась наличность именно такой революционной интеллигенции, которая достаточно глубоко проникнута была пролетарским патриотизмом, чтобы страстно и энергично стремиться к осуществлению этой перспективы. А молодежь, окружавшая нас в середине 80-х годов и еще позже, еще очень далека была от такого настроения.

Активных революционных работников среди русской молодежи в Швейцарии почти не было. Большинство, даже из сочувствовавшей нам среды, ограничивалось платоническими симпатиями к революции: читали книжки, передавали их другим, слушали, иногда собирали франки. Но ясно было, что отсюда до глубокого, на всю жизнь, увлечения революционными идеями бесконечно далеко. Кроме Слободского, посильно поддерживавшего нас, но уехавшего в Россию и скоро арестованного там, лишь еще один юноша уже в 1885 году выделился из этой среды, бернский студент-медик Ингерман, в лице которого группа приобрела горячо убежденного и довольно активного сторонника. Несколько позже я предложил Плеханову и В. Засулич ввести его, как члена, в группу «Освобождение труда». Это предложение было принято, и Ингерман вступил в группу; это был единственный новый товарищ, принятый в наш строго замкнутый кружок.

Позже Ингерман уехал в Америку, где он живет и теперь. Он организовал в Нью-Йорке «Русское социал-демократическое общество», в которое привлек передовые элементы русско-еврейской эмиграции. Это общество устраивало, по инициативе Ингермана, новогодние балы в пользу группы «Освобождение труда». Каждый год мы получали из Нью-Йорка «новогодний подарок»,— сперва в несколько сот франков, а затем в тысячу, и, под конец Ингерман присылал нам, насколько помню, 1 500—2 000 франков ежегодно.

Во вторую половину 80-х годов у нас появились новые друзья и приверженцы, по мере своих сил помогавшие группе: Ганелин, Любовь Исаковна Аксельрод (моя однофамилица, но не родственница, писавшая впоследствии под псевдонимом «Ортодокс»), Борис Кричевский (позже в Париже работавший в органе Жореса «Humanité»), Яков Кальмансон и др.

Как-то, в 1887 году, два одессита, Ганелин и Барат, получили из Одессы письмо, в котором их спрашивали, как смотрит на цели нелегальной литературы группа «Освобождение труда».

Для нас как будто создалась возможность обратиться, наконец, непосредственно к работающим в России товарищам. Я ухватился за эту возможность и принялся писать подробный ответ одесскому кружку. Правда, вопрос в формулировке полученного Ганеликом письма был немного наивен. Но, говоря о целях нелегальной литературы, я мог развить наш взгляд на пропаганду и вообще на политические и тактические задачи социал-демократии в России. Рамки письма у меня мало-по-малу раздвигались все шире и шире, и в конце концов мой «Ответ» одесским товарищам разросся в целую объемистую тетрадь в 48 весьма убористо написанных гектографированных листов большого формата. Помню, между прочим, я коснулся в этой записке вопроса об отношении социал-демократов к революции и к реформам. Я писал, что при оценке значения той или другой реформы мы всегда должны себе ставить вопрос: как отразится данная мера на ходе рабочего движения и на развитии производительных сил страны? Если реформа обеспечивает за пролетариатом новые, более выгодные позиции и не препятствует росту производительных сил, мы обязаны бороться за нее.

Оттектографированные оттиски моей записки ходили по рукам за границей.

Приехавший в Цюрих около этого времени из Чернигова адвокат Кулябко-Корецкий заинтересовался этой запиской, стал уговаривать меня перепечатать ее по-настоящему, типографским способом, даже предложил дать деньги на издание.

Кулябко-Корецкий был человек радикальных взглядов и сочувствовал революционерам, но не был марксистом, и в общем ход мыслей в моем «Ответе» был ему совершенно чужд. Но его прельстил один пункт — защита борьбы за конституцию. «Под этим,— говорил Кулябко-Корецкий,— подписался бы сам Петрункевич». А это было в его устах высшей похвалой.

Я уговорил Кулябко-Корецкого пожертвовать деньги, на которые он предлагал издать мою записку, на издание — не помню уже какой — работы Плеханова. В конце концов он согласился на наше предложение издать сборник [1]).

Этот сборник мы выпустили в 1888 году под заглавием «Социал-демократ». Плеханов написал для сборника статью, которой придал форму диалога между либералом и социал-демократом. Статья носила заглавие «Как добиваться конституции». В. Засулич дала «Очерки по истории Интернационала», а я написал статью «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь».

Характеризуя рост рабочего движения за четверть века, я старался сохранить полное беспристрастие и ничего не преувеличивать. Но при сопоставлении фактов в различных странах и отделенных друг от друга большим промежутком времени картина получалась более яркая, чем это представлялось при наблюдении фактов рабочего движения изо дня в день.

Степняк, живший в то время в Лондоне, прочитав наш сборник, писал В. Засулич:

---

[1]) Мою записку я не хотел перепечатывать, так как я писал ее, как письмо товарищам, без строгого плана. Она меня очень не удовлетворяла в литературном отношении, главным образом в архитектурном. Для печати я считал нужным обработать и переделать ее заново. Упомяну кстати, что впоследствии гектографированный экземпляр этой записки попал в руки народовольцев. Им почудились в ней какие-то разногласия между мной и Плехановым, и они решили, что именно поэтому записка не была отпечатана группой «Освобождение труда».

«У Павла выходит, что все кругом горит и кипит. А я вот живу здесь в Англии, но ничего подобного не замечаю».

Я хочу остановиться хоть в нескольких словах на личности Якова Кальмансона, о котором я упомянул выше.

Он был женат на сестре моей жены и потому, приехав в Швейцарию, поселился с нами. Вначале он был предубежден против социал-демократизма и относился отрицательно к книге Плеханова «Наши разногласия». Но затем он целиком примкнул к нам.

Это был умный и образованный человек, одаренный и ораторским и литературным талантом. Он выступал на собраниях в защиту наших идей, читал рефераты и поместил две статьи в наших сборниках. К несчастью, обстоятельства помешали ему развернуть все таившиеся в нем силы: его поглотила материальная борьба за существование, и умер он молодым от разрыва сердца.

Наша сравнительно монотонная политическая жизнь за вторую половину 80-х годов прерывается двумя социалистическими конгрессами: конгрессом германской социал-демократической партии в Сен-Галлене в 1887 году и международным социалистическим конгрессом в Париже в 1889 году.

Конгресс в Сен-Галлене собрался нелегально. Действовавшие в то время в Германии исключительные законы против социалистов лишали их возможности устроить партийный съезд открыто на германской территории. Больше того: даже участие в съезде, происходящем за границей, грозило членам партии судебным преследованием и тюрьмой. За предыдущий съезд, состоявшийся в Копенгагене, социал-демократы Ауэр, Бебель, Либкнехт, Зингер и другие вожди партии, участвовавшие в съезде, были арестованы и преданы суду, но это не помешало им, лишь только после продолжительного — для Германии — заключения они вышли на волю, выпустить гласное обращение к партийным организациям, приглашавшее их принять участие в новом конгрессе. В этом обращении было указано время съезда, в тайне сохранялось лишь его место.

Сен-Галлен, небольшой швейцарский городок, был избран местом съезда отчасти потому, что здесь можно было рассчитывать на покровительство местных кантональных властей, настроенных весьма демократически. Но все же сен-галленская полиция просила членов съезда не афишировать своего присутствия в городе и возможно меньше показываться на улицах. Ввиду этого для делегатов было устроено нечто вроде временного общежития в помещении, где происходили заседания. Для этой цели было приспособлено здание, похожее на большой сарай или сеновал. Некоторые из делегатов (всего их съехалось 70—80 человек) уходили ночевать на частные квартиры, другие спали на ворохах сена и соломы.

Я был приглашен на конгресс в качестве гостя, и эти дни в Сен-Галлене произвели на меня необычайно сильное впечатление.

На конгрессе присутствовал весь цвет германской социал-демократии — Бебель, Вильгельм Либкнехт, Зингер, Бернштейн, Ауэр. Многие из делегатов (в том числе Бебель и Либкнехт) лишь недавно вышли из тюрьмы, где отбывали наказание за Копенгагенский съезд. Все готовы были подвергнуться новым преследованиям. Чувствовалось, что 10 лет борьбы под гнетом исключительных законов закалили этих людей и спаяли их в дружную семью. Твердой волей, энергией и какой-то особенной деловой серьезностью, сочетавшейся с энтузиазмом и глубокой

верой в свое дело, веяло от конгресса. Заседания происходили с утра до поздного вечера, с небольшими перерывами для обеда и ужина. В общей сложности работали чуть не по 14 часов в сутки, так что в конце концов это вызвало ироническое замечание Ауэра:

— Мы боремся за 8-часовой рабочий день, — напомнил он при общем дружном смехе товарищам, — а сами заседаем по 14 часов и подаем дурной пример.

Особенно горячо обсуждался на конгрессе вопрос об избирательной тактике.

Ауэр защищал необходимость при определенных условиях соглашений с либералами против реакционеров. Бебель и Зингер были против всяких избирательных соглашений. Ауэр энергично и упорно отстаивал свое предложение и в весьма резком тоне полемизировал с Бебелем, Зингером и другими противниками. Он говорил с большой силой, умно, едко, с сарказмом. Эти речи бывшего рабочего-седельщика невольно импонировали мне, хотя меня раздражала резкость его выпадов против Бебеля. Впрочем, и сам Бебель не оставался в долгу.

Вскоре после Сен-Галленского конгресса в Германии были назначены общеимперские выборы. Ауэр незадолго до того тяжело заболел неврастенией. Партия устроила его в санатории, а затем, когда он немного оправился, товарищи послали его отдыхать в Монтрё, в то время, когда избирательная агитация была в полном разгаре. Защиту его кандидатуры перед избирателями взял на себя тот самый Бебель, против которого он так резко выступал на Сен-Галленском съезде. Он объезжал избирательный округ Ауэра, выступал на собраниях, вел агитацию со всей своей пламенной энергией и посылал Ауэру телеграммы, чтоб он не тревожился и берег свое здоровье.

Страстные споры вызвал на конгрессе вопрос об исключении из партии двух видных членов, которые отказались подписать воззвание о предстоящем съезде. Один из провинившихся был некий Фирек,— среди членов съезда говорили, что он из семьи Гогенцоллернов, аристократ по происхождению. Другой депутат, Гейзер, был зять Вильгельма Либкнехта; он в то время сидел еще в тюрьме, и некоторые, особенно Бебель, указывали смягчающие его вину обстоятельства, повидимому, не желая огорчить Либкнехта его исключением из партии. В конце концов изгнанию из партии подвергся только Фирек.

Наконец, я должен упомянуть еще об одном характерном инциденте, разыгравшемся на конгрессе.

Не помню уж по какому поводу, речь зашла о какой-то санатории для членов партии. Против администрации санатории раздавались разные упреки. Со всеми упреками ораторы обращались к Зингеру. Он защищался, оправдывался, и у меня получилось впечатление, что партия поручила ему заведывание санаторией, а он не вполне удачно справился с этой задачей.

Взял слово против Зингера и Бебель.

— Зачем ты покупал эту санаторию, — говорил он, — и зачем передал заведывание ею партии и сделал ее ответственной перед товарищами, между тем как ты же ее собственник?

Зингер отвечал ему:

— Ты забываешь, что по закону кто-нибудь должен же считаться владельцем предприятия. Ну, я и дал свое имя... А принадлежит санатория всей партии.

Тут только для меня выяснилось, что Зингер на свои средства купил санаторию и подарил ее партии, для товарищей, нуждающихся в лечении и отдыхе. Я не мог не оценить благородства этого человека, скромно защищавшегося в ответ на упреки — к тому же совершенно неосновательные — и, казалось, совершенно забывшего, что он сам собственник этой санатории и сам же ее содержит.

Сен-Галленский конгрес еще более укрепил мои давние симпатии к германской социал-демократии.

Парижский международный социалистический конгресс 1889 года подготовлен и созван был вождями германской социал-демократии совместно с французскими марксистами, или гедистами.

Одновременно решила созвать международный конгресс и другая, конкурировавшая с гедистами фракция французского социализма — поссибилисты или, как их называли по имени их лидера Брусса, брусситы.

Таким образом в столице Франции в одно и то же время заседали два международных социалистических конгресса. Более умеренные социалистические партии и группы послали делегатов на конгресс брусситов, а более радикальные элементы — вплоть до крайних анархистов — явились на конгресс марксистов.

Плеханов и я одновременно получили приглашение приехать на конгресс.

Мы колебались: с одной стороны, как маленькая литературная группа, мы считали себя не в праве участвовать в конгрессе в качестве делегатов, не имея мандата из России и даже не имея представления о том, много ли у нас там единомышленников. С другой стороны, и денег у нас не было для поездки. Поэтому мы ответили Лафаргу письмом, в котором объяснили ему, что представлять на конгрессе нам пока некого. Но Лафарг настаивал, просил нас приехать. Посовещавшись, мы решили, что двоим во всяком случае ехать в Париж было бы большой роскошью, что достаточно, если поедет один Плеханов.

Но хотя я сам настоял на таком решении вопроса, меня против воли тянуло все же в Париж, туда, где после столь продолжительного перерыва со всех концов света соберутся представители социалистического пролетариата и где должны быть положены основы организационного восстановления Интернационала.

Моя жена и Кальмансон, прекрасно понимая мое настроение, стали уговаривать и меня ехать на конгресс, несмотря на изрядную скудость нашего весьма скромного семейного бюджета.

— Ведь только тело твое здесь, а душой ты и теперь в Париже, — говорил Кальмансон.

В конце концов я согласился и поехал. Но мандата от группы я не взял, решив присутствовать на конгрессе как частное лицо.

В Париже в это время происходила всемирная выставка, устроенная в ознаменование столетнего юбилея Великой французской революции. Но я как-то не заметил ни этой выставки, ни города, в котором был тогда в первый раз в жизни. Все мое внимание было поглощено конгрессом.

По правде, конгресс был хаотический. Явились анархисты и всячески мешали работать.

Но все же чувствовался большой душевный подъем. Выделялась германская социал-демократия, прославшая, несмотря на исключительные законы, блестящую делегацию.

И несмотря на беспорядочность прений, на шумные перерывы и выступления анархистов, на их скандалы, моральное значение нашего конгресса оказалось таково, что он действительно положил основание II Интернационалу. Вскоре к нему примкнули и те партии, которые в 1889 году были представлены на конгрессе бруссистов. Здесь же, на этом конгрессе, было установлено ежегодное празднование социалистами всего мира Первого мая.

Плеханов выступил на конгрессе с небольшой речью на французском языке, причем в заключение речи сказал:

«Революционное движение в России может восторжествовать над абсолютизмом только как революционное движение рабочих, или оно совсем не победит его».

Парижское городское самоуправление, в котором руководящую роль играли в то время радикальные элементы буржуазии, устроило банкет для членов обоих социалистических конгрессов (нашего и созванного поссибилистами).

Самым почетным гостем на празднике, устроенном парижской городской думой, был старик Вильгельм Либкнехт. На него были обращены все взоры. Впоследствии Плеханов с большим юмором изображал, как ходил Либкнехт по залам, опираясь с одной стороны на Геда, а с другой на Вальяна, и как бы по-архиерейски благославляя налево и направо благоговейно теснившуюся вокруг него толпу.

Во время конгресса мы с Плехановым получили письмо от Степняка из Лондона: он звал нас к себе погостить, соблазняя нас свиданием с Энгельсом.

Мы решили поехать к нему после окончания конгресса.

Но перед отъездом из Парижа случилось со мной небольшое, довольно смешное приключение.

Сидели мы как-то в кафе довольно большой товарищеской компанией. Плеханов обратил внимание на состояние моей соломенной шляпы, действительно отслужившей уже все сроки.

— Нельзя так ходить в Париже, — заявил он и предложил молодому знакомому Львову: — вы местный человек, так возьмите его в магазин, купите ему шляпу.

— Какую? — переспросил Львов.

— Конечно, шапо-кляк, — ответил Плеханов шутя.

Но Львов не понял шутки и действительно купил шапо-кляк. Львов выбирал, примерял мне шляпы, а я ограничивался тем, что подставлял голову для примерки. Наконец шляпа куплена. Я надеваю обновку, и мы возвращаемся к Плеханову, весьма довольные покупкой.

Плеханов при виде меня в новой шляпе воскликнул и набросился на Львова с упреками.

Но дело было уже сделано. Так в шапо-кляке я и поехал в Лондон.

Степняк в это время работал над своим большим романом «Андрей Кожухов». Материальные его дела (в ожидании гонорара за роман) были очень плохи. Каждое утро он уходил куда-то занимать шиллинги. А нам говорил перед уходом:

— Вы тут подкормитесь... по силе возможности.

Возможность выражалась главным образом в чае с хлебом.

Направлению группы «Освобождение труда» Степняк не сочувствовал, но он вообще не придавал большого значения теоретическим разногласиям. Он нередко затевал с нами спор, но всегда по-дружески.

В первое воскресенье после нашего приезда в Лондон Степняк сказал нам:

— Ну, нужно вести вас к Энгельсу. Для меня ведь он здесь даром пропадает.

Нечего говорить, что к Энгельсу мы шли полные благоговения, и в этом отношении я и Плеханов ничуть не уступали друг другу.

У Энгельса по воскресеньям всегда собирались друзья и товарищи. Мы застали здесь: Эдуарда Бернштейна, уже вернувшегося после Парижского конгресса в Лондон, где было его постоянное местожительство; Эвелинга с женой (Элеонорой Маркс, дочерью Карла Маркса); Шорлеммера, профессора химии в одном из английских университетов, участника революции 1848 года, после поражения которой он эмигрировал из Германии.

Шорлеммер был близким другом Маркса и Энгельса, постоянно проводил с ними каникулярное время, освежаясь душой в беседе с ними. Летом обыкновенно он уезжал вместе с Энгельсом на остров Уайт. Между прочим Шорлеммер не мало помог Энгельсу в изучении химии, за которую Энгельс принялся, готовясь подвергнуть критике систему Дюринга.

Энгельс знал со слов Каутского, Бернштейна и Степняка о группе «Освобождение труда» и о нас с Плехановым. Он читал по-русски и был знаком с «Нашими разногласиями» Плеханова. Принял он нас очень любезно, ласково.

Ему было уже за 70 лет [1]). Слава, окружавшая его имя, ни в малейшей степени не отразилась на той сердечной простоте, которой он всегда отличался. При первой встрече с Энгельсом мы мало говорили с ним о политических вопросах. Общий разговор носил скорее шутливый характер.

Елена Демут, которая заведывала хозяйством в доме Энгельса, как раньше заведывала хозяйством в доме Маркса, усердно угощала нас,— уже не помню чем именно, но кажется там был большой пирог, а также пунш и пиво.

Демут когда-то служила в доме родителей жены К. Маркса и с тех пор не расставалась с семьей Маркса, деля с нею и радость и горе. Либкнехт рассказывал, что когда Маркс, увлекшись шахматами, засиживался слишком поздно с товарищами, Елена Демут, заявляла категорически:

— Ну, довольно играть. Спать пора.

И Маркс подчинялся, не пытаясь протестовать.

Когда мы уходили от Энгельса, было уже поздно. Шел сильный дождь. Энгельс вышел в переднюю провожать нас.

— Ну, однако,— шапо-кляк и без зонтика,— заметил он, обращаясь ко мне.

Плеханов тут же, в передней, рассказал ему всю историю моего шапо-кляка.

Энгельс просил нас заходить к нему, и с этого дня вплоть до нашего отъезда из Лондона мы бывали у него чуть ли не ежедневно.

Каждый раз мы заставали у Энгельса Шорлеммера, каждый раз на столе появлялась батарея пивных бутылок. Старики — Энгельс и Шорлеммер — принимались показывать нам, как нужно пить, и мы лишний раз убеждались, что в этом искусстве мы не можем тягаться с ними.

Наши беседы вращались вокруг теоретических и политических вопросов и касались крупных фактов и революционных деятелей, в частности Бакунина и Лассаля.

---

[1]) В воспоминаниях Аксельрода об Энгельсе имеются некоторые ошибки. В 1889 г. Энгельсу еще не было и 69 лет; к изучению химии он приступил задолго до того, как вынужден был заняться критикой Дюринга. Прим. ред.

Услышав от нас о мерах, принимаемых царским правительством против распространения образования в народе, Энгельс воскликнул:

— Вот придет война,— им неоткуда будет взять дельных офицеров!

Как-то при разговоре на общефилософскую или историческую тему Плеханов задал Энгельсу вопрос о прошлой истории Китая. Энгельс привел нас в недоумение странным ответом:

— Ну-у-у! Ведь меня-то там не было!

Мы в этом ответе почуяли симптом или проявление старости.

Помню еще, что Энгельс с большим вниманием следил за разыгравшимся во Франции делом Буланже. Он считал авантюру этого предприимчивого генерала, задумавшего нечто вроде бонапартистского переворота во Франции, весьма опасной для демократии и очень радовался тому, что эта затея провалилась.

Плеханов пробыл в Лондоне с неделю, а я остался еще несколько дней,— хотел побывать еще у Эвелингов, Бернштейна и др. товарищей.

Вскоре после нашего возвращения в Швейцарию у группы «Освобождение труда» явилась материальная возможность предпринять издание обширных сборников, по типу русских толстых журналов.

Средства на эти издания мы получили совершенно случайно.

В Швейцарию приехал один русский барин-миллионер, врач по образованию, уже давно не занимавшийся практикой (а может быть, и никогда не практиковавший). К политике он никакого отношения не имел, жил в свое удовольствие, соря деньгами и пьянствуя. Но... он был шурином того Ваймара, который в 70-х годах помог Кропоткину бежать из тюремной больницы. И по семейной традиции он считал себя радикалом.

Этот господин,— кажется Гурьев,— через одного эмигранта, одессита Долевича (большого любителя выпить и компанейского малого), познакомился с Плехановым и со мною. Повидимому, встречи с революционерами льстили его самолюбию, и сам он в моменты относительного протрезвления был непрочь поддержать честь имени своего шурина. Долевич предложил ему дать группе «Освобождение труда» деньги для издания большого солидного журнала. Богач согласился и в течение некоторого времени отпускал нам довольно крупные суммы.

На эти деньги мы издали в продолжение 1890—1892 годов четыре тома литературно-политического обозрения под названием «Социал-демократ» [1]).

В первый выпуск этого обозрения я дал лишь небольшую статью о брошюре Бернштейна «За десять лет». В следующих трех томах была помещена моя обширная статья «Политическая роль социал-демократии и последние выборы в германский рейхстаг».

В это время исключительные законы против социалистов были уже отменены, партия вышла победительницей из длившейся 12 лет борьбы с прусской реакцией. Выборы 1890 г., на которых социал-демократы собрали 1 500 000 голосов (вместо 750 000, полученных на предыдущих выборах), показали, как чудесно выросли за истекшие годы силы партии. Этот блестящий успех, с одной стороны, значительно усилил приток новых членов в партию и породил иллюзии среди них, а с другой стороны, дал повод для нелепых суждений в русских эмигрантских кружках о нереволюционности или даже антиреволюционности германской социал-демократии,

[1]) Из них первые три вышли в течение 1890 г., а четвертый — в 1892 г.

непосредственно на том основании, что она не использовала свою избирательную победу для того, чтобы совершить или начать социалистическую революцию.

Я в заключении своей, сильно разросшейся статьи подчеркивал, что германская социал-демократия стала достаточно сильной, чтобы внушать буржуазным партиям страх за капиталистический строй, но далеко еще не достаточно сильна, чтобы взять на себя почин социального переворота.

В особенности же я указывал на роль социал-демократии как единственной республиканской партии в Германии, являющейся притягательным центром антимонархических сил и представителем республиканских тенденций, и отмечал вытекающие из этого факта выводы для тактики партии. Останавливаясь на вопросе об открывающихся перед германской социал-демократией перспективах, я доказывал, что будущий политический переворот в Германии приведет социал-демократию к власти и страну к вступлению в эпоху коммунистического [1]) или социал-демократического преобразования общественных отношений.

Журнал «Neue Zeit» поместил немецкий перевод последних глав моей статьи [2]). По этому поводу Карл Каутский, редактор этого журнала, прислал мне очень дружеское, теплое письмо, в котором говорил, что разделяет вполне высказанные мною мысли об историческом положении и тактике германской социал-демократии.

---

[1]) В то время «коммунизм» и социал-демократия были для нас синонимами.

[2]) Из «Neue Zeit» эта часть моей статьи была переведена также на итальянский язык. Она вышла в Италии отдельной брошюрой с предисловием Филиппа Туратти.

I. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.

Michele Losacco. Storia della dialettica. Parte prima. Periodo greco. Firenze, 1922.

Микеле Лозакко. История диалектики. Часть первая. Греческий период. Флоренция, 1922, стр. XVI + 314.

Углубленная научно-исследовательская работа по вопросам диалектического материализма, ведущаяся в настоящее время в СССР, подчеркивает громадное значение для марксизма правильного разрешения проблемы научной методологии; с этой точки зрения становится понятной вся важность изучения истории диалектического метода в тех различных его видоизменениях, какие представлены в историческом развитии философии.

Большое исследование Микеле Лозакко, посвященное истории греческой диалектики, не может не привлечь к себе усиленного внимания со стороны всех тех, кто занимается научной разработкой истории и теории диалектического материализма. Автор в последовательном порядке рассматривает различные виды диалектики, представленные учениями Гераклита Эффесского, пифагорейской школы, Эмпедокла, Зенона, Мелисса, гиппократиков, софистов (главным образом Протагора и Горгия), Сократа, Антисфена, мегариков, Платона, Аристотеля, стоиков, скептиков и неоплатоников (Плотина и Прокла).

Самый выбор материала для исследования, особенно же отнесение исторического начала греческой диалектики к философии Гераклита Эфесского (а не к элейской школе, как это обычно принято в идеалистических работах по истории философии) показывают, что автор счастливо избег понимания диалектики как орудия доказательства и что понятие «объективной диалектики» ему не осталось чуждым. Действительно уже в начале первой главы, рассматривающей философию Гераклита, Лозакко указывает, что мнение Аристотеля, назвавшего Зенона Элейского «изобретателем диалектики», приемлемо лишь в том случае, если самое диалектику понимать формально как метод приведения к абсурду путем дилемматической аргументации; между тем еще раньше другой, более великий мыслитель — Гераклит Эфесский, обосновал другую, более глубокую диалектику, устанавливающую наличие противоречий в самом предмете. Примыкая в диалектическом истолковании Гераклита к Фердинанду Лассалю, автор вместе с тем исправляет основной недостаток лассалевской концепции, подчеркивая материалистический характер гераклитовой философии. Лозакковское истолкование Гераклита должно быть признано весьма ценным вкладом в критическую литературу об эфесском мыслителе.

В небольшой главе (второй), рассматривающей пифагорейцев и Эмпедокла, Лозакко указывает, что пифагорейские противоположности не в силах преодолеть дуализма и остаются как бы инертными по отношению друг к другу; равным образом и Эмпедокл, в противовес Гераклиту, не находит объединяющего момента для своих противоположностей и, примыкая в этом отношении к пифагорейцам, является предшественником атомизма.

Весьма интересна оценка, даваемая автором диалектике Зенона Элейского: отдавая предпочтение реальной диалектике Гераклита, он отмечает заслугу Зенона в разработке логических категорий, между тем как в гераклитизме, по его мнению, было недостаточно разработано «формальное развитие антитез». Отличительный признак диалектики Мелисса Лозакко видит в его пренебрежении эмпирическими данными и в попытке рационалистического построения абстрактного предмета знания, благодаря чему мелиссовская диалектика должна быть охарактеризована как формальная и внешняя по отношению к реальности. В качестве диалектического идеалиста Лозакко самое реальность понимает как «единство духа» («unità dello spirito»).

Краткое рассмотрение позиции гиппократиков, в произведениях которых Лозакко отмечает две тенденции в понимании диалектики: 1) в духе Гераклита и 2) в духе Зенона, служит переходом к главе V, в которой дается более подробный анализ философии софистов, в частности антилогики Протагора и эристики Горгия.

Сократовскую диалектику Лозакко характеризует как метод выделения из разнообразия мнений неизменных и истинных понятий, — как индуктивный процесс, конечным предметом которого является определение.

В диалектике Антисфена и мегарской школы автор видит новое уклонение в сторону искусственных построений софистов и формальных абстракций элейцев; только Платон, по его мнению, преодолел недостатки эристики и, являясь истинным продолжателем Сократа, построил глубоко оригинальное диалектическое учение.

В философии Платона, составляющей предмет рассмотрения IX, X, XI и XII глав, диалектика, по мысли автора, дана в двух видоизменениях: во-первых, как регрессивное продвижение (un processo regressivo) от обусловленного к обусловливающему, от чувственного и изменчивого бывания к идеальному и неподвижному бытию и, во-вторых, как процесс, синтезирующий противоположности: идею и реальность, бытие и бывание. Основной недостаток платоновской диалектики Лозакко видит в том, что, исходя из понятия неизменного и абсолютного знания, она осталась чуждой категории историчности, понятию постоянно обновляющейся истины.

Последние главы исследования посвящены диалектике Аристотеля, стоиков, скептиков и неоплатоников.

Общий недостаток греческой диалектики автор усматривает в том, что она прошла мимо «истинного понятия развития», к которому сводится диалектизм и которое является вечным движением духа — мирового самопознания. Исходная идеалистическая точка зрения, лежащая в основе этой оценки греческой диалектики, не помешала автору сделать ряд весьма ценных наблюдений, а если принять во внимание, что главное внимание в своей работе Лозакко уделяет не столько оценке, сколько изложению диалектических учений, что сам он чужд метафизическому образу мышления, что исследование его во многих пунктах окончательно порывает с традициями классической истории философии и намечает более правильную линию развития греческой диалектики, чем это обычно имеет место в буржуазных историко-философских исследованиях, если, наконец, учесть то обстоятельство, сколь мало еще в науке разработана поставленная автором проблема, то нужно признать, что книга Лозакко заслуживает усиленного внимания, изучения и критики со стороны марксистов, разрабатывающих историю диалектического метода.

Kurt Kramer. Lenins philosophisches Testament. «Monistische Monatshefte», Februar 1928.

Курт Крамер. Философское завещание Ленина. «Монистические ежемесячники», февраль 1928 г.

Статья является отзывом о книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», появившейся в 1927 г. в немецком переводе. Автор подчеркивает громадную важность перевода этого сочинения не только для марксистов, но и для всех вообще свободомыслящих. Та борьба с позитивизмом и эмпириокритицизмом, которую ведет Ленин в своей книге, имела актуальнейшее значение в свое время и сохраняет его до сих пор, являясь импульсом для борьбы с идеализмом всех видов и оттенков. Автор счи-

тает Ленина «европейским марксистом», наиболее глубоко и тонко воспринявшим марксизм и гениально пользующимся диалектическим методом. Автор отмечает также, что Ленин, в противоположность огромному большинству европейских марксистов, был очень сведущ в области современного ему естествознания. Для нашего времени книга Ленина, пишет автор, имеет огромную актуальность еще и потому, что в ней дан ответ на вопрос о том, каким образом должны быть уничтожены те реакционно-консервативные силы, которые в форме капиталистической идеологии еще имеют место даже в среде рабочего класса. Не путем медленной эволюции, постепенного отмирания, а путем революционной практики должен быть решен этот вопрос.

O. Ienssen. Von Hegel zu Marx. «Monistische Monatshefte», Januar 1928.

О. Иенсен. От Гегеля к Марксу. «Монистические ежемесячники», январь 1928 г.

Целью автора является доказательство положения о зависимости Маркса и Энгельса от Гегеля. Вышедший первый полутом собрания сочинений Маркса и Энгельса в издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса дает в высшей степени ценный материал для изучения этого периода их философской эволюции. Здесь впервые полностью напечатаны докторская диссертация Маркса с подготовительными работами к ней и большими примечаниями, его критика гегелевской философии права, а также все журнальные статьи раннего периода. Для выяснения зависимости Маркса и Энгельса от Гегеля автор останавливается на статье «К критике гегелевской философии права» и, приведя длинную и всем известную цитату относительно религии, заключает: «Здесь мы имеем классическую форму перехода от Гегеля к Марксу». Религия здесь признается составной частью той идеологической надстройки, критика которой является необходимой предварительной работой для политического и социального освобождения людей.

Но в чем заключается гегельянство Маркса и Энгельса в этот период их философского развития и как совершался выход за пределы гегелевской философии — об этом автор не говорит ни слова. Он указывает лишь на то, что «Диалектика природы» Энгельса имела и имеет большое значение, причем остается совершенно неясным, в чем же заключается это значение. Заканчивает Иенсен свою статью обещанием рассмотреть отношение между механическим и историческим материализмом. Это свое обещание он выполнил в статье, помещенной в февральском номере «Монистических ежемесячников».

Как видно из краткого изложения рецензируемой статьи, под громким и многообещающим заглавием кроется совершенно ничтожное содержание. Автору не удалось не только разрешить поставленную им задачу, но даже правильно ее поставить. Он не смог использовать ни в малейшей степени тот колоссальный материал, который дает для решения этой задачи только что изданный том сочинений Маркса и Энгельса.

O. Ienssen. Mechanischer und historischer Materialismus. «Monistische Monatshefte», Februar 1928.

О. Иенсен. Механический и исторический материализм. «Монистические ежемесячники», февраль 1928 г.

Статья представляет собою очередную попытку ревизии диалектического материализма, столь часто предпринимаемую в последнее время на Западе как в кругах социал-демократов, так и в кругах монистов, группирующихся вокруг «Монистических ежемесячников». Целью автора является доказательство того положения, что марксизм отнюдь не необходимым образом связан с материализмом, что материализм с успехом может быть заменен... махизмом или неокантианством. Пересмотр основных положений философии марксизма тем более необходим, говорит автор, что «диалектический материализм стал теперь официальным мировоззрением в России».

Что же представляет собою диалектический материализм? — «Диалектический материализм есть смесь естественно научного, или, лучше сказать, механического материализма с историческим материализмом», говорит автор. Принимая исторический

материализм, автор отвергает естественно-научный материализм, считая его недостаточным для объяснения «картины мира». Он указывает на то, что Маркс и Энгельс в свое время резко критиковали естественно-научный материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта. Отказ от механического материализма вовсе не ведет, как это принято думать, в лоно церкви, и нелепо было бы упрекать таких марксистов, как Макс Адлер, заменивший механический материализм неокантианством, в приверженности к религиозным учениям господствующей церкви.

Религиозные моменты в учении М. Адлера совершенно иного порядка и могут быть соединены с марксизмом. Марксист, — будь он механический материалист, махист или неокантианец, — может и должен бороться против традиционной религии за свободный путь для науки. Каковы бы ни были философские взгляды марксистов, они, применяя метод Маркса, использованный им в «18 брюмера», найдут более действительные средства для борьбы с церковно-религиозными настроениями наших дней, чем те, которыми пользовались французские материалисты XVIII века, естественно-научные материалисты 50-х годов XIX века и монизм Э. Геккеля и В. Оствальда.

Совершенно очевидно, что у автора в понимании марксизма царит большая путаница. Прежде всего от его взора абсолютно ускользает различие механического и диалектического материализма. Если механический материализм он отожествляет, без всяких оговорок и пояснений, с естественно-научным материализмом 50-х годов XIX века, то диалектический материализм он, также безоговорочно, считает какой-то амальгамой механического и исторического материализма! Отсюда вытекает с логической необходимостью совершенно ложное утверждение автора, что марксизм или должен базироваться на механическом материализме или, отметая его в сторону, на махизме и неокантианстве.

Что марксизм базируется на материализме диалектическом, — это автору не приходит и в голову, потому что основные положения диалектики и диалектического материализма для него остаются книгою за семью печатями. Именно этим полным непониманием диалектического материализма обусловлено детски-наивное стремление автора ввести в марксизм религиозные моменты, toto genere, отличные от учения «господствующей церкви». Как будто фидеизм, какой бы маской он ни прикрывался, может быть соединен с марксизмом без нарушения гармонической, монолитной целостности последнего! Мало оригинальная и поверхностная статья!

А. Тальгеймер. Теоретический кризис социал-демократии. Перевод под ред. Т. А. Аксельрода. Гиз. 1927. Стр. 167.

Главная часть работы Тальгеймера (стр. 1—113) посвящена критическому изложению юбилейного сборника «Живой марксизм», выпущенного в 1925 г. О. Иенсеном в ознаменование 70-летия рождения Каутского. Критика Тальгеймера впервые появилась в том же году на немецком языке в теоретическом органе Коминтерна. К этому приложены две главы: «О крестьянском вопросе в Австрии...» и «О новом экономическом обосновании реформизма...», печатавшиеся уже раньше в «Большевике».

Тов. Тальгеймер хорошо делает, начиная свою работу с главы о том, каких проблем австро-марксистские теоретики не поставили в своих юбилейных писаниях. Действительно, их молчание очень многозначительно. Оно распространяется как раз на наиболее ударные и революционные темы: о СССР и ёе успехах, о минувших революционных боях в серединной Европе, об империализме, о проблеме диктатуры пролетариата и пр.

Тальгеймер излагает по порядку философско-социологические, политические и экономические «труды» авторов сборника.

М. Адлер ревизирует учение Маркса о государстве. Он возвращается к догегелевскому отожествлению понятия общества и государства. Государство, выступающее под псевдонимом «принудительного порядка», сохраняется у Адлера и для социалистического общества. Он не мыслит себе социализма без «карательной власти». Все это тем легче «доказать», что Адлер психологизирует понятие общественного базиса спутывая его с надстройкой, и берет общественное сознание за исходный пункт.

анализа. Таким образом получается «поставленный на голову исторический материализм».

М. Адлера сменяет О. Бауэр «со своей ученической» работой о «мировоззрении капитализма», встреченной, кстати сказать, восторженными похвалами со стороны социал-демократической прессы. Гвоздем бауэровской статьи является идея о том, что материализм есть выражение анархически-капиталистического общества, «последовательная философия системы свободной конкуренции». Материализм, вещает Бауэр, отвечает схеме выполнения работы, а идеализм — схеме планирования. Материализму вменяется дальше в вину причинный метод объяснения природы, свойственный, якобы, тоже одному лишь капиталистическому мировоззрению в отличие от высшего, телеологического. Сам Бауэр, отвергающий как материализм, так и неокантианство, склоняется к идеалистическому скептицизму, который почему-то представляется ему освобождением от «буржуазной системы». Не более остроумны и глубоки рассуждения Бауэра и о других философских системах. Уже исходный пункт его анализа идеалистичен. Бауэр отрывает философию от экономического базиса, допуская рядом с «трансцендентной», т. е., по его терминологии, зависимой от общества, историей идей также и имманентную историю, развивающуюся по собственным законам. Но субъективная «имманентная» логика не может быть не чем иным, как гегелевским саморазвертыванием понятий. В конкретных же «объяснениях» отдельных философских систем Бауэр пользуется методом аналогий, ничего не доказывающим кроме разве собственной фантазии самого ее автора.

Кранольд прокладывает дальше путь от идеализма и скептицизма к прямому ханжеству. Для Кранольда «религия, как таковая, есть составная часть человеческой природы». Но, не удовлетворенный этим открытием, он хочет и... Маркса привлечь к делу религиозной пропаганды. Оказывается, что «социалистический человек по их [Маркса и Энгельса] мнению должен быть, конечно, атеистичен, но вовсе не безрелигиозен». Путем таких дешевых средств осуществляется «путешествие на небо Карла Маркса». Тот же Кранольд бредит богом как «совокупным понятием всех тех элементов мирового целого, которым можно сказать *ты*...», высказывается за слащавую этику против исторического материализма, социализм считает системой ценностей и пр. и пр. Дальше идут ревизионистские упражнения Шакселя, Г. А. Грэва и О. Иенсена в области «биопсихологии», «геополитики» и фрейдизма.

В главе II Тальгеймер демонстрирует нам «излюбленных коньков мелко-буржуазного социализма». Перед нами дефилируют Г. Заупе, Ода Ольберг, А. Симсен, Р. Зейдель, Кассау, Кете Лейхфер и Бруно Цепш с их тощим багажом неомальтузианства и «психологических предпосылок социализма», с их мещанской философией социализации, с их пропагандой профбюрократизма и интеллигенции как «контролирующей инстанции» и пр. и пр.

В главе III Тальгеймер показывает сползание социал-демократических экономистов к «марксистской» вульгарной экономии (О. Лейхтер, А. Браунталь, де-Вольф), а глава V посвящена критическому изложению книги Реннера, которая, как и австрийская аграрная программа (глава VI), уже неоднократно разбиралась в нашей прессе.

Наконец, глава IV дает краткий суммарный очерк об «историческом месте и практической роли современного австро-марксизма».

Работа т. Тальгеймера в общем и целом достигает своей цели. В полупамфлетной форме она разоблачает все теоретическое убожество, вопиющий эклектизм, радикальный разрыв с марксизмом, нищенскую суму австро-марксистских «теоретиков». Читатель встретит в ней не одно интересное замечание со свойственными Тальгеймеру самостоятельностью, широтой кругозора и знанием исторической обстановки.

Однако нельзя умолчать и о некоторых недостатках книги. Они вытекают в первую очередь из самого метода изложения. Тальгеймер хотел продемонстрировать все статьи сборника «Живой марксизм». В силу этого он вынужден был скользить по огромному количеству тем. Изложение и критика в таких условиях неизбежно прини-

мают чрезвычайно беглый, полурецензентский вид. Беглость изложения не позволяла Тальгеймеру в достаточной мере информировать читателя о связи разбираемых статей со всей идеологией авторов и австро-марксизма в целом. Так, например, не показано, что религиозный социализм Кранольда имеется уже у М. Адлера и что это — общая тенденция современной социал-демократической идеологии (ср. хотя бы О. Бауэр. Социал-демократия, религия и церковь. Вена 1927). Не приведена также в связь с другими его работами о государстве статья М. Адлера о «принудительном порядке», не пояснены роль таких теоретиков профдвижения, как Зейдель и Кассау, и их отношение к австро-марксизму и пр. и пр. Если бы автор попытался больше увязать критикуемые статьи сборника с общей системой взглядов австро-марксизма, то это значительно усилило бы интерес его работы.

Из более мелких вопросов следует отметить неправильное утверждение, что Дрезденский партейтаг 1903 г. был началом лево-марксистских течений (стр. 1), односторонне высокую оценку Тальгеймером роли легального марксизма и его положение о том, что австро-марксизм «классически ясно выражает подчинение рабочей аристократии и части мелкой буржуазии контрреволюции» (стр. 112). Подобный взгляд на австро-марксизм сгирает всякие грани между этим течением и необернштейнианством, являющимся господствующей идеологией III Интернационала. Австро-марксизм как раз и отличается тем, что он скрывает свое контрреволюционное лицо, что он лжет и лицемерит, что он прикрывается формулами довоенного каутскианства и даже кокетничает с ленинизмом. А что работа его ведется достаточно тонко, замаскированно и умело, показывает его господствующее пока еще положение в Австрии. Поэтому надеяться, как это делает Тальгеймер, что «при первом оживлении революционного движения эта идеология застоя испарится из голов рабочих» (стр. 113), было бы наивно. Здесь нужно длительное и резкое разоблачение этого маскарада, терпеливое и систематическое вскрытие принципиальной тожественности австро-марксизма со всей остальной идеологией II Интернационала, а главное — здесь нужна параллельная комбинированная атака революционной теории и революционной практики наших братских коммунистических партий на Западе.

II. МАРКСИЗМ И БИОЛОГИЯ.

В. Слепков. Биология и марксизм. (Очерки материалистической биологии.) Гиз, М. — Л. 1928. Стр. 108. Цена 80 к.

Книга представляет собою сборник статей по вопросам, как говорит автор, материалистической биологии. После короткого «введения» помещаются статьи: 1) «Теория эволюции и марксизм», 2) «Дарвинизм и исторический материализм», 3) «Витализм и механизм», 4) «О происхождении жизни» и 5) «Организм как диалектический процесс».

В статье «Теория эволюции и марксизм» автор задается целью выяснить вопрос об отношении марксизма к различным течениям эволюционного учения. Дается краткая характеристика учения Дарвина, «автогенеза», ламаркизма, мутационной теории де-Фриза и, наконец, теории Лотси. В заключение автор пишет: «Из всех рассмотренных нами теорий эволюции только первая (дарвинизм) наиболее отвечает тем требованиям, которые выдвигает марксизм». Здесь же автор пишет, что теория Дарвина «выдержана в духе диалектики» и что «дарвинизм может претендовать на звание цельной материалистически-диалектической теории». В статье «Дарвинизм и исторический материализм» дается характеристика дарвинизма и исторического материализма. Здесь мы находим, что дарвинизм «является диалектической теорией по существу своему, систематически-диалектической методологией биологии». Попутно автор устанавливает основные характеристики дарвинизма: 1) «Дарвинизм есть прежде всего материалистическое учение». 2) «Идея развития, эта основная идея диалектики, является душою, сущностью учения Дарвина». 3) «Дарвинизм понимает это развитие в полном смысле слова диалектически. Подчеркивая непрерывность процесса органической эволю-

ции, ее постепенный характер, Дарвин нигде и никогда не толковал эти заявления в том смысле, что в результате эволюции не происходит качественных скачков или новообразований». 4) «С точки зрения дарвинизма весь процесс развития органического мира не представляется монотонным количественным перемещением тел в пространстве, а представляется процессом истинного развития с новообразованием новых качеств и, следовательно, с перерывами постепенности в тех пунктах, в которых постепенное развитие приводит к образованию нового качества (новой разновидности, нового вида или рода). 5) «Для дарвинизма характерен и следующий момент диалектики — историзм». 6) «Не менее существенную роль играет в учении Дарвина следующий принцип диалектики — борьба противоположностей».

Автор утверждает, что дарвинизм — «материалистическое учение» и притом «выдержанное в духе диалектики». Относительно первого следовало бы, может быть, говорить, что, будучи материалистом в области биологии, Дарвин был безусловным идеалистом в области социологии. Второе утверждение о том, что дарвинизм является учением, «выдержанным в духе диалектики», несколько преувеличено: дарвинизм никогда не был «выдержанным в духе диалектики».

Критикуя механистов, автор пишет на стр. 49: «Природа представляется механисту в своей объективной сущности однообразной и бескачественной, а все качественные различия материи, форм, звуков и функций привносятся в природу нами самими». Упрекая механистов за то, что они «качества» тел сводят к «нашей субъективной продукции», автор наряду с формой и функциями материи объявляет объективно существующими и звуки. Совершенно верно, что механисты не понимают вопроса о качестве, разрешают и ставят его неверно: они отрицают объективность качеств тел. Но отсюда не следует, что надо реставрировать наивный реализм.

В статье «О происхождении жизни» дается общее описание вопроса о происхождении жизни. В статье «Организм как диалектический процесс» автор «ставит себе целью вскрыть диалектический характер развития индивидуального организма». Статья ценная. Выполнена автором удачно.

И. А. Арямов, проф. Общие основы рефлексологии. 3-е изд. Библиотека «Вестника просвещения», изд. «Новая Москва». Стр. 199.

На пути от абстрактных построений ассоциационизма к объективному изучению конкретной психической личности психологии предстояло усвоить и претворить результаты биологического изучения человека. Но благодаря тому, что психология находится сейчас в переходно-критическом состоянии, физиология возымела желание занять место формирующейся психологической науки. Ограниченный характер физиологического исследования не исчезает, конечно, оттого, что биологическому анализу присвоено имя рефлексологии.

Книжка И. А. Арямова воплощает наиболее выпукло все недостатки так называемой рефлексологии. Она состоит из двух частей: общей (рефлексологии животных) и специальной, посвященной человеку. Общая часть дает элементарные сведения из физиологии нервной системы и излагает учение Павлова об условных рефлексах. Специальная часть имеет задачей показать, что физиология нервной системы, учение о внутренней секреции и учение об условных рефлексах должны занять место психологической науки. Автор начинает с того, что упраздняет с высоты рефлексологии все психическое (так называемые «психологические» явления). Но узкий кругозор физиологического исследования сразу повергает его в состояние полной беспомощности. Вот примеры: в главе о внимании он на место слова внимание ставит «роковую реакцию организма — простой рефлекс, который мы называем ориентировочным, установочным рефлексом» (стр. 157); на место слова память он ставит «следы, остающиеся после условных раздражений» (стр. 164). Вряд ли возможно допустить, что от замены одного словесного обозначения другим (даже менее точным) выиграет дело объективного изучения круга психических явлений. Тут же автор спохватывается, что эти гипотетические (по существу) допущения делали «и психологи старой школы» (стр. 164). Таким образом вместо подлинно научного объяснения пси-

хологических явлений автор дает лишь новые обозначения на основе (самих по себе вполне законных) гипотетических допущений. Вместо науки мы имеем материалистически-образное «толкование» так называемых «психологических явлений» (выражение автора, стр. 5).

Даваемые автором во многих местах книги упрощенные «толкования» особенно ярки в «объяснении» «мрачности» художественного творчества Достоевского исключительно его эпилептической болезнью. И это — после того, как автор множество раз клянется в верности «био-социологизму».

Следует еще отметить дилетантскую беспечность автора насчет вопросов методологии. Он, во-первых, объявляет материализм «наиболее древним по происхождению» (стр. 8) взглядом на высшую нервную деятельность человека. Затем он заявляет, что материалистический монизм «выражен в наиболее определенной форме Демокритом» (там же).

Легкость и доступность изложения доходят у автора до дилетантски-фривольного отношения к трудным и важным проблемам.

А. К. Савченко. Естествознание и психические переживания: Гиз. М. — Л. 1927. Стр. 124.

Названная в заголовке книга вращается в узком кругу ограниченных и бесплодных умствований эмпирической психологии. Психика личности, как целостное образование, для автора книги не существует. Он признает лишь обособленные психические переживания как субъективные выражения обособленных же объектов данных физиологических процессов. Формулирует он эту мысль следующим образом: лишь малое знакомство с физиологией мозга и внутренней секрецией эндокринных желез было причиной того, что признали самодовлеющую психическую сущность, — вместо того, чтобы попытаться искать материальную основу для психических переживаний (стр. 3). Уж, кажется, чего проще: живое существо и есть то «единство тела и души», материальный субстрат собственной психики. Но физиология по существу своему имеет объектом изучения лишь явления частного порядка. Стремление вдвинуть психику в тесные рамки физиологического анализа заставляет поэтому автора поставить на место целостной психики «психические переживания».

Раздражения, исходящие из внешней среды и от нашего тела, оставляют массу «живых следов» в центральной нервной системе. Переживания, сопутствующие усилению возбуждений таких следов в головном мозгу, закрепляемому опытом многих и многих предшествовавших нам поколений людей, «стали субъективно восприниматься нами как ощущения» (стр. 23). Ощущение есть вместе с тем наше простейшее психическое переживание, оно «является как бы атомом нашей психики». Вот с этого атома психики автор и начинает свой физиологический анализ. Значительная часть книги посвящена разбору ощущений различных видов — все из арсенала старой «физиологической» психологии. Автор старается, сколько это возможно при настоящем состоянии физиологической науки, выяснить материальную основу отдельных ощущений. В других же случаях он просто отделывается ничего не говорящими замечаниями. В глазах психолога, исходящего из постулата органического единства живого существа, отдельные ощущения выполняют служебную роль в деле приспособления организма к окружающей живое существо среде. Если же исходить, как это желает автор, из элементарных ощущений — атомов, то живое существо мыслимо лишь как сумма отдельных ощущений, как механическая связь отдельно взятых «психических переживаний». Связь эта по необходимости отличается характером случайности. Физиологическую сущность ассоциационных процессов автор видит в производимом в мозгу сравнении возбуждений (стр. 34); или: «физиологические возбуждения, направляющиеся от разных рецепторов (и органов чувств), разделяются, рассортировываются как бы, видимо, где-то на путях к головному мозгу» (стр. 25, примечание).

Давши затем физиологические объяснения (по существу тавтологического характера) памяти и внимания, автор ощущает необходимость в силе, объединяющей все разрозненные, отдельно взятые элементы психической жизни человека. Для этой цели

он прибегает к апперцепирующей способности, которую уже никак невозможно вывести из атомизированной психики человека. Автор, повидимому, сознает это, так как он не решается окрестить апперцепцию «психологическим переживанием»: апперцепция совершается рефлектирующим аппаратом, который «руководит ходом ассоциаций и тем самым определяет наше мышление» (стр. 57). Совсем по Вундту!

Таким образом, исходя от расщепленной личности, автор пытается затем воссоздать упраздненную им самим психику. Он прибегает для этой цели к постулату апперцепирующего аппарата. Получается старый декартовский дуализм: воспринимающие (рецепторные) органы человеческой машины (machine de notte corps) и жизненные духи, руководимые из одного центра рефлектирующей, мыслящей душой.

Язык книги путаный и страдает неясностями.

Н. А. Кабанов, проф. Механика душевной жизни. Введение в физиологическую психологию. Изд. «Работник просвещения». М. 1928. Стр. 160. Цена 1 руб. 60 коп.

Названная в заголовке книга по характеру своему принадлежит к ушедшему в прошлое периоду бесплодных умозрений эмпирической психологии. Не видно в ней следов того огромной важности брожения, которое характеризует психологическую мысль последних сорока лет.

Автор по старой традиции хочет дать введение в «физиологическую психологию». Термин этот был создан во второй половине прошлого столетия в целях отмежевания физиологического анализа психического процесса от притязаний метафизической философии. Вместо полного разрыва с философским дуализмом получилось, таким образом, лишь временное размежевание «сфер влияния», которое имело назначением блюсти нерушимость господства дуализма в области психологической мысли. Физиологии был предоставлен анализ частных явлений психической жизни человека, за философией же сохранено было право метафизического синтеза обобщений физиологического анализа. Этот неравный брак освящался теорией психо-физического параллелизма.

Но эмпирическая психология очень скоро обнаружила свою полную несостоятельность перед лицом назревавших и требовавших неотложного решения задач практической действительности. Психология вступила поэтому в полосу кризиса, из которого она теперь только начинает выходить — на этот раз ценою полного разрыва с философским дуализмом.

Попытки вульгаризации, упрощенного объяснения сложных проблем психической жизни человека встречались и раньше. Но особенно много литературы этого жанра стало появляться в последнее время на русском языке. Такова же и книжка проф. Н. А. Кабанова.

Первым делом автор упраздняет психическое. Это, полагает он, достигается тем, что он берет слова психический, психическая жизнь и т. д. в кавычки. Но такова уж судьба всякого упрощенства: психика, выгнанная в дверь, лезет в окно и перепутывает все хитросплетения упразднившего ее автора.

По старой традиции учебников этого рода (прототип — немецкий учебник Ziehen'a) книжка состоит из двух частей: физиологической и психологической. Первая часть дает элементарные сведения из области физиологии нервной системы и анатомии спинного и головного мозга. Автор задается целью дать «законы деятельности коры мозга», т. е. «душевной жизни» (стр. 18). Содержание третьего «закона, например, таково: «Безразличные для нас возбуждения, достигающие коры мозга, обыкновенно растекаются по коре мозга; при этом они обусловливают накопление нервной энергии в нервных центрах». Оказывается, мы, т. е. психическая личность, существуем все-таки до отдельных возбуждений. Затем, что это за имманентное накопление, обусловленное безразличными возбуждениями? Дальше автор повествует нам о сложных и целесообразных рефлексах животных с вырезанными мозговыми полушариями и даже при полном отсутствии сознания, при полном отсутствии «душевной жизни» (стр. 41). Ясно, что, по автору, душевная жизнь исчерпывается сознанием.

Такова точка зрения психо-физического параллелизма. Но зачем же тогда эти лукавые кавычки?

Собственно психологическая часть состоит по преимуществу из умозрительных построений по поводу явлений психологического порядка. При этом вся терминология целиком заимствована из субъективно-эмпирической психологии и только увеличивает путанность толкований и объяснений отдельных явлений, даваемых автором. Автор повествует нам об обособленно существующих клетках воспоминаний и ощущений, что «для представлений словесно-двигательных, словесно-зрительных и словесно-слуховых существуют особые места в коре мозга» (стр. 53). Дальше — больше: «Отделы коры мозга, занятые клетками воспоминаний, и являются главным местом постоянного образования все новых и новых связей, главным местом всех «душевных» процессов» (стр. 56). Сначала он таким образом расщепил человеческую личность, целостное образование, которое составляет человеческий организм, начал с анализа элементарного, чтобы затем сделать (осужденную на неудачу) попытку воссоздать из мозаики отдельных ощущений, представлений и понятий новую такую сумму, долженствующую заменить ранее отвергнутую единую, целостную психику человеческой личности.

Всякое новое целостное образование, как таковое, подвержено особой, ему одному свойственной закономерности. Это новое образование не есть простая сумма входящих в состав его элементов, и закономерность его невозможно уяснить из анализа отдельных частей или частных процессов.

Психика человека как новое, наиболее сложное, целостное образование требует самостоятельного изучения. Анализ же отдельных частностей, элементарных и частных процессов не продвинет вперед дело психологической наук и.

В дальнейшем автор повторяет все старые положения ассоциативистской психологии и заключает следующим образом: «В ассоциативных центрах и образуются различные представления, понятия, суждения, мысли и пр. Деятельность этих центров таким образом лежит в основе [подчеркнуто рецензентом] всей нашей сознательной «душевной жизни» (стр. 66). Новая путаница! Душевная жизнь, значит, [не исчерпывается деятельностью ассоциативных центров. Где же ее искать-то?

За умозрительными рассуждениями, например, о различных положениях головы при выразительных изменениях лица (стр. 98), следуют просто афоризмы о сложных чувствах и эмоциях (ср. стр. 104 и сл.)

Наиболее ярко выступает беспомощность автора в объяснении волевых явлений и характера. Объясняет он дело так. Если в ряде ассоциаций появляются достаточно сильные двигательные представления, то последние стремятся (каким образом — неизвестно) перейти в соответствующее движение (стр. 129). «Вообще положительные чувственные тона представлений, понятий, суждений являются одним из наиболее главных условий наших произвольных движений» (стр. 130). Точно так же вместо того, чтобы говорить о характере как о едином целом, он говорит об отдельных более сильных и устойчивых чувствах, от которых зависят многие черты характера. Значит, характер человека формируется кусочками и состоит из лоскутов. Такова ultima ratio «физиологической» психологии.

Когда какая-либо дисциплина научной мысли переживает кризис, всегда усиливаются номиналистические стремления, предпочтения частного объединяющему общему, предпочтения анализа изучению синтетически-целостного. Это же переживает сейчас психология, которая находится на пути к тому, чтобы стать наукой.

III. МАРКСИЗМ И РЕЛИГИЯ.

Ф. Капелюш. Экономика и религия. Гиз, М.—Л. 1927. Стр. 140.

Работа Ф. Капелюша представляет «скромную попытку» осветить конкретные факты связи экономики и идеологии. Отметив, что, за исключением отдельных мест у Марска, Энгельса и некоторых работ Плеханова, Каутского и других, марксистская литература по конкретным вопросам о связи экономики и религии «крайне скудна», а буржуазные авторы, защищающие «ультра-идеалистическую, антимарксисткую» точку

зрения о происхождении экономики из идеологии, а в частности из религии «дают идеологический винегрет» (стр. 6), Ф. Капелюш старается «иллюстрировать на конкретном материале точку зрения Маркса и Энгельса о базисе и надстройках», надеясь «в освещении материала избежать педантизма в смысле чрезмерного перегибания палки в сторону марксистского объяснения» (стр. 8).

Для подхода Ф. Капелюша к проблеме религии характерно, что он «сознательно и намеренно» говорит «не столько о законченных, цельных религиозных системах, сколько об отдельных верованиях и даже поверьях», полагая, что «эти последние надо считать гораздо более показательными для происхождения религии».

Христианство, религиозная эволюция на заре капитализма, магометанство и буддизм остаются «вне поля зрения этой работы, которая распадается на отделы, в заглавиях которых общим элементом оказывается «экономика»: «Экономика и религия огня», «Экономика и религия металлов», «Экономика и религия денег».

Изложив мифы о происхождении огня, Ф. Капелюш подчеркивает «производственный характер этих верований» и, переходя к верованиям и обычаям, связанным с поддержанием огня, выясняет, что религиозное поклонение огню-очагу возникло на чисто экономической почве, и указывает на дальнейший прогресс идеализирования экономического базиса, превращающегося в символ чистоты нравов (стр. 19).

Заслуживают внимания элементарные соображения о социальной борьбе патрициев и плебеев в древнем Риме, которая «внешне велась под знаменем требований религиозного характера, на первый взгляд представляющихся бессмысленными и пустыми формулами (борьба плебеев за предоставление им права ауспиций), но в действительности имевших весьма реальный смысл, так как культ был не чем иным, как систематизацией отношений господства, выросших на национальной и экономической почве» (стр. 23).

На примерах почитания камня, как материала старины, в отличие от орудий из металла, которые считаются нечистыми, Ф. Капелюш констатирует, что «религиозная надстройка всегда запаздывает» (стр. 32). Относительно вопросов более сложных, например, «вавилонской башни», «лестницы к небу» и т. п., Ф. Капелюш благоразумно замечает, что здесь нельзя, «не рискуя впасть в прямолинейность и одновременность, формулировать вполне определенные утверждения» (стр. 48).

В главах «Экономика и религия металлов» и «Экономика и культ животных» заслуживают внимания подбор материала и полемика против «астральных» предположений Ванклера относительно железа (стр. 69) и против точки зрения «религиозников», проявляющих «глубоко антимарксистскую» тенденцию и «устанавливающих зависимость всей экономики древнего мира от религии и культа» (стр. 83 и сл.)

В V главе Ф. Капелюш разрешает «крайне важную и благодарную задачу — подойти с марксистской стороны к истории жертвоприношений» вообще и в частности разрешает с точки зрения исторического материализма «трудности, возникающие вокруг обычая поедания бога» (стр. 111 и сл.), возражая против «чисто идеалистического подхода буржуазной науки», представители которой «с большой эрудицией» выворачивают наизнанку действительность, «пытаются объяснить не жертвоприношения из обмена, а берутся доказать, как делает Бернгард Лаум, происхождение самого мерила меновой стоимости из жертвоприношений, но доказывают скорее отсутствие мерила стоимости, причем мерило стоимости смешивается со всеобщим эквивалентом и с платежным средством» (стр. 118 и сл.).

В VI главе критикуются буржуазные попытки объяснить происхождение даже такого «сугубо экономического» факта, как деньги, из религии. По мнению Ф. Капелюша, все попытки в этом направлении «подтверждают лишь гениальное провидение Маркса о фетишизме».

Ив. Зырянов. Происхождение религии. Гиз. М.—Л. 1928. Стр. 54.

Книжка представляет собою переработанную стенограмму лекций о происхождении религии и веры в бога, прочитанных автором в июне 1925 г. в Московской губпартшколе и среди работников пресвещения I и II ступени.

В данной книжке автор даст краткую характеристику основных школ и течений о религии и ее происхождении. Наряду с этим дается краткая сводка выводов, к которым пришел в процессе изучения происхождения и истории религии марксизм. Книжка может служить в качестве подсобного материала для антирелигиозника-пропагандиста и педагога. Изложение легкое. В конце имеется указатель имен и иностранных слов.

Из истории христианского культа. Сборник статей: Древса — «Историзация бога Иисуса», Лешке — «Иудейское и языческое в христианском культе» и Румянцева — «Святой Тихон чудотворец, епископ амафунтский». Изд. научного общества «Атеист». Стр. 71. Цена 60 коп.

Сборник дает фактический материал по истории христианского культа. Статья Древса, автора работы «Миф о Христе», является переводом двух глав из его книги «Das Markusevangelium als Zeugnis gegen die Geschichtlichkeit Iesu», стр. 25—41, 1921 год. В ней Древс путем фактических данных опровергает точку зрения об историчности Христа. Христос — это мифическая личность. Статья Лешке «Иудейское и языческое в христианском культе» представляет собою перевод брошюры «Jüdisches und Heidnisches im christlichen Kult», 1910 г. Эта статья дает материал по вопросу: если Иисус не существовал, то откуда ведет свое происхождение связанный с ним христианский культ? Автор, останавливаясь на вопросе образования христианского культа, с достаточной ясностью и убедительностью выясняет его образование из иудейского и языческого культов.

В качестве дополнения к статье Лешке помещена в сборнике статья Румянцева «Святой Тихон чудотворец, епископ амафунтский». Она относится к выяснению одного из главнейших элементов христианской культурной практики — культа святых. Ценность данной статьи заключается в том, что она на взятом примере «жития мифического чудотворца Тихона амафунтского» прослеживает происхождение и дальнейшее видоизменение культа, играющего большую роль в христианской религии и в быту.

В общем статьи подобраны удачно. Материал ценный. Сборник может быть рекомендован в качестве пособия для антирелигиозника-пропагандиста.

В. Г. Богораз-Тан, проф. Христианство в свете этнографии. Гиз М. — Л. 1928. Стр. 115.

В. Г. Богораз-Тан сообщает, что его книга, являющаяся заключительной частью другого, более обширного труда, представляет «ряд этюдов различной глубины и обработки, связанных вместе в одно целое», причем «теоретические предпосылки частью исключены и заменены более или менее подробным практическим выявлением». Задача автора заключается в том, чтобы выделить в христианстве элементы первобытной религии и связать их в единое стройное целое.

Для приемов изложения В. Г. Богораза-Тана характерны фразы вроде: «Новый завет» представляет один эпизод, описанный жидко с особым красноречием, так сказать с агитподъемом» (стр. 7); Давид «потребовал откуп также с некоего Навала, но тот, будучи зело пьян... Впрочем, вдовы не особенно разборчивы, а полевые атаманы всегда увлекали слабый пол» (стр. 10). Может быть, при устном изложении подобные словосочетания действуют на нетребовательную аудиторию, но в книге без них можно было бы без видимого ущерба обойтись.

По содержанию книга В. Г. Богораза-Тана представляет собой нагромождение этнографических «фольклорных» курьезов, которые автор дал себе труд привести в какую-либо связь с условиями места и времени и друг с другом только в главе об умирающих богах. Нельзя же в самом деле считать «связью» утверждения вроде: «небесная лестница, начавшись от праотца Якова, восходит к рассказам барона Мюнхгаузена» (стр. 15), или «от буйного разбойника Иеффая, вождя галаадских погромщиков, можно дойти до батьки Махно» (стр. 21). При чисто внешнем сопоставлении данных фольклора, легенд и т. д. В. Г. Богораз-Тан совершенно не затра-

гизает исторически данной обстановки, конкретной среды; вместо выяснения содержания понятий, с которыми автор оперирует в своих сногсшибательных сближениях, он прибегает к чисто словесным каламбурам вроде: «Самсон был судьей Израиля, но в писании не указано, кого и как именно судил Самсон... Этот еврейский Геркулес... отличался не знанием судебных обычаев, а... — хотя в любом сколько-нибудь серьезном исследовании можно найти выяснение исторически обусловленного смысла понятия, столь неадэкватно передаваемого установившимся словом „судья“». Но подобные вопросы не существуют для В. Г. Богораза-Тана. Вообще он не интересуется изменением содержания высмеиваемых представлений. Поэтому его «исследования» на христианские мифы обещанного «света» не проливают. История христианства изложена бессвязно и до-нельзя поверхностно, причем своеобразную особенность подхода В. Г. Богораза-Тана составляет полное отсутствие не только трактования, но даже и постановки «исследуемых» проблем соответственно материалистическому пониманию истории, не только связь идеологий с их экономической базой не выясняется, но и самые идеологии не объясняются, а только высмеиваются. Для «Крокодила» или «Смехача» этот прием, поскольку сопоставления остроумны, уместен; но научный труд должен удовлетворять более высоким требованиям, тем более, что многие труды В. Г. Богораза-Тана свидетельствуют о том, что он может давать и в самом деле научные исследования.

С. А. Каменев. Церковь и просвещение в России. Очерки. Изд. «Атеист». Москва, стр. 139.

В предисловии С. А. Каменев констатирует, что «условия провинциальной работы создавали непреодолимые препятствия при разработке темы, имея ввиду отсутствие сырого материала. И это обстоятельство, конечно, сказалось на качестве очерков».

Понимая термин «просвещение» как «сумму разнообразнейших целевых воздействий господствующего класса, направленных на определенную организацию личного и социального поведения просвещаемого, воспитуемого», С. А. Каменев рассматривает церковно-просветительную политику на основе ознакомления с теми участками действия церковников (церковь, монастырь, Синод, Дума, армия, тюрьма, школа, печать и т. п.), на которых церкви, как аппарату господствующего класса, приходилось реализовать массовую идеологическую работу».

В противоположность буржуазным либералам, объясняющим «наличие религии в отсталых слоях пролетариата и в широких массах крестьянства невежеством последних», С. А. Каменев вскрывает «производственно-социальные корни, связывающие церковь с помещичье-буржуазным государством». Указав, что в эпоху торгового капитала удельный вес церкви несколько падает, С. А. Каменев отмечает, что «кривая идеологического влияния церкви начинает повышаться в эпоху промышленного капитала» (стр. 7), «а в эпоху империализма эта кривая вновь поднимается на громадную высоту». «Просвещенческий аппарат» церкви характеризуется как «орудие, направляемое помещичье-буржуазным государством на завоевание массовой идеологии». На стр. 57 графически изображена «схема методов» церковно-просветительной работы. Характерно указание на результаты «противо-социалистических налетов церковников» многие, прослушав «обличения социализма», с жаром принимались за изучение Фейербаха, Каутского, Плеханова, Маркса. В заключение характеризуется регламентация личного и социального поведения эксплоатируемых как конечная цель церковно-просветительной политики, внушавшей полное послушание начальству. Констатируются результаты этой регламентации. Труд С. А. Каменева заслуживает внимания главным образом подбором характерных цитат из церковников всех эпох. Но исторического обзора церковно-просветительной политики С. А. Каменев не дает, и для его изложения характерны бессвязность и ненужные повторения.

Г. А. Гурев. Мироведение безбожника. Популярные очерки о мироздании, о мирообразовании, материи и энергии. 3-е, переработанное и дополненное издание. Гиз. М.—Л. 1928. Стр. 586.

Г. А. Гурев признает, что «излагать в популярной форме основные вопросы мироведения с точки зрения воинствующего атеизма, стоя на уровне научных фактов и идей,— дело весьма и весьма нелегкое», уверен, что его книга «неизбежно не лишена недочетов», и в предисловии ко второму изданию он говорит: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что настоящая работа заключает в себе целый ряд недочетов» (стр. 5). Одним из недочетов приходится признать чрезмерную растянутость изложения; без видимого ущерба для того эффекта, достижение которого имеет в виду автор, многие довольно-таки бессодержательные фразы могли быть просто-напросто опущены, и таким образом нашлось бы место для включения «тех элементов естественно-научного материализма», включить которые, как утверждает автор, «к сожалению, не дали ограниченные размеры книги». Приходится отметить, что в книге 580 страниц, так что, если бы автор иной раз воздерживался от утомительного повторения общих мест, книга значительно выиграла бы и формально и по существу.

Вторым из основных «недочетов» книги Г. А. Гурева является неясность его методологических взглядов, сказывающаяся уже в том, что «курс космологии, охватывающий собой основные сведения о природе миров и строении вселенной, о мирообразовании и истории земли, о материи и энергии, сущности жизни и ее возникновении, о развитии органического мира и происхождении человека и, наконец, о движущих силах общественного развития, о которых, однако, в «мироведении безбожника» речи нет, и в целом охватывающий также элементы естественно-научного материализма, представляется автору введением «в изучение марксизма». Вряд ли такой подход к изучению марксизма можно признать методологически правильным, исторически обоснованным и практически целесообразным.

Вступительные рассуждения о значении мироведения, занимающие 22 страницы, могли ли быть без всякого ущерба сведены к нескольким строчкам: Гегель не без основания считал неуместными длинные рассуждения о пользе науки во вступлениях. Еще существеннее то, что эти рассуждения, равно как и следующие за ними общие указания на связь между мироведением, марксизмом и безбожием, предполагают у читателя для их сколько-нибудь адэкватного понимания наличность сведений [и притом разносторонних, вовсе не элементарных, без которых эти рассуждения ничего не говорят ни уму, ни сердцу. А сколько-нибудь подготовленному читателю не может не броситься в глаза отсутствие во вступительных рассуждениях Г. А. Гурева о марксизме указания на диалектичность материализма Маркса и Энгельса, приравниваемого безоговорочно к той разновидности материализма, которую сами Маркс и Энгельс считали и их сознательные последователи продолжают считать «вульгарным материализмом». Наконец, автор имеет в виду «затронуть лишь некоторые, лишь самые важные вопросы мироведения, и то не подробно, а только слегка», и уверяет читателя, что для того, чтобы «познакомиться с главными достижениями этих наук, достаточно короткого времени и вовсе не требуется особого напряжения умственных способностей» (стр. 23). Итак, с точки зрения автора, «главные достижения» могут быть усвоены с пользой для выработки стройного мировоззрения без представления о доказательствах, обосновывающих эти «главные достижения».

В главе «Земля и небо» изложение не свободно от растянутости, но по существу в общем удовлетворительно. На стр. 66 мысль о соотношении между законом Ньютона и законами Кеплера формулирована неудачно. «Словом, кеплеровы законы — это лишь частные случаи из ньютонова закона».

Вопрос о том, возможно ли чудо Иисуса Навина, рассматривается обстоятельно.

На стр. 93 фраза «по дороге от неба к поверхности земли солнечные лучи и т. д.» вызывает недоумение: что означает словосочетание «от неба»?

Вопросов вроде: конечно или бесконечно пространство? — предпочтительнее было бы не затрагивать. Право не стоило упоминать о «предположениях знаменитого Римана» и о «весьма серьезных соображениях гениального Эйнштейна», для того чтобы, в конце концов, констатировать, что «все попытки решить вопрос о пространстве опытным путем, к сожалению, пока не привели ни к каким результатам». Характерные

для Г. А. Гурева сентенции, вроде «хотя некоторые данные как будто подтверждают такой взгляд и мы не можем указать ничего такого, что бы ему резко противоречило, но все-таки, как сказано, вопрос о кривизне пространства еще не может считаться решенным» (стр. 238), вряд ли оправдывают «затрагивание» подобных вопросов.

В главе «Вес и размеры атомов» атомные весы безоговорочно выражены целыми числами по отношению к весу атома водорода, принятому за единицу (стр. 456); весьма нелишне было бы хотя бы добавить «приблизительно». В связи с этой неточностью как гипотеза Проута, так и отношение к ней химиков формулированы весьма неточно (стр. 461). Глава «В недрах атома» в самом деле может пробудить интерес в начинающих. Главы «Энергия мира», «Вселенная машина» и «Начало всех начал» чрезмерно растянуты.

К достоинствам книги Г. А. Гурева принадлежат хорошо выполненные рисунки и недурной указатель популярной литературы.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ.

B. Schultz. Der Entwicklungsgang der theoretischen Volkswirtschaftslehre in Deutschland. 1928.

Б. Шульц. Ход развития немецкой теоретической науки о народном хозяйстве. 1928.

В небольшой книжке (на 145 страницах маленького формата) автор дает общий обзор истории экономической мысли в Германии с начала XIX столетия до настоящего времени. Автор не излагает подробно учений отдельных экономистов, не перегружает книжку фактическим материалом, а дает общие и живо написанные характеристики отдельных школ и ученых. Германская камералистика начала XIX века; сторонники классической школы (Тюнен и Герман) и ее противники (Мюллер и Лист); система Маркса и теории Родбертуса и Дюринга; историческая школа и оппозиция против нее; современное состояние теоретической экономии в Германии — таковы основные этапы, рисуемые автором в широких штрихах, с опущением подробностей и деталей. Сам автор видит в политической экономии «теоретическую науку о рыночном хозяйстве, как она была оставлена нам классиками, особенно Рикардо, причем, однако, мы не принимаем без критики их выводы и не игнорируем достижения марксизма и исторической школы» (стр. 126). Симпатии автора к классической теории дали ему возможность более беспристрастно, чем то обычно делают буржуазные ученые, оценить роль германских экономистов и в частности значение переворота, произведенного в науке Марксом. Не разделяя лже-патриотической точки зрения многих немецких экономистов, автор признает низкий теоретический уровень работ германских экономистов первой половины XIX века (за исключением ученых, как Тюнен и Герман, не оказавших решающего влияния на дальнейшее развитие науки в Германии). Он признает, что «Капитал» Маркса в первое время замалчивался немецкими учеными, которые «ничего не могли дать Марксу как теоретику» (стр. 53, 55). Наконец, автор очень высоко оценивает то революционизирующее влияние, которое теория Маркса оказала на развитие теоретической экономии. Автор пишет жирным шрифтом (стр. 55): «Система Карла Маркса стала новым исходным пунктом для дальнейшего развития нашей науки, она является ключом для понимания современного состояния этой науки». На следующей странице (56-й) он продолжает: «Если мне сделают упрек, что я переоцениваю марксизм или слишком односторонне объясняю современное состояние нашей теоретической экономии, то я укажу на нашу литературу. Современные системы (теоретической экономии) созданы только потому, что их авторы считают ложным или недостаточным объяснение механизма обмена, данное Марксом« (стр. 56). На всем протяжении книжки автор подчеркивает то революционизирующее влияние на развитие эконо-

мической мысли, которое оказал Маркс, в частности на развитие буржуазной экономической науки, враждебной марксизму. Это признание роли марксизма выгодно выделяет книжку Шульца.

Д. Розенберг. Программа по политической экономии. Гиз. 1928. Стр. 150.

Литература, посвященная специально целям самообразования, у нас не велика; в частности отсутствуют методические пособия для читателей, которые в порядке самообразования хотят систематически проработать экономическую теорию Маркса. Эти читатели извлекут значительную пользу из работы Розенберга, которая может быть также использована с успехом в комвузах, школах для взрослых и т. п. Автор располагает материал параллельно изложению «Капитала» Маркса. Первые два раздела соответствуют I тому «Капитала» (а именно первый раздел посвящен простому товарному хозяйству, а второй — капиталистическому), третий раздел — II тому и четвертый раздел — III тому. Последние три раздела посвящены: 1) империализму, 2) экономике СССР и 3) предмету и методу политической экономии. Разделы распадаются на отдельные занятия, в каждом из которых читатель найдет общую характеристику данной темы и «содержание и план занятий», т. е. перечень тех отдельных пунктов, которые входят в данную тему, с объяснением значения каждого из этих пунктов. Заканчивается каждое занятие кратким перечнем литературы. Особенное внимание при характеристике каждой темы (и отдельных ее пунктов) автор посвящает выяснению той связи, которая соединяет данную тему (или данный пункт) с предшествующими частями экономической системы Маркса. Это настойчивое стремление оттенить моменты органического единства, присущего системе Маркса, и тем самым вскрыть внутреннюю диалектическую связь его мысли выгодно отличает работу Розенберга. К недостаткам книжки следует отнести чрезмерную краткость библиографических указаний. Наряду с этим минимумом литературы следовало бы отдельно отметить литературу для читателей, более подготовленных или желающих более углубленно проработать ту или другую отдельную тему.

Alfred Amonn. Grundzüge der Volkswohlstandslehre. 1926. S. 403.

А. Амонн. Основы учения о народном благосостоянии. 1926. Стр. 403.

Амонн в настоящее время является одним из виднейших экономистов Германии. Уже первый труд Амонна «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationaloekonomie», вышедший в 1911 году, доставил автору широкую известность как благодаря глубокой разработке методологических проблем, так и благодаря острой критике традиционных взглядов буржуазных экономистов. Амонн объявил себя сторонником «социального» метода. Но чисто формальное определение социальных отношений людей, которые в концепции Амонна совершенно отрываются от процесса хозяйства, заранее обрекало его социальный метод на неудачу. Ярким доказательством бесплодия метода Амонна является его последняя, названная выше работа, представляющая собою курс политической экономии. Правда, в предисловии Амонн подчеркивает, что его новая работа не имеет характера самостоятельного научного исследования, а преследует чисто дидактическую цель: дать связное изложение основных положений экономической науки. Тем не менее мы в праве ожидать, что даже в университетском курсе подобного рода мы найдем отражение своеобразных методологических взглядов, изложенных Амонном в его первом труде. К нашему удивлению, при чтении книги Амонна мы с трудом можем себе представить, что эта книга написана тем самым автором, который в 1911 году отстаивал новый «социальный» метод и решительно отказывался видеть в теоретической экономии науку о «хозяйстве». Если раньше Амонн хотел изгнать из «теоретической экономии» понятие «хозяйства», то его новый курс в большей своей части посвящен именно описанию и анализу хозяйства, и этот «хозяйственный» уклон резко подчеркнут в самом заглавии книги Амонна: «Основы учения о народном благосостоянии». Поэтому при первом чтении можно даже подумать, что в новой своей работе Амонн отказался от своих прежних методологических взглядов. Но такое предположе-

ние опровергается уже одним тем фактом, что в 1927 году, после выхода в свет рецензируемой книги, Амонн выпустил 2-е издание своей старой работы «Objekt-und Grundbegriffe der theoretischen Nationaloekonomie» и в предисловии заявил, что он полностью поддерживает развитые в ней методологические положения. Сам Амонн не указывает прямо, как разрешить это противоречие, но, повидимому, он хочет выйти из него при помощи предлагаемой им своеобразной классификации экономических наук. С одной стороны, существует «теоретическая наука о народном хозяйстве» (Volkswirtschaftslehre), имеющая предметом своего изучения «народное хозяйство» вообще, независимо от той или иной его социальной формы (эта наука составляет первую часть «науки о народном благосостоянии», вторую часть которой составляет экономическая политика как наука практическая). Наряду с этой наукою существует «теоретическая экономия» (theoretische Nationaloekonomie), изучающая социальные отношения людей в меновом обороте,— отношения, которые лишь «эмпирически», но не «логически», связаны с народным хозяйством (см. стр. 28, 33, 35 работы Амонна). Таким образом и волк сыт, и овцы целы. «Теоретическая экономия» изучает социальные отношения людей с формальной стороны и вне всякой связи их с процессом хозяйства; народное же хозяйство составляет предмет особой «науки о народном хозяйстве».

Этим делением Амонн внес в свою систему коренной дуализм. С одной стороны, он изучает народное хозяйство вне его определенной социальной формы и в этой области повторяет традиционные определения и положения буржуазных экономистов. С другой стороны, в своей «теоретической экономии» он оперирует при помощи «социального» метода, который благодаря своему чисто формальному характеру является совершенно бесплодным. «Народное хозяйство» и «социальные отношения людей» оторваны друг от друга и рассматриваются с односторонней точки зрения.

Отмеченный дуализм приводит Амонна к дуалистическому пониманию основных экономических категорий. Так, например, капитал понимается в двух совершенно различных смыслах. В «науке о народном хозяйстве» под капиталом понимаются всякие «произведенные средства производства» (стр. 97, 103, 104), а в «теоретической экономии» они признаются капиталом, лишь «поскольку они одновременно функционируют как средство распределения» (стр. 104), т. е. средство для получения нетрудового дохода.

Благодаря этому дуализму книга Амонна лишена той печати цельности и оригинальности, которая отличала его первую книгу. Ясное, подчас блестящее изложение Амонна не может скрыть безнадежного эклектизма, проникающего всю его работу.

I. Staberow. Die Stellung der Machttheorie des Lohnes in der sozialoeconomischen Wissenschaft. Greifswald, 1927. S. 62.

H. Diepow. Beiträge zur Produktivitätstheorie des Arbeitslohnes. Greifswald 1927. S. 56.

И. Стаберов. Место социальной теории заработной платы в политической экономии. 1927. Стр. 62.

Г. Дипоф. Очерки по теории производительности заработной платы. 1927. Стр. 56.

Названные работы, обычного типа немецкие диссертации, написаны учениками профессора Карла Муса, автора вышедшей в 1927 году большой критической работы о Марксе под названием «Anti-Marx». Обе диссертации ставят себе целью дать краткий исторический обзор развития двух теорий заработной платы, играющих очень большую роль в современной буржуазной политической экономии, а именно так называемой «теории силы» (Machttheorie; по-русски ее обычно называют «социальною теорией распределения)» и «теории производительности». Сама по себе мысль показать историческую эволюцию этих двух важнейших теорий заработной платы является в высшей степени ценною, но, к сожалению, оба автора с своей задачей не справились. Авторы в своем кратком изложении взглядов различных экономистов ограничиваются самою общею формулировкою этих взглядов, которая не только грешит по

необходимости крайнею поверхностностью, но подчас неверно передает действительные взгляды разбираемых экономистов.

Из обеих диссертаций небольшую пользу может принести работа Стаберова как ввиду бедности литературы об эволюции социальной теории распределения, так и потому, что выполнена эта работа сравнительно лучше. Возможно, что здесь не осталось без влияния то обстоятельство, что автор, как верный ученик Муса, вместе со своим учителем чувствует симпатии к социальной теории распределения и с некоторыми оговорками присоединяется к ней. Во всяком случае сопоставление и краткое изложение взглядов важнейших представителей этой теории (Брентано, Веббы, Диль, Штольцман, Туган-Барановский) может принести некоторую пользу. В особую группу автор выделяет социалистов (Маркс, Родбертус, Каутский, Бернштейн, Гильфердинг), которых он также причисляет к сторонникам «теории силы» только на том основании, что он признает влияние классовой борьбы рабочих на уровень заработной платы. При этом автор, по стопам своего учителя Муса, находит, конечно, у Маркса «противоречие» между признанием возможности повышения заработной платы и так называемою теорией обнищания. «Исходя из теории промышленной резервной армии и капиталистического накопления, он [Маркс] приходит к тезису о необходимом обнищании рабочих масс. Но в противоположность этому, Маркс, с другой стороны, утверждает, что рабочие при помощи силы могут улучшить свое положение» (стр. 19). На стр. 20 автор полагает, что утверждение Маркса о влиянии «исторического и морального элемента» на стоимость рабочей силы противоречит теории обнищания и означает признание «теории силы».

Если Стаберов не отказался от обычной манеры авторов немецких диссертаций охотно зачисляющих по своему департаменту всех экономистов, у которых можно встретить хотя бы самый слабый намек на разбираемую ими теорию, то в еще большей мере относится это к Дипову, автору второй диссертации. Как известно, сторонники «теории производительности» ставят величину заработной платы в прямую связь с величиною производительности труда. Дипов же причисляет к сторонникам этой теории даже тех экономистов, которые видят в известном росте производительности труда лишь предпосылку или одно из условий возможности повышения заработной платы. А так как роль такого рода предпосылки признается за производительностью труда экономистами самых различных направлений, то не приходится удивляться, что Дипов причисляет к сторонникам теории производительности не только Адама Смита, но и... Лассаля с его железным законом заработной платы. Эту жестокую операцию над Лассалем автор проделывает на стр. 42 при помощи следующего детски-наивного рассуждения: Лассаль не отрицает, что «минимум средств существования» рабочих с ходом культуры может повышаться; но такое повышение «экзистенц-минимума» предполагает повышение производительности общественного труда: следовательно Лассаль приходит к «открытому признанию влияния общественной производительности на уровень заработной платы». Только автор, имеющий самое слабое представление о «теории производительности», которой посвящена его диссертация, может причислять к ее сторонникам Лассаля.

Наряду с полнейшим отсутствием критического анализа работа Дипова отличается неправильным и неравномерным подбором разбираемых экономистов. Достаточно указать, что творцу новейшей формулировки теории производительности Кларку автор уделяет всего полстраницы (стр. 50).

Густав Майерс. «История американских миллиардеров». Перевод с немецкого С. О. Цедербаум. Том I. Гиз. 1924. Стр. 317. Цена 2 рубля. Том. II. Перевод с немецкого В. и С. Цедербаум. 1927. Стр. 294. Цена 2 руб. 25 коп.

В настоящее время американский капитал становится действительным хозяином мира. Естественен огромный интерес, возбуждаемый книгой, пытающейся дать историю и до известной степени анатомию этого капитала. В двух вышедших томах названной работы Густава Майерса сообщается масса материала, относящегося к этому вопросу. Перед читателем проходит целая серия хищников, насильников, финансовых

бандитов, земельных спекулянтов, которые нескончаемым рядом преступлений сколотили колоссальные капиталы и положили основание тем легендарным богатствам, с помощью которых кучка миллиардеров управляет судьбами не только великой заокеанской республики, но и почти всего капиталистического мира. Все, что рассказал Маркс в первом томе «Капитала» о происхождении крупных английских богатств, бледнеет перед фактами, сообщаемыми Майерсом. То было безмятежное детство, розовая юность капитала, которые кажутся чем-то невинным по сравнению с размахом пиратских дерзновений, характеризующих историю американского капитализма. Знаменитая герцогиня Сутерланд, обезземелившая своих родичей, или английские фабриканты, выковывавшие свои соверены из крови загнанных на фабрики маленьких детей, кажутся сущими ягнятами по сравнению с разбойниками большой американской дороги, всеми этими Рокфеллерами, Асторами, Элькинсами, Морганами, Карнеджи и прочими, историю богатств которых Майерс набрасывает беспощадной рукой. И когда автор заявляет, что тщетно он на протяжении своего исследования искал хотя бы одно крупное состояние, приобретенное «честными» путями, что каждый раз он обманывался в своих надеждах и что в конце концов ему пришлось признать, что «через все состояния, крупные и мелкие, красной нитью проходит одно и то же: мошенничество и воровство», читатель не только вынужден с ним согласиться, но и признать, что все это сказано еще слишком слабо.

Но это только одна сторона книги Майерса. Другой, не менее интересной ее стороной является констатирование тесной связи между крупными состояниями американских магнатов капитала и правительственным аппаратом. Пожалуй, нигде так ясно не выступает формулированное «Коммунистическим манифестом» положение, что правительство есть просто комитет для заведывания делами господствующего класса, как в современных Соединенных штатах Северной Америки. Здесь имеется около 6 000 миллионеров, но все это — мелкие сошки. Действительная сила сосредоточена в руках десятка-другого промышленных и финансовых магнатов, из коих крупнейшими являются Джон Д. Рокфеллер и Дж. Пирпонт Морган. Достаточно сказать, что эти два человека распоряжаются больше чем одной третью всего национального богатства Соединенных штатов (36 %), а актив капиталистических групп, во главе которых они стоят, исчислялся до войны в 40 миллиардов долларов (теперь, конечно, эта сумма гораздо больше). Моргану лично и непосредственно подчинен капитал в два с половиной десятка миллиардов долларов, иначе говоря, он располагает вчетверо бо́льшими средствами, чем годовой доход четырех крупных капиталистических держав (Великобритании, Соединенных штатов, Германии и Франции), вместе взятых. С этими двумя группами связан и от них зависит ряд других магнатов капитала, как Джемс Гуль, семейство Армур (мясной трест), Вандербильт, Гульды, Асторы, Райяны и другие.

Эти капиталистические группы держат в своих руках весь правительственный аппарат: местные парламенты, общенациональный конгресс, суды, прессу и т. д. Именно они руководят выборами, проводят нужных им лиц и направляют всю политику страны, не останавливаясь ни перед прямым подкупом в виде взяток, ни перед другими видами коррупции (вроде предоставления хорошо оплачиваемых мест чиновникам после ухода их со службы), ни перед подлогами в законах, ни перед прямым уголовно наказуемым мошенничеством, которые всем этим господам, разумеется, сходят безнаказанно. Недаром еще в 1902 году один английский наблюдатель заметил, что власть Моргана больше, чем власть президента или короля. Интересно, что бы он сказал теперь, после войны, когда богатства этих владык мира возросли во много раз.

Не только депутаты, сенаторы, губернаторы, судьи и т. д. являются агентами этих крупных магнатов, но даже президенты республики служат верхушкам капитала не за страх, а за совесть. Кливленд, Мак-Кинли, республиканцы и демократы, одинаково являются покорными слугами крупного капитала; даже такие политиканы, как Рузвельт, напяливший на себя демагогическую личину, являются лакеями капитала. Вся внутренняя и внешняя политика страны диктуется волей миллиардеров и служит их интересам.

Все это показывает книга Майерса, и в этом ее крупное достоинство. Но она не свободна и от некоторых недостатков.

Прежде всего она написана в 1910 году, так что изменения, вызванные войной, заселением Флориды и пр., в книге не изображены. В русском переводе надлежало бы дополнить ее материалами, относящимися к войне и к послевоенному времени, но, к сожалению, это не сделано. Далее, книга утомляет однообразным повторением мелочных подробностей. Правда, эти детали чрезвычайно интересны, но сплошь и рядом в них теряется характер общего процесса. В отдельных главах, посвященных происхождению богатств разных миллиардеров, приводятся сходные факты, но отсутствует общая характеристика развития. Так факты (и притом в недостаточном количестве) относительно влияния капитала на правительство рассеяны по отдельным главам, но нет, например, целой главы, посвященной этому кардинальному вопросу. То же самое надлежит сказать о трестах, монополиях, земельных захватах и пр. В частности процесс трестирования промышленности и банков описан слабо, враздробь, и общей картины не получается. Читателю приходится самому составлять такую общую картину из изолированных сообщений, разбросанных по обоим томам книги. Нет также характеристики американского империализма, захватов, военных экспедиций и т. п., а ведь они начались еще в прошлом веке. Само собой разумеется, что ввиду даты составления книги мы не находим в ней изображения экспансии американского капитала, сказавшейся особенно сильно после войны — в частности в Европе. Но в Средней и Южной Америке эта экспансия сказалась раньше, однако о ней мы в книге также ничего не находим. И в общем книга производит впечатление отрывочности и незаконченности.

Тем не менее даже в том виде, в каком она появляется перед русским читателем, книга Майерса представляет значительный интерес. Здесь есть чему поучиться. Можно пожалеть только о том, что написана книга недостаточно живо, хотя материал давал к этому все основания. Но она найдет своего читателя и должна быть использована нашими пропагандистами для выяснения широким массам имманентных тенденций капиталистического общества, приводящих к диктаторской власти ничтожной кучки капиталистических владык и к порабощению широких трудящихся масс.

Марк Косвен. Осколок первобытного человечества. Стр. 48.

История развития общественных форм в отдельных очерках под редакцией проф. В. К. Никольского и доц. В. Д. Преображенского. Изд. «Молодая гвардия». М. Л. 1927.

М. Косвен констатирует, что вопросы первобытности составляют необходимый научный материал доктрины исторического материализма и что значение этих вопросов было должным образом оценено Марксом и Энгельсом. Признавая, что праистория не может претендовать на ту полноту и точность, которой может добиваться «настоящая» история, что не может быть и речи о действительном приближении к исходному пункту развития человечества, к «нулевой точке человеческой культуры», так как «слишком много страниц начальной истории человечества вырвано бесследно» (стр. 5), М. Косвен характеризует методы исследования, применяемые для того, чтобы «реконструировать первобытного человека», указывая на новейшие работы по этим вопросам. М. Косвен признает «трудность и недостаточную надежность путей», даваемых этими методами исследования, «немалую затруднительность научной задачи» решить, какое из «сохранившихся посейчас диких племен следует признать стоящим на наиболее низкой ступени культурного развития», а следовательно «по всем научным признакам — всего ближе к искомому нами образу первобытного родича человечества».

«Поистине чуть ли не подлинными первобытными людьми», «осколком первобытного человечества» М. Косвен считает диких кубу. В отличие от своих иноплеменников одна часть которых переходит к более или менее оседлой жизни и окультуривается под влиянием малайцев, а другая кое-что перенимает у малайцев и переходит «за грань первобытной дикости», «настоящие дикие кубу, совершенно изолированные в девственных лесах южной и средней Суматры, «застыли на исключительно низком культурном уровне», М. Косвен резюмирует литературу предмета — работы Фольца, ван-

Донгена, Хагена и Шебести, в отличие от других исследователей утверждающего, что кубу вовсе не представляют собой народа первобытного.

Признавая, что наши сведения о повседневном быте племени кубу «еще недостаточны» и что еще очень неглубоко удалось проникнуть во внутренний мир этих дикарей, их переживания и представления, М. Косвен все же считает возможным дать характеристику «основных и наиболее существенных черт их индивидуального и социального облика». Материальная культура кубу представляется крайне примитивной: у них «не обнаружено никаких признаков употребления камня» (стр. 25), «им совершенно незнакомы использование и обработка звериных шкур» (стр. 27). По мнению исследователей, которым с большим трудом удавалось вступить в общение с ридан-кубу (наиболее дикими кубу) при посредстве малайцев, психическая деятельность этого племени характеризуется преимущественно отрицательными признаками: дикие кубу не знают никакого культа (стр. 35), не способны к созданию какого-либо рисунка или украшения (стр. 37). По мнению М. Косвена, «возможно, что кубу не создали даже собственного языка», ограничиваясь языком жестов (стр. 43). Поэтому М. Косвен считает кубу стоящими «наиболее далеко от современного уровня цивилизации из числа всех существующих до сего времени дикарей», признавая, однако, что мы обладаем еще очень недостаточным материалом «для многих суждений и выводов».

Марк Косвен. Происхождение обмена и меры ценности. Изд. «Молодая гвардия». М. — Л. 1927. Стр. 80.

«История развития общественных форм в отдельных очерках», под редакцией проф. В. К. Никольского и доц. В. Д. Преображенского.

Наиболее подходящим «живым лабораторным материалом для этнологического изучения первобытного менового хозяйства» М. Косвен считает туземное население австралийского материка, так как «действительно начальный, самый первобытный хозяйственный строй мы не имеем уже возможности наблюдать непосредственно на каком-либо живом племени». По мнению М. Косвена, «при всей примитивности материально-хозяйственной базы психика, мироотношение и социальные формы этих дикарей оказываются чрезвычайно сложными» (стр. 7), но в области междугрупповых хозяйственных отношений особой сложности не встречается и всё «очень ярко и упрощенно и определяется материальной культурой». Констатировав «глубокое проникновение обмена в быт австралийцев» и «хорошо выраженную дифференциацию производства», относящуюся уже к отдаленному прошлому групповую специализацию по выделке различных предметов (стр. 19), «выступление специальных уполномоченных, посредников, ведущих обмен в качестве представителей своих групп и за счет своего коллектива» (стр. 23), М. Косвен переходит к «очень сложному» вопросу о возникновении обмена и опровергает некоторые «ходячие воззрения» на примитивный хозяйственный быт вообще и происхождение обмена в частности. «Чуть ли не канонизированному догмату» политической экономии, «рисующему особую эпоху замкнутого или первичного натурального хозяйства», одной из отличительных особенностей которой считается «отсутствие или ничтожное развитие обмена», М. Косвен противопоставляет, с одной стороны, пример австралийского хозяйства, которому, при всей его примитивности, такая «исключительная изолированность» вовсе не свойственна, с другой стороны, указание на то, что «именно скудость и однообразие природных средств удовлетворения потребностей вызывает взаимное общение и меновую связь между первобытными группами» (стр. 29).

Затем М. Косвен подвергает «основательной ревизии ряд догматических построений, относящихся к условиям примитивного обмена, — «наивную схему случайностей», гипотезу об «излишках», гипотезы, по которым наиболее примитивной формой меновых отношений был „немой обмен или молчаливый торг“», и т. д. Вопреки «бесконечно повторявшемуся и повторяющемуся мнению, будто весь хозяйственный обмен и торговля ведут свое происхождение от первобытной войны и грабежа», М. Косвен утверждает, что характерной первобытной чертой междугрупповых отношений оказываются скорее «мирно-дружественные отношения» и что грабеж представляет собой явление

не примитивное, а «культурное». Но мнению М. Косвена, первобытный обмен «далеко не имеет характера определенной сделки», так как начало взаимности еще «не оформлено идеей обязательности», «получение и давание еще не настолько связаны, чтобы быть неразрывно прикрепленными друг к другу» (стр. 35). Отзывы многих наблюдателей о незнакомстве дикарей с обменом представляются М. Косвену «недоразумением». Для выяснения эволюции оформления обмена в осознанную сторонами экономическую сделку приходится прибегать к «несовершенному эволюционно-сравнительному методу», причем, по мнению М. Косвена, «аналогию эволюции обмена дают обычаи детского быта». Соображения М. Косвена о возникновении идеи стоимости, о «характерном для примитивной экономической мысли протесте против какого-либо неравенства в обмене», о развитии «ценностных уравнений», о приемах конкретизированного счета, о системе «эквивалентных рядов» и об установлении и эволюции меновой единицы, представляющей собою «весьма крупные достижения хозяйственной мысли», основаны на тщательном изучении литературы предмета и свидетельствуют о критическом к ней отношении.

В. Д. Преображенский. Под властью креста и меча. Феодализм в Западной Европе. Изд. «Молодая гвардия». М. — Л. 1927. Стр. 57.

(«История развития общественных форм в отдельных очерках», под редакцией проф. В. К. Никольского и доц. В. Д. Преображенского.)

В. Д. Преображенский рисует идиллическую картину первобытной общины, когда люди «обрабатывали землю сообща, по справедливости распределяя между собой плоды своих трудов» (стр. 5), и констатирует «гибель общинных порядков». Затем упоминается о падении Римской империи, о «возврате к натуральному хозяйству», и характеризуется эволюция древних германцев в пределах Римской империи, причем В. Д. Преображенский не принимает во внимание толкований «источников», предложенных подавляющим большинством исследователей, начиная со второй половины XIX века, и даже не опровергает их.

Определения феодализма В. Д. Преображенский не дает, но выясняет, откуда произошло слово пэры, придумывая при этом не существующее в латинском языке слово «parus» (стр. 26, примечание). Характеризуя поместное хозяйство, В. Д. Преображенский просто повторяет традиционные формулировки, очевидно, считая их незыблемыми и пересмотру не подлежащими: «В это время каждая хозяйственная единица была вполне самодовлеющей, т. е. экономически почти совершенно изолированной от других. Поместное хозяйство ничего не производило на сбыт и ничего почти не получало». Схему германской деревни эпохи раннего капитализма В. Д. Преображенский дает по М. Веберу. Затем характеризуется жизнь трудового населения «под властью меча», т. е. военно-феодальной знати, и под властью креста, т. е. религии и церкви. Изложение нельзя не признать чрезмерно схематичным.

Г. Н. Лозовик. Как произошли города. Изд. «Молодая гвардия». М. — Л. 1927. Стр. 78.

(«История развития общественных форм в отдельных очерках», под редакцией проф. В. К. Никольского и доц. В. Д. Преображенского.)

Г. Н. Лозовик дает в общедоступной форме весьма содержательный очерк развития города от городов-крепостей первобытного человека и остатков городищ на территории СССР до современных городов-великанов, выясняя экономическую роль городов. Для читателей, для которых главным образом предназначается эта серия, небесполезны вопросы, формулированные после каждой главы под заглавием «что надо обдумать и обсудить», и указания книг, которые «полезно прочитать по затронутым в этой главе вопросам». Характеристики государств-городов древнего мира, процветания и упадка Рима, городов в эпоху торгового капитала, борьбы классов в средневековых городах, городов в эпоху промышленного капитала, при всей их сжатости, свободны от упрощенных конструкций и чрезмерного схематизма. Заслуживают внимания указания Г. Н. Лозовика на роль городов в качестве «застрельщиков социальных переворотов», весьма содержательный обзор роста городов в России и соображения относительно «городов-садов будущего человечества».

V. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И АНАРХИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

Richard Lipinski. Die Sozialdemokratie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Eine gedrängte Darstellung für Funkzionäre und Lernende. I B. Die Jugendzeit der sozialistischen Bewegung in Deutschland bis zur Gründung der sozialistischen Arbeiterpartei Deutschlands 1875 in Gotha. Dietz, Berlin 1927. S. 259.

Р. Липинский. Социал-демократия от ее возникновения до настоящего времени. Том I. Берлин 1927.

История германской социал-демократии Липинского рассчитана на два тома и предназначена, в первую очередь, для партийного актива и учащихся. Как видно из предисловия, она в известном смысле должна заменять историю германской социал-демократии Фр. Меринга, которая «слишком трудна» для современного партактива, дорога и, кстати, вся распродана. Книга Липинского должна — по замыслу автора — пробудить интерес широких социал-демократических рабочих масс к изучению истории своей партии. Для достижения этой цели автор, повидимому, считал наилучшим методом изложить темы и события в виде кратких конспектов. В первом томе таких конспектов-глав 58.

Книга в основном представляет собою популярное и весьма сильно сокращенное изложение Меринга. Кроме того привлечены и новые материалы: переписка Маркса, Энгельса и Лассаля, два тома статей и корреспонденций Маркса и Энгельса (1852—1855 гг.), изданные Д. Б. Рязановым, работы Густава Майера, I том «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» и ряд неизданных материалов из полицейских архивов.

В первой части книги автор дает — на 56 странице — краткую историю революционного и социалистического движения в Германии до революции 48 года. Результаты такого упрощения налицо: получилась не «история», а слабо связанный перечень имен и событий, где перепутывались вдобавок даты и названия, понятия и события. Так, например, мы узнаем от Липинского, что союз Справедливых развивался (entwickelte sich) из Общества гонимых (стр. 39), а не откололся от него; Вейтлинг в 30-х годах уже вступает в Союз коммунистов (стр. 40). Затем — Гесс опубликовал «подробное обоснование социализма» (стр. 50), а К. Грюн основал в 1842 году «Мангеймскую вечернюю газету», самую радикальную из выходивших в домартовской Германии. Повидимому Липинский на момент забыл о существовании «Рейнской газеты». Впрочем, такие вещи с ним случаются нередко: на какой-либо странице автор, например, занимает определенную точку зрения по определенному вопросу, а через страниц 20—30 вы можете найти как раз противоположное. Он, очевидно, использовывал разных авторов и просто не замечал или забывал согласовать спорные пункты. Далее, мы читаем, что Грюн писал в духе Гесса, между тем как эти писатели представляют как раз два противоположных полюса «истинного социализма». Если первый действительно является типичнейшим представителем этого движения, то Гесс в 40-х годах все же находился под влиянием Маркса и Энгельса. То же самое Липинский делает и с различными течениями домартовского социализма: «утопический», «философский», «пролетарский» и «коммунистический» социализм — все эти слова употребляются без отчетливого их разграничения.

Не менее упрощенным, а местами и искаженным является изложение духовного развития Маркса и Энгельса. Характеристика деятельности Маркса в редакции «Рейнской газеты» неправильна; по Липинскому, он тогда уже был чуть ли не коммунистом; из редакции Маркс будто бы ушел 2 марта (правильно — 17-го). Но что удивительно так это утверждение, будто он уже в 1844 году в Париже пришел к заключению, что «классовая борьба неизбежно приведет к диктатуре пролетариата» (стр. 60). Знакомству с Энгельсом, оказывается, Маркс обязан внимательности его парижских друзей. В Брюсселе, наконец, Липинский заставляет Маркса и Энгельса написать «Нищету философии», путая эту книгу Маркса с «Немецкой идеологией», которая, кстати, не упомянута. Основание Союза коммунистов описывается по старой шаблонной концепции Меринга: Молль приехал из Лондона в Брюссель и предложил Марксу и друзьям

вступить в союз и т. д. и т. д. В «Коммунистическом манифесте», по мнению Липинского, Маркс и Энгельс не говорят ничего нового по сравнению с ранее сказанным и напечатанным; но все же «Коммунистический манифест» является «предшественником» научного социализма!! Таких мест можно бы привести еще очень много, не считая огромного количества неоговоренных опечаток, неправильных дат и фамилий (если это не опечатки) вроде Шертмер (вместо Шертнер), Шеффель (Шлеффель), Освальд и Дитц (Освальд Дитц) и т. п. Очень неудачен также перевод многочисленных иностранных слов на немецкий язык.

Вторая часть книги, в которой изложено развитие рабочего движения от революции 1848 года до объединительного конгресса в Готе, написана гораздо лучше, в популярно-повествовательном тоне. Но стиль у автора из рук вон плохой: не говоря уже о странных построениях фраз, иногда затрудняешься, куда, к кому или к чему отнести личное или указательное местоимение.

В рецензируемом первом томе автор воздержался от выпадов против коммунистической партии. Лишь в одном месте, где он приводит слова Энгельса из предисловия к позднему изданию «Коммунистического манифеста» о домартовском понимании социализма и коммунизма, Липинский считает нужным прибавить: «Таким образом утверждение коммунистической партии, будто научный социализм и коммунизм суть два принципиально различных понятия, относится к области сказок». Откуда автор взял это «утверждение» — нам неизвестно. Да и он сам из осторожности не указывает источника. Если германская социал-демократическая партия нашла возможным «заменить» историю Меринга слишком упрощенной и пестрящей сознательными и бессознательными ошибками книгой Липинского, то из такого явления некоторым образом можно заключить и о современном состоянии исторической и теоретической мысли этой партии. С внешней стороны книга издана недурно; цена всего одна марка, т. е. она рассчитана на широкий круг рабочего читателя. Тем менее простителен поверхностный подход в историко-теоретическом, а также — при современном состоянии издательской техники в Германии — и в технически-издательском отношении.

Paul Kampffmeyer. Die Sozialdemokratie in der deutschen Geschichte bis zur Reichsgründung, g. Birk & Co. München 1926. S. 87.

П. Кампфмайер. Социал-демократия в истории Германии до основания империи. Мюнхен 1926.

Кампфмейер сейчас является, можно сказать, официальным историков германской социал-демократической партии. Эта печать официальности лежит и на рецензируемой книге. Правда, Кампфмейеру принадлежит ряд серьезных исторических работ; но настоящая книжка на это претендовать не может. Уже несмотря на ее тенденцию, она носит главным образом компилятивный характер и написана в популярно-повествовательном стиле.

Через всю книжку красною нитью проходит сильно выраженная тенденция: доказать, что «защита отечества» во время войны и сотрудничество с буржуазией после войны, весь национально-соглашательский курс социал-демократической партии не есть какая-то измена бывшим интернационально-революционным идеалам, а лишь последовательное продолжение тактики старой социал-демократии, начиная от ее основателей и теоретиков — Маркса, Энгельса и Лассаля. К этой концепции автор подгоняет историю социал-демократической партии до 1871 года. В первой же главе он старается доказать «национально-интернациональный характер социализма». Идея интернационализма никоим образом не создана «демократическим социализмом». Всякое великое умственное течение, как католическое, протестантское или буржуазно-демократическое движение, перешло национальные границы. То же самое и с социализмом; как буржуазная демократия открыла политического, так социализм — социального человека. «У социализма — по Кампфмейеру — имеется общечеловечески-культурная сторона, благодаря которой он быстро завоевывает себе право гражданства у всех наций Европы, всегда сохраняя известный национальный оттенок». Затем дается краткая характеристика социальных утопий в Англии, Франции и

Германии, везде при этом подчеркивается именно национальный элемент. После довольно подробного и интересного описания пауперизма в домартовской Германии по данным газет и журналов истинного социализма автор переходит к вопросу о влиянии Гегеля и классической немецкой философии на Маркса и выработку теории научного социализма. В общем и целом можно согласиться с пониманием этого влияния автором в отношении диалектического метода, и то с некоторыми оговорками. Но самым решительным образом нужно отмежеваться от тех выводов, к которым Кампфмейер приходит: ему важно, что именно «немецкая наука» (Гегель) «оформила социализм» в голове Маркса (стр. 10), а не какая-нибудь там французская или английская наука. В другой главе он пишет, что «домартовский марксизм родился (herausgeboren) из гегелевской диалектической философии и опирается на обобщения из состояния английской промышленности» (стр. 27). Вообще с изложением перехода Маркса и Энгельса к материалистическому пониманию истории у Кампфмейера обстоит неблагополучно. Комментируя слова Энгельса, что немецкие социалисты считают себя также «учениками» Канта, Фихте и Гегеля, наш автор уже приходит к заключению, что Маркс и Энгельс всю жизнь находились в «духовной зависимости» от Гегеля. Как упрощенно и неясно автор представляет этот переход Маркса и Энгельса к научному социализму показывает следующий пример: приезжая в 1844 году (правильно — в 1842 году) в Англию, Энгельс знакомится с экономическим положением страны и пишет свою книгу «Положение рабочего класса в Англии», в которой уже «ясно изложены основные мысли материалистического, или, лучше, экономического понимания истории» (стр. 21). Кто знает, что́ такое материалистическое понимание истории, и знает также, под каким сильным влиянием истинного социализма тогда еще находился Энгельс, тот навряд ли может согласиться без оговорок с автором, несмотря на громадное значение, которое имела книга Энгельса для развития социализма.

Дальше следуют история революции 1848—1849 гг. и описание участия рабочего класса в ней. Эта глава — краткий конспект книги М. Кварка. И здесь уже выступает тенденция, которая все сильнее и сильнее выявляется в последних главах: смыть с германской социал-демократической партии то «позорное пятно» интернационализма и патриотизма, которым «заклеймили» ее когда-то, во времена Бисмарка. При анализе событий 1848—184', 1859—1860 и 1870—1871 гг. автор доказывает, что наилучшими защитниками чести германской нации были рабочие, что они шли на войну и исполняли свой долг перед отечеством, между тем как отдельные князья этого не делали, а самая «национальная» партия, прусские юнкера, даже изменила отечеству в 1859 году (стр. 43). Оказывается, что в 60-х и 70-х годах не только В. Либкнехт и Бебель, но и Маркс и Энгельс были хорошими немецкими патриотами. Но больше всех похвал, конечно, достается Лассалю и Швейцеру. В Лассале автор вообще видит прототип настоящего социал-демократа. Он же ведь «гармонически соединил в себе немецкого патриота и социалистического демократа». Известно, что германская социал-демократия уже довольно давно выбросила лозунг «назад к Лассалю!», и такое «воскрешение» Лассаля понятно в свете реформистского перерождения этой партии. И Кампфмейер прямо говорит: «Лассаль — вот наш человек, ибо он понимал под «немецкой национальной культурой всестороннее, активное, созидательное участие народа в немецкой государственной и культурной жизни» (стр. 49). Как же после этого не участвовать в широкой коалиции с буржуазией? И весь реформизм, всю коалиционную и соглашательскую политику, все предательство автор очень просто оправдывает словами: мы идем по следам нашего путеводителя — Лассаля.

Ernst Drahn. Die deutsche Sozialdemokratie. Werden, Wollen, Wirken. München, Milavida-Verlag, 1926. S. 67.

Э. Дран. Германская социал-демократия. История, стремления, деятельность. 1926.

Небезызвестный своей политической эволюцией от социал-демократа до коммуниста и от коммуниста до национал-шовиниста, а также своими quasi-учеными работами, вошедшими уже в поговорку, Эрнст Дран разработал, повидимому, часть своей статьи

о социал-демократии, написанной им для 4-го издания «Handwörterbuch der Statswissenschaften», и издал ее в виде книжки.

Дран здесь оставляет в стороне весь предшествовавший социал-демократии период и прямо начинает со Всеобщего германского рабочего союза. Краткое изложение истории этого союза, жизни и деятельности Лассаля и Швейцера не дает ничего нового. Теоретические основы лассальянства оцениваются как «идеалистически-национальные и государственно-социалистические». Дран это делает в интересах своих «национальных» взглядов, но сама по себе эта оценка не так уж неправильна. Ведь известно, что и социал-демократия в оправдание своего национал-реформизма ссылается на Лассаля. Известно также, что сигнал к «возрождению» Лассаля, к преувеличению его заслуг перед рабочим движением в ущерб Марксу и Энгельсу исходил не от кого другого, как от Меринга. Но «разоблачение» Лассаля, отведение соответствующего ему места в истории рабочего движения — эта заслуга, «к сожалению», принадлежит не Драну, а коммунистам.

Эйзенахский конгресс, критика политики Бисмарка со стороны Бисмарка естественно вызывают нападки автора; он не может простить тогдашней социал-демократии, что она с иронией писала и говорила о таких вещах, как любовь к отечеству, оборона страны и т. д. Дран тоже оплакивает исключительный закон против социалистов, но... лишь потому, что правительство своими грубыми действиями оттолкнуло рабочих в лагерь социалистов. Для оправдания правительства в маленькой книжке приводятся целые страницы с выдержками из речей Бисмарка. Но настоящее горе Драна начинается лишь после исключения из партии оппозиции «молодых». Не располагая достаточным кадром интеллигентных сил, партия будто пригласила армию анти-национально настроенных «иностранцев», главным образом австрийцев и русских. Они захватили всю партийную прессу в свои руки и «пагубно» повлияли на все дальнейшее развитие партии. Каутскому, этому «чешскому националисту», достается больше всех, но не мало и Гильфердингу, Радеку, Мархлевскому, Люксембург, Панекуку и др. Но это еще не все; Дран прямо обвиняет русских революционерок, вышедших замуж за немецких социал-демократов, в радикализме некоторых слоев социал-демократии (стр. 32). Правда, этот «ученый» историк признает с некоторыми оговорками заслуги правых социалистов перед немецкой нацией, «спасавших Германию от большевизма» (стр. 55). Но он все же не может простить социал-демократам, что они допустили антинационалиста Каутского к германским архивам в интересах независимых, он ставит им в упрек, что они оказались на Гамбургском конгрессе II Интернационала (1923 г.) менее национальными, нежели их французские коллеги. А как хорошо было бы,— мечтает «ученый» историк,— если бы германская социал-демократия использовала все свое огромное влияние во II Интернационале для блага отечества, если бы она в целях национального возрождения Германии мобилизовала также и немцев социал-демократов в Австрии, Швейцарии, Чехо-Словакии, Польше, Венгрии и т. д.! Но осуществлению этой сладкой мечты и сегодня, оказывается, мешают все те же «иностранцы»!! И «ученый» автор безнадежно и меланхолически машет рукой: ведь социал-демократия стоит так же, как и коммунисты, не на национальной платформе, а за мировую революцию !!(стр. 61) (Это он вычитал из социал-демократической программы Гейдельбергского конгресса 1925 г.).

Книжка Драна говорит сама за себя. Будущим историкам придется заняться вычислением процентного отношения «иностранцев» и «русских жен» в составе германской социал-демократии. Дран выступает не только как хамелеон в политике, но и как шарлатан в науке.

Г. Сандомирский и П. Паскаль. Французская социалистическая партия. Гиз. М.—Л. Стр. 165. 1928.

Авторы, не претендующие «на исчерпывающее изложение всей зигзагообразной истории французской социалистической партии», имеют полное основание «считать свою работу небесполезной», так как она в самом деле дает читателю, желающему «усвоить себе главнейшие вехи эволюции» французской социалистической партии,

«по возможности, все необходимые материалы для ее изучения», причем часть этих материалов (особенно отчеты национальных конгрессов партии) «появляется в русском переводе впервые».

Считая «совершенно бесполезной тратой времени» рассуждения о том, какая именно из европейских «соглашательских партий» отличилась «наибольшим предательством по отношению к рабочему классу во время войны», и усматривая в этом споре своеобразное отражение не прекращающегося до сих пор знаменитого спора между буржуазией Германии и Франции о так называемой «ответственности за войну», авторы интересуются лишь общей картиной «беспредельного разложения соглашательских партий» и не заносят «на скрижали истории мелочей», относящихся к личным выступлениям тех или иных «соглашательских вождей» (стр. 7).

Авторы начинают изложение истории рабочего движения во Франции с характеристики положения, создавшегося после кровавого подавления Коммуны. Может быть, нелишне было бы предпослать сжатый обзор существеннейших вех развития рабочего движения во Франции до 1871 г.; авторы касаются этого для них, так сказать, доисторического прошлого лишь мимоходом, говоря о «дурной наследственности» французской социалистической партии. Охарактеризовав экономический подъем середины восьмидесятых годов и выяснив отражение этого подъема на количественном росте французского пролетариата, авторы переходят к новому пробуждению рабочего класса. Адэкватно охарактеризована роль Жюля Геда. Заслуживает особого внимания глава, озаглавленная «борьба вокруг программы-минимум». Авторы отмечают, что программа-минимум явилась «лакмусовой бумажкой», вызвавшей, наконец, расслоение и взаимное отмежевание тех разношерстных элементов, из которых Гед безусловно пытался создать единую партию. Не вина авторов, что история французской социалистической партии в значительной степени сводится к изложению многообразных проявлений «неизбежной склоки и грызни», вызывавших все новые и новые «расколы, расщепления, ублюдочные группировки, подозрительные блоки и т.д.». По книге Г. Сандомирского и П. Паскаля можно ориентироваться в этих расколах, поскольку речь идет о выступлениях лидеров, с одной стороны, вызывавших «расщепления», а с другой стороны — создававших «ублюдочные группировки»; роль «поссибилизма» и его вождя Поля Брусса, алиеманистов, влияние Жореса охарактеризованы меткими штрихами. Желательны были бы более конкретные данные относительно самих масс, возглавляемых этими лидерами. Ведь в изложении авторов рабочие массы как-то отходят на задний план по сравнению с вождями. В главе «Партия идет по наклонной плоскости» авторы констатируют, что уже после конгресса в Лиможе (1—4 ноября 1906 г.) выяснилось, что «партия по своему составу мелкобуржуазна», и что если она иногда прибегает к революционным жестам или смелой фразеологии, то делается это лишь под давлением синдикалистов и Всеобщей конфедерации труда».

Из роли партии во время войны и после войны, из проекта Поля Бонкура и из резолюции «съезда банкротов и капитулянтов» (Парижского национального конгресса партии в декабре 1927 г.) авторы делают вывод, что от социализма у французской социалистической партии «осталось в настоящее время только имя, совершенно незаконно присвоенное ею».

VI. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ.

A. Mathiez. La Révolution Française. Tome II. La Gironde et la Montagne. 1924. Pages 222. Tome III. La Terreur. Pages 223. 1927. Paris. Librairie Armand Collin.

А. Матьез. Французская революция. Том II. Жиронда и Гора. Том III. Террор.

Выход неудовлетворительного русского перевода первого тома «Французской революции» проф. А. Матьеза был отмечен в «Летописях марксизма» (№ 1, стр. 120—121). Во втором томе излагается борьба между Жирондою и Горою. А. Матьез констати-

рует, что эта борьба была продолжением борьбы между «легальною» властью Законодательного собрания, отрицательно относившегося к исключительным мерам, и революционною Парижскою коммуною, вскоре после 10 августа уже наметившею ту программу ограничений свободы торговли регламентациями, реквизициями, принудительным курсом ассигната, которая впоследствии, в эпоху террора, осуществлялась в интересах «общественного спасения». В этой противоположности программ А. Матьез усматривает выражение «основной противоположности интересов и почти классовой борьбы» (p. 367). Это «почти» весьма характерно для точки зрения А. Матьеза и для самой постановки вопросов в его исследованиях: он отмечает, что коммуна 10 августа и ее преемница Гора являлись представительницами «des classes populaires (ремесленников, рабочих, потребителей), страдавших от войны и ее последствий: дороговизны, безработицы, неустойчивости заработной платы, а Законодательное собрание и его преемница Жиронда отстаивали интересы торговой и имущей буржуазии, желавшей защищать свое достояние от угрожавших ей ограничений, стеснений, конфискаций». А. Матьез признает правильной формулированную К. Марксом характеристику политики монтаньяров (p. 69).

А. Матьез подчеркивает нерешительность коммуны, членам которой импонировал парламентский престиж жирондистов, блестящих ораторов Законодательного собрания. Коммуна не решилась «лишить», как уже 10 августа недвусмысленно советовал ей Робеспьер, «народных представителей всякой возможности вредить делу свободы, немедленно отправить комиссаров во все департаменты». «Последовать совету Робеспьера значило бы, — говорит А. Матьез, — не только выразить полное недоверие Законодательному собранию, но и захватить диктатуру, войдя в непосредственные сношения с департаментами... Коммуна ограничилась заявлением, что она в праве осуществлять диктатуру. Но, заявив о своем праве, она все же не осмелилась практически осуществлять это право во всей полноте» (p. 4).

Результатом компромисса с Законодательным собранием явились многовластие и неопределенность. «Обстоятельства, борьба против опасности внешней и внутренней, требовали диктатуры; но эта диктатура не приняла определенной формы, не воплотилась в каком-либо учреждении, человеке, партии или в классе. Она осталась неорганизованной и беспорядочной... Это была безличная диктатура, хаотическая и изменчивая, как и само общественное мнение, ее поддерживавшее» (p. 6—7). А. Матьез выясняет сущность конфликтов, непрерывно возникавших вследствие этого между коммуной и Законодательным собранием, отчетливей, чем это делали прежние историки. Вообще, при всей сжатости, А. Матьез дает гораздо более содержательное изложение событий, чем авторы не только кратких, но и обширных историй Великой французской революции, от которых труд А. Матьеза отличается и отсутствием традиционных фраз.

Глава «Образование третьей партии» дает меньше, чем обещает заглавие. Историки революции вообще систематически уклоняются от анализа состава и тенденций «партии Равнины». А. Матьез констатирует, что «появление третьей партии между жирондистами и монтаньярами стало совершившимся фактом 5 ноября» (p. 121), цитирует прогноз Камилла Демулена о вероятном составе «этой партии флегматиков», упоминает о характерных голосованиях партии Равнины (p. 204); но и он не выясняет действительного состава «партии Равнины», подлинных тенденций и изменчивой тактики руководителей этой партии, фактически неоднократно имевшей решающее значение в решительные моменты. Замечание: «Raison d' être существования Равнины заключается в том, что она представляла и отстаивала общественные интересы против узкой партийности (factions)» (204) как жирондистов, так и монтаньяров», — вряд ли точно характеризует роль партии Равнины, которую ведь не без основания называли и «Болотом».

Заслуживают внимания указания А. Матьеза на классовый характер той социальной политики, которую в разгар борьбы с жирондистами отстаивал Робеспьер, и на вероятную связь этой социальной политики с аналогичной программой, которую в то же время в Лионе формулировал Шалье (p. 208—209). Переворот 2 июня 1793 г. озна-

чал, с точки зрения А. Матьеза, нечто большее, чем политическую революцию. «Санкюлоты низвергли не только партию, но, до некоторой степени, общественный класс... Та классовая политика, инициаторами которой, в свою очередь, являются деятели 2 июня, не укладывается в рамки прежней легальности. Фикция парламентаризма поколеблена. Приближаются времена диктатуры» (р. 222).

В третьем томе «Французской революции» излагается ход событий до 11 термидора II года республики единой и нераздельной. Некоторые главы («Об эбертистском нажиме», «О заговоре иностранцев», «О Снисходительных», «От крайних правых до крайних левых») в существенном воспроизводят статьи А. Матьеза в редактируемом им и Г. Лораном журнале, специально посвященном истории Великой французской революции (Annales de la Révolution Française.) После детальных изысканий А. Матьеза многие шаблонные объяснения, общераспространенные взгляды на причинную связь событий, относящихся к конфликтам в самой партии Горы, и традиционные оценки роли деятелей (например по отношению к антирелигиозному движению) нельзя не признать устарелыми. Историки революции обязаны серьезно считаться с тщательно документированной аргументацией А. Матьеза.

Агитация Бешеных и ее непосредственные и косвенные результаты, частичное использование лозунгов крайних более умеренными при дискредитировании впервые выдвинувших эти лозунги деятелей детальнее охарактеризованы в намечающей темы для ряда исследований монографии А. Матьеза «О дороговизне и о социальном движении в эпоху террора», во многих отношениях являющейся существенным дополнением к «Французской революции». В главе «Реорганизация революционного правительства» А. Матьез вскрывает противоречия, присущие диктатуре, не опирающейся на проникнутые классовым сознанием массы, выясняет трагическое положение революционного правительства, сокрушившего фракции и парализовавшего всякое сопротивление, с виду всемогущего, но на самом деле бессильного и сознавшего свое бессилие, т. е. констатирует объективные и субъективные предпосылки катастрофы, разразившейся в термидоре. «Итак, комитеты властвуют, не встречая никакого сопротивления. Но у них нет иллюзий. Они знают, что таится за этим молчанием» (р. 167). Заслуживают внимания указания на существенные разногласия между Робеспьером и Камбоном относительно финансовой политики и на вотированные в вантозе, но не применявшиеся, законы о распределении имуществ «подозрительных» между нуждающимися санкюлотами и на связь между этими частичными мерами, которые правительство считало лишь предисловием к мерам еще более радикальным, и социальною программою Сен-Жюста: «Следует, чтобы не было ни богатых, ни бедных» (р. 174). «Однако эти проекты остались мечтами».

Отметив недовольство рабочих максимумом заработной платы и крестьян реквизициями и т. д., А. Матьез формулировал причины катастрофы 9 термидора. Робеспьер констатировал свое бессилие в качестве члена правительства уже 13 мессидора. В основе коалиции Болота и «монтаньяров-рвачей» (de proie), возникшей накануне 9 термидора, лежало взаимное соглашение: Болото предало Робеспьера с условием, чтобы монтаньяры-рвачи помогли ему положить конец террору. «Прямолинейные» левые якобинцы (Билло-Варенн и т. д.) поддержали эту коалицию, хотя Энгран (Ingrand) незадолго до этого ставил на вид, что низвержение Робеспьера неизбежно означает и низвержение революционного правительства. Одну из главных причин гибели Робеспьера и его партии А. Матьез усматривает в том, что они «желали использовать террор для нового переворота в имущественных отношениях» (bouleversement de propriété). «В их лице был нанесен смертельный удар той эгалитарной республике, в которой не было бы ни богатых, ни бедных и которую они мечтали создать законами, вотированными в вантозе». «Убив Робеспьера, на целое столетие убили демократическую республику» (р. 222). Но и сам А. Матьез признает, что Комитет общественного спасения не мог «решительно осуществлять классовую политику, так как с жерминаля он старался внушить доверие всем слоям населения» (rassurer tous les intérêts) (р. 175). В конце концов А. Матьез усматривает в гибели Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста, которые, несмотря на их «пламенный мистицизм и сверхчеловеческую

энергию», не могли «свергнуть власть богатства», «достопамятный пример ограниченности человеческой воли, борющейся против сопротивления вещей» (р. 223), т.-е., точнее говоря, против развития капитализма.

Ц. Фридлянд. История Западной Европы. 1789—1914. Часть первая. Европа в эпоху промышленного капитализма (1789—1871). 2-е, дополненное и научно переработанное издание. Изд. «Пролетарий», 1928. Стр. 627.

В основу этой книги, представляющей собой не учебник, а учебное пособие для рабоче-крестьянской аудитории и посвященное рабоче-крестьянскому студенчеству, положены лекции, читанные автором в I и II государственных университетах и в других вузах. Во введении отмечено, что для курса выбрана «целевая установка: изучить прошлое, чтобы понять будущее».

Ц. Фридлянд правильно констатирует, что в области социально-политической истории марксистскими историками «сделано еще мало... Марксистская разработка даже Великой французской революции еще только началась». Основную задачу своей книги Ц. Фридлянд усматривает в том, чтобы выяснить, пути пролетарской революции" (стр. 11). Во введении намечается точка зрения автора на задачу исторической науки: «Нас интересует конкретный факт, но мы желаем понять его в общественной связи как типичный факт из истории классовой борьбы. Отдельные факты в истории для нас лишь псевдонимы, клички, под которыми собраны различные явления одного и того же социального порядка. И вот наша задача состоит в раскрытии классового содержания этих псевдонимов» (стр. 21).

Начиная свое изложение с истории промышленного переворота в Англии, Ц. Фридлянд выясняет, что характерные особенности развития английского капитализма типичны для всех европейских стран в новейшее время. В главе «Франция накануне Великой революции» нарисована весьма содержательная картина «выветривания» сеньориального строя, ликвидации общинных угодий и т. д.; дана характеристика дореволюционной французской промышленности и классов, которые выступали «под оболочкой» сословий, и охарактеризована идеология революционной буржуазии. В главах, посвященных Великой французской революции, Ц. Фридлянду удалось разрешить нелегкую задачу: при всей сжатости изложения он дает не подведение событий и партийных группировок под шаблонные схемы, а выяснение конкретного хода классовой борьбы в ее диалектическом развитии. Следует отметить удачный подбор характерных цитат из публицистов революционной эпохи, в особенности из Марата. Может быть, нелишне было бы: во-первых, проследить тщетные попытки контрреволюционеров организовать единую лигу консервативных элементов; во-вторых, упомянуть о реальных достижениях Конвента в деле организации всеобщего народного образования, о законопроекте Букье, о том, в какой мере удавалось фактически осуществлять его, и о его ликвидации термидорианцами.

В главе «Англия первой половины XIX века» следовало бы дать изложение взглядов не только Мальтуса и Бентама, но и Рикардо. Историческое значение чартистского движения, социально-политические программы классов, боровшихся между собой в эпоху Июльской монархии и в 1848 году во Франции, идеология «основных» классов в Германии, социалистические течения в рабочем классе 50-х и 60-х годов и т. д. выяснены удовлетворительно. Главы о I Интернационале, о Парижской Коммуне и распаде I Интернационала нельзя не признать весьма удачными. Через изложение проходит красной нитью мысль, что неравномерность капиталистического развития вела к перемещению центров рабочего движения из одной страны в другую. Заслуживает внимания обзор истории колониальной политики XIX века.

В. Бушуев. Конспект по новейшей истории Запада. Издание 2-е, исправленное [?] и дополненное. Изд. «Пролетарий», 1928. Стр. 216.

Введение в «Конспект» свидетельствует о чрезмерной упрощенности точки зрения его автора на задачи исторической науки. Если верить В. Бушуеву, «история до сих пор изучалась представителями господствующих классов, для которых характерно игнорирование классовой борьбы» (стр. 3). Вызывает недоумение, что в указываемой

В. Бушуевым «литературе» по этому вопросу упоминаются — и даже на первом месте — труды Плеханова, в том числе книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой, как известно всякому читавшему это исследование, наоборот, выясняется, какое значение имели проникнутые классовой буржуазной точкой зрения труды историков эпохи Реставрации для выработки самого понятия «классовая борьба». Эти историки «затушевывали» противоположность классовых интересов буржуазии и пролетариата, но они определенно становились на классовую точку зрения, поскольку дело шло об интересовавшей их как историков борьбе буржуазии против землевладельческой аристократии. Впрочем, на стр. 23 сам В. Бушуев применяет понятие «классовой войны в международном масштабе» к революционным войнам 1790-х годов.

«Отсюда проистекает ненаучный характер трудов буржуазных историков — либо приписывание крупной роли личным свойствам царей, министров, политических деятелей, либо погоня за мелочными фактами... или отрицание вообще возможности для истории быть наукой (Виндельбанд, Риккерт)» (стр. 3). Итак, философы Виндельбанд и Риккерт, — точку зрения которых на идиографический метод индивидуализирующих наук о культуре в отличие от номотетического метода генерализирующего естествознания В. Бушуева весьма неточно резюмирует в тезисе: «наука может быть лишь там, где есть повторяемость явлений, где возможна закономерность, история же не повторяется», — причисляются к буржуазным историкам. «Раньше» — до появления «Конспекта» В. Бушуева — «история была рассказом о действиях царей и о войнах, ограничиваясь описанием чисто внешних событий» (стр. 3). Каковы бы ни были прегрешения буржуазных историков, под чрезмерно упрощенную схему автора «Конспекта» не подходит, например, «История цивилизации в Англии» Бокля.

Далее В. Бушуев заявляет: «Истории, написанной с марксистской точки зрения, еще нет, и она в настоящее время не может быть написана, так как не произведены еще предварительные научные изыскания по ряду вопросов, которыми не интересовались или недостаточно интересовались ученые господствующих классов» (стр. 4). Конечно, нельзя «объять необъятное», но все же немало сделано как в области «предварительных научных изысканий», так и в сфере наукообразного исторического синтеза как историками-марксистами, так и исследователями, применяющими — в силу непреодолимых требований предмета исследований — марксистские методы. Обязанность составителя «Конспекта по новейшей истории Запада», казалось бы, должна заключаться именно в том, чтобы сжато резюмировать и марксистски интерпретировать сделанное историками; но В. Бушуев предпочитает скорбеть об отсутствии «предварительных изысканий», которые можно было бы непосредственно использовать для изготовления «Конспекта».

Начиная изложение английской истории с XV века, он вовсе не упоминает о «великом бунте» 1640-х годов, о левеллерах и о восходящей к ним традиции. Перечисляя английских экономистов, он не упоминает Рикардо. Упоминая лишь об арендуемых крестьянами землях, В. Бушуев обходит молчанием вопрос о крестьянском землевладении во Франции перед Великой революцией, хотя по этому вопросу имеются и солидные «предварительные научные изыскания». Говоря об идеологах, идеи которых одушевляли деятелей революции, В. Бушуев умалчивает о Мабли и даже о Морелли. Собрание нотаблей В. Бушуев называет собранием «знатных» (стр. 17), «Ролан» (?) причисляется к «блестящим ораторам» Законодательного собрания (стр. 22). Как падение Жиронды, так и падение Робеспьера В. Бушуев объясняет тем, что «система военного коммунизма» разоряла сельское хозяйство и разрывала смычку с крестьянством» (стр. 30). Ни об антирелигиозном движении 1793 года, ни об отголосках Великой французской революции в других странах — ни слова... На стр. 56 упоминается, что Маркс приходит к выработке нового мировоззрения «в парижской ссылке»... В главе «Восток» нет речи о Японии.

В краткой рецензии нет возможности отметить все неточности и ничем не оправдываемые умолчания В. Бушуева. Возникает вопрос: для кого и с какою целью издаются подобные конспекты? Что могут они дать кроме общих мест, засоряющих со-

знание, внушающих склонность удовлетворяться трафаретными решениями сложных вопросов?

А. Горнев. Парижская Коммуна. 1871 год. Издательство ЦК МОПР СССР. М. 1928. Стр. 30.

Брошюра А. Горнева о Парижской Коммуне 1871 года дает характеристику положения рабочего класса накануне Парижской Коммуны, обзор событий от 4 сентября 1870 г. до 28 мая 1871 г., сжатую, но весьма содержательную характеристику деятельности Парижской Коммуны, картину белого террора после поражения Коммуны, выяснение причин этого поражения и указание на уроки и значение Парижской Коммуны. В приложениях даны указатель литературы о Парижской Коммуне: 1) для подготовленного читателя, 2) популярной и «перечень основного материала для клубов в дни Парижской Коммуны» (стихи и отрывки для художественного чтения). Следовало отметить роль членов Интернационала и указать на принципиальные разногласия среди членов Коммуны. В перечислении военных руководителей Коммуны не упомянут Домбровский. «Мюлье» (стр. 14), повидимому, — опечатка, вместо «Люлье».

VII. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Петрашевцы. — Сборник материалов под редакцией П. Е. Щеголева. Том III. Гиз. М. 1928. Стр. VI + 389. Цена 2 руб. 50 коп.

В третьем и, повидимому, последнем томе сборника материалов по делу петрашевцев, выходящем под редакцией П. Щеголева, напечатан доклад генерал-аудиториата, т. е. той военно-судной комиссии, которая рассматривала дело петрашевцев в последней инстанции и вынесла им приговор.

До сих пор этот доклад был известен лишь в отдельных и неполных извлечениях. Теперь мы имеем его перепечатанным полностью с подлинного делопроизводства. Так как в докладе этом содержится экстракт всего делопроизводства, т. е. того огромного материала (донесения агентов, показания подсудимых, содержание отобранных у них документов, свидетельские показания, очные ставки и т. д.), который лег в основу приговора, то он представляет исторический документ первостепенной важности и позволяет составить себе представление как о характере дела, так и о той обстановке, в которой протекал «суд» над петрашевцами.

Прежде всего доклад подтверждает, что в основе дела лежала провокация. Роль внутреннего осведомителя выполнял не только агент Антонелли, введенный в кружок Петрашевского III Отделением, но и ряд других агентов, которыми были обставлены как отдельные петрашевцы, так и члены кружка Шапошникова, имевшего к петрашевцам лишь отдаленное касательство. Так, один агент, приставленный к студенту Катеневу, используя его слабость, спаивал его и подстрекал к разбрасыванию в общественных местах билетиков с ложными сообщениями о бунте в Москве и убийстве императора. Но еще более пагубную роль сыграли «откровенные показания» подсудимых, столь характерные для первых политических процессов в России. Даже такие люди, как Ахшарумов, Спешнев и сам Петрашевский, давали подобные показания. В частности благодаря Спешневу правительство неожиданно узнало о плане создания тайного общества и о замысле поднять восстание на Урале и в Сибири.

Правда, эти откровенные показания вызваны были тяжелыми условиями содержания подсудимых в Алексеевском равелине, доведшими некоторых из них до окончательного помешательства, а других, как, например, Петрашевского, до временного сумасшествия. Сама следственная комиссия вынуждена была признать, что заключение в казематах сильно расстроило здоровье и нервную систему некоторых заключенных.

Однако, несмотря на все применявшиеся ими меры моральной и физической пытки, следователи не могли установить ни существования организованного общества пропаганды, ни тайного общества, ни «всеобъемлющего плана общего движения, переворота и разрушения». Сама следственная комиссия вынуждена была в конце концов

признать, что «в сем деле исследовались преимущественно идеи, а не действия». А один из подсудимых, Тимковский, охарактеризовал кружок петрашевцев как «что-то вроде ученого конгресса». В общем здесь преобладала система Фурье с ее наивными мечтами о благодетельном правительстве и гуманных банкирах, способных дать средства на основание примерных фаланстеров, об обращении к высшим сословиям, а не к низшим, способным своим движением привести лишь к бунтам и революциям, осуждавшимся теорией Фурье. Но это не значит, что все участники кружка стояли на такой наивной позиции. Сам Петрашевский говорил о трех путях действия: иезуитском, пропагандистском и повстанческом. Головинский говорил об освобождении крестьян посредством восстания и перемены правительства. Спешнев, выдававший себя за главу партии коммунистов в России и действительно бывший первым русским коммунистом бланкистского толка, считал нужным пропагандировать «социализм, атеизм, терроризм» и мечтал о восстании рабочих на Урале и в Сибири. Он же организовал подпольную типографию, которую, впрочем, пустить в ход не пришлось и которая правительством в свое время открыта не была.

Мещанская группа, собиравшаяся вокруг табачного торговца Шапошникова и бывшая более демократической по своему составу, была и более крайней по направлению. Здесь велись разговоры и о цареубийстве (характерно, что по делу этого кружка к следствию было привлечено и несколько лиц купеческого сословия). В записке охранника Липранди, страшно раздувшего это дело, отмечается по поводу проектировавшегося создания кружка в Ростове, что паства его, «конечно, должна была состоять из местных городских обывателей среднего класса: уездных чиновников, а также и самих купцов, мещан и пр.». В общем таков и был состав петрашевцев. Липранди подчеркивает, что в то время как в заговоре 1825 года (декабристов) участвовали исключительно дворяне и притом преимущественно военные, в кружке Петрашевского, напротив, «вместе с гвардейскими офицерами и с чиновниками министерства иностранных дел рядом находятся незакончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком». И Липранди заключает, что «сеть заткана была такая, которая должна была захватить все народонаселение и действовать не на одном месте, а повсюду». Впрочем, следственная комиссия утешалась тем, что широкие революционные замыслы петрашевцев были «чужды нравам, понятиям и чувствам русского народа и войска нашего», и тем, что «Россия имеет могучие опоры противодействия, которые Европою уже утрачены: религию, преданность народа государю императору, сильное и верное войско; сверх того ее ограждают дальность расстояний, немногочисленное по пространству народонаселение и м а л о е ч и с л о п р о л е т а р и е в». (Курс. реценз.) Эти соображения, однако, не вполне успокоили Николая I, который, как это видно из его резолюции на заключении генерал-аудиториата, повысил наказание целому ряду подсудимых, и без того вынесенное военным судом в зверской степени (например Ястржембскому, Тимковскому).

Темной стороной процесса петрашевцев является участие подсудимого Черносвитова, роль которого до сих пор исследователями не выяснена. Этот бывший исправник, усмиривший в 1842 году картофельный бунт уральских крестьян, появившись в начале 1849 года в кружке Петрашевского, вел там такие разговоры, которые подсказали Спешневу мысль о возможности восстания на Урале и в Сибири. Сам Петрашевский, Ф. Достоевский и Львов считали Черносвитова провокатором. Насколько это подозрение было верно, трудно судить. По документам процесса выходит, что Черносвитов сам был оговорен Спешневым и арестован вследствие данных последним откровенных показаний. Но вот что странно: в то время как разговоры Петрашевского и Спешнева с Черносвитовым о возможности восстаний вменены были им в особую вину, обусловившую вынесение им смертного приговора, сам Черносвитов по этому кардинальному пункту, особенно интересовавшему следователей, оставлен был только «в сильном подозрении» и отделался высылкой в Вятку, причем по манифесту 1856 г. совершенно был освобожден от надзора и получил разрешение на проживание во внутренних губерниях, а затем и в столицах. Эта мягкость наказания и невыведение его в числе других преступников на площадь для объявления приговора невольно

поражают в этом деле, где за пустяковые разговоры, за речи в честь Фурье, за чтение письма Белинского к Гоголю выносились смертные приговоры.

Таково в общем содержание доклада генерал-аудиториата, являющегося одним из важнейших документов по истории петрашевцев, которая, нужно сказать, нашей исторической наукой до сих пор как следует не разработана и ждет еще своих исследователей.

Материал, собранный в третьем томе сборника под редакцией П. Щеголева, если сам по себе и является неполным, тем не менее может ориентировать будущего исследователя и указать ему как вопросы, подлежащие разработке, так и источники и пособия, могущие их осветить.

Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Том. I. Из автобиографии. Дневник 1848—1853 гг. Под ред. и с примеч. Н. А. Алексеева, М. Н. Чернышевского и проф. С. Н. Чернова. Гиз, 1928. Стр. 748.

Ввиду приближения столетней годовщины рождения Н. Г. Чернышевского Государственное издательство сочло, наконец, возможным приступить к изданию «всех, до сих пор еще не увидевших света» произведений «великого русского ученого и критика», как называл Н. Г. Чернышевского К. Маркс.

Напечатанные в уже вышедшем первом томе «Автобиография» (в двух вариантах), написанная летом и осенью 1863 г. в Петропавловской крепости, и «Дневник 1848—1853 гг.» весьма существенны для воспроизведения формирования миросозерцания того, кто «Что делать?» писал. В «Автобиографии», к сожалению, охватывающей только детство и отрочество, содержится множество бытовых деталей, в высшей степени характерных для тех слоев, с которыми приходилось соприкасаться ее наблюдательному и вдумчивому автору, с детства привыкшему не только к строжайшему и тонкому самоанализу, но и к беспристрастному анализу всего окружающего. Н. Г. Чернышевский признает, что он «рано стал смотреть свысока на понятия той семьи, в которой прошло мое детство, и со стороны логики, теории был совершенно прав... Но они не были теоретики, они были люди обыденной жизни... и были они люди честные... И такой продолжительный непрерывный пример в такое время, как детство, не мог не помогать мне очень много и много, когда пришла мне пора теоретически разбирать, что правда и что ложь, что добро и что зло» (стр. 114).

Для историка русской культуры особый интерес представляют характеристики представителей нарождавшейся прогрессивной буржуазии. В этом отношении Н. Г. Чернышевский в самом деле был чужд утопически-народнической точки зрения; недаром он писал (уже в 1883 г.), что эта точка зрения ему «всегда казалась фантастической. Мне всегда было тошно читать рассуждения о «гнусности буржуазии» и обо всем тому подобном» (Полное собрание сочинений, том X, часть 2, стр. 235).

Характерно для точки зрения Н. Г. Чернышевского следующее рассуждение: «Вообще, сколько я видел на старых и молодых людях, новые обычаи, новые понятия, имеющие существенный смысл, принимаются и легко и быстро, сопротивления им нет. Но другое дело — перемены, касающиеся только одной формы, нисколько не изменяющие существа дела, поэтому не имеющие ни житейского смысла, ни какого живого смысла; эти перемены проходят в жизнь с трудом, вызывают оппозицию. Да и нельзя: надобности в них нет, улучшения они не дают, какое право имеют они нарушать привычку?» (стр. 133).

И «Автобиография» и «Дневник» дают ценные указания на то, как совершался переход Чернышевского от «невообразимой, неудобомыслимой путаницы, внушаемой обстановкой, среди которой выросли все люди моего времени», от противоречивых убеждений, выражавшихся в правилах: «Будь честен; пьянствуй; будь добр, воруй, люди все подлецы, будь справедлив; все на свете продажно; молись богу; не пей вина, бога нет; от учения один вред; от науки все полезное для людей; законы надобно уважать; плутуй; говори всегда правду; будь ниже травы, тише воды» — к «образу моих мыслей совершеннолетнего человека» (стр. 105). С ранних лет будучи «библиофагом» (пожирателем книг), Чернышевский приобрел основательные и разносторонние

познания к тому времени, когда он «стал искать для себя убеждений более удовлетворительных, чем смесь Голубинского и Феофана Прокоповича с Ролленом в переводе Третьяковского и всяческими романами, журнальными статьями и учеными книгами всяческих тенденций — от «Вечного Жида» Сю до сочинений Дмитрия Ростовского, до Диккенса и Белинского» (стр. 33).

В дневнике Н. Г. Чернышевский отмечает, что уже в 1848 г. он не может не считать себя стоящим по своему умственному развитию наравне с сотрудниками «Отечественных записок», еще так недавно представлявшихся ему учителями. Сопоставляя указания, приводимые в «Автобиографии» и в «Дневнике», приходится признать, что этою раннею зрелостью Н. Г. Чернышевский был обязан непрерывной умственной работе, главным образом серьезному изучению истории, и по первоисточникам и по целесообразно выбираемым новейшим трудам, в особенности сочинениям историков эпохи Реставрации — Гизо и Минье. Вдумчивое, добросовестнейшее отношение к первоисточникам было для него органическою потребностью.

Само собою разумеется, впечатления 48-го года способствовали выработке определенных критериев для суждения о людях и событиях. Заслуживает внимания, что уже тогда Чернышевский высказывал весьма отличающиеся от герценовских конструкций ультра-западнические соображения о соотношении между Россией и Западом. Уже из дневника 1848—1849 г. выясняется, что конфликт между Герценом и Чернышевским был неизбежен.

Относительно выработки политических убеждений в «Дневнике» есть прямое указание на влияние традиций, восходивших к декабристам, а именно к Пестелю. А 18 сентября 1848 г. Чернышевский пишет: «Я начинаю думать, что республика есть настоящее, единственное достойное человека взрослого правление... К этому присоединяется мое прежнее, старинное, коренное мнение, что нет ничего пагубнее для низшего класса и вообще для низших классов, как господство одного класса над другим» (стр. 276). Затем Чернышевский допускает, что «единственная и возможно лучшая форма правления есть диктатура или лучше наследственная неограниченная монархия, но которая понимала бы свое назначение, что она должна стоять выше всех классов и собственно создана для покровительства утесняемых, а утесняемые — это низший класс, земледельцы и работники». И Чернышевский указывает для такой монархии назначение «быть предводительницею низшего класса», причем «должно, конечно, знать, что ее роль временная» и что она должна «стремиться к развитию человечества, хотя это должно повести к ее уничтожению. Но, добавляет он, «конечно, долго еще мне кажется ждать» этого. А пока Чернышевский признает себя «по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно» (стр. 277). Но мысли и чувства, постоянно выражаемые в «Дневнике», решительно противоречат этим абстрактным мечтаниям о том, что «лучше всего, если абсолютизм продержит нас в своих объятиях до конца развития в нас демократического духа, так что, как скоро начнется народное правление, правление de jure и de facto перейдет в руки самого низшего и многочисленнейшего класса — земледельцы + поденщики + рабочие, так чтобы через это мы были избавлены от всяких переходных состояний между самодержавием и правлением, которое одно только может соблюдать и развивать интересы массы людей». Отрешившись от этих мечтаний он пишет: «А теперь я решительно убежден в противном... Итак, теперь я говорю [самодержавию]: «Погибни, чем скорее, тем лучше; пусть народ не приготовленный вступит в свои права: во время борьбы он скорее приготовится; пока ты не падешь, он не может приготовиться... Пусть начнется угнетение одного класса другим, тогда будет борьба...» Вот мой образ мысли о России, ожидание близкой революции и моя надежда на нее» (стр. 497).

Петрашевец Ханыков, у которого Чернышевский доставал сочинения Фурье, Фейербаха и т. п. и для которого он конспектировал «Философию права» Гегеля, указал ему на наличность в тогдашней России революционных элементов. А 15 мая 1850 г. Чернышевский уже начинает думать «о тайном печатном станке»: «Определились более мысли, и вздумал так, что если доживет теперешнее состояние общества до того вре-

мени, когда я буду жить в отдельной квартире и будет у меня несколько денег, то едва ли я не буду исполнять своих планов, которые, между прочим, были и такие: если напечатать манифест, в котором провозгласить свободу крестьян, о свободе от рекрутчины (сбавку в половину налогов,— сейчас выдумал) и т. д., и разослать его по всем консисториям и т. д. в пакетах от святейшего синода и велеть тотчас исполнить...» (стр. 511). Следуют соображения о прямых и косвенных результатах, упоминания: «Я почувствовал какую-то силу в себе решиться на это и не пожалеть об этом тогда, когда стану погибать за это дело». А затем пробудилась мысль, не лучше ли написать «воззвание к восстанию, а не манифест, не употребляя лжи» (стр. 512).

Из западно-европейских социалистов наибольшее влияние на Чернышевского тогда имел Луи Блан. В этом нет ничего удивительного, так как воззрения Луи Блана во многом представляли переходную ступень от в собственном смысле утопических «систем» к сколько-нибудь конкретным программам. Чернышевский не мог не увлекаться идеей права на труд, а в скорое торжество «партии Луи Блана», т. е. французских рабочих, организованных в политическую партию, стремящуюся к осуществлению права на труд в обще-государственном масштабе, он долго верил, повторяя: «будет и на нашей улице праздник». Из того, что Чернышевский разделял эту иллюзию, вытекает, что он был далек от анархизма.

К Фурье он сразу отнесся критически и не торопился его читать; к Огюсту Конту — отрицательно; на точку зрения Фейербаха стал не сразу, и его размышления по поводу мыслей Фейербаха о религии свидетельствуют вовсе не о том, что в нем прочно держались предрассудки, а именно об умственной требовательности.

Относительно личной жизни Чернышевского «Дневник» выясняет многое. Проповедник «эгоизма» при бюджете, при котором покупка перьев и ручки являлась событием, в течение ряда месяцев отказывал себе во всем, кроме посещения кофейни для чтения книг и газет, и систематически взваливал на себя всякий представлявшийся труд, чтобы только навязывать человеку, которого он считал способным к роли предводителя будущего восстания, свои заработки и сбережения.

Конечно, обещанные Государственным издательством дальнейшие томы «Литературного наследия» Чернышевского, из которых два «уже подготовлены к печати», выяснят еще многие другие детали, имеющие существенное значение для восстановления истинного облика великого писателя.

Н. Г. Чернышевский. 1828—1928 гг. Сборник статей, документов и воспоминаний. Издание О-ва политкаторжан. М. 1928. Стр. 180.

Настоящий сборник представляет XXX книгу, издаваемую журналом «Каторга и ссылка» историко-революционной библиотеки. Он содержит: 1) написанные в Астрахани отрывки из «автобиографии» Чернышевского, не дающие ничего нового в сравнении с автобиографическим материалом, напечатанным в I томе «Литературного наследия»; 2) ненапечатанный отрывок из романа «Что делать?»; 3) примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Гервинуса; 4) воспоминания Ч. Баллода, Стахевича и помощника вилюйского исправника Кокшарского; 5) статью Ю. Стеклова «К истории «освобождения» Н. Г. Чернышевского», сообщающую ряд неопубликованных материалов, заимствованных из дел о Чернышевском.

Сообщенный Н. А. Алексеевым неопубликованный отрывок из романа «Что делать?» представляет значительный интерес. Вкратце содержание его сводится к рассказу о полицейских преследованиях, сразу обрушившихся на швейные мастерские после открытия ими магазина на Невском, о шпионской слежке, закончившейся вызовом Кирсанова в III отделение (начальник которого, конечно, «сам социалист и читает Прудона с наслаждением»), и о вынужденном отказе от расширения предприятия, принужденного «сжаться» и застыть на достигнутом уровне. В высшей степени характерно, что в конце отрывка Чернышевский прямо заявляет, что всю историю с кооперативными мастерскими он придумал: «Их нет в нашем любезном отечестве». Все это показывает, насколько неправ был Плеханов в своей оценке романа, в котором он хотел видеть лишнее доказательство утопизма Чернышевского, не понимавшего, дескать, зна-

чения политических условий и в этом отношении стоявшего будто гораздо ниже Лассаля, и насколько правы были возражавшие ему Русанов и Стеклов, указавшие, что для Чернышевского мастерские играли только роль агитационного приема, а вовсе не свидетельствовали о наивной надежде Чернышевского на возможность широкого развития ассоциаций при сохранении самодержавия.

Значительный интерес представляют также и примечания к Гервинусу, к сожалению, слишком отрывочные и незаконченные. Среди высказанных здесь Чернышевским мыслей обращает на себя внимание замечание его по поводу «коренной мысли Бокля, что история движется развитием знания». Как известно, Плеханов и шедшие по его стопам обвиняли самого Чернышевского в таком взгляде на исторический процесс и на этом основании объявляли его сторонником исторического идеализма. С этой точки зрения любопытно возражение Чернышевского против основной мысли Бокля. «Если,— замечает он,— дополнить это верное понятие политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обусловливались развитием трудовой жизни и средств материального существования». Что здесь в зародыше выражена мысль о значении развития производительных сил как основном факторе исторического процесса, вряд ли можно спорить.

В воспоминаниях Стахевича, одно время находившегося вместе с Чернышевским на каторге, сообщается несколько фактов об отношении Чернышевского к Марксу, к сожалению, лишь слегка намеченных и не дающих возможно ти сделать определенные выводы. От Стахевича мы узнаем, что в тюремной библиотеке Чернышевского имелись две работы Маркса на немецком языке: «Zur Kritik» и «Kapital», том I. Но Стахевич рассказывает больше о с в о е м отношении к этим книгам, чем об отношении к ним Чернышевского. Из слов последнего он приводит только замечание, что русская публика, прочитав у Маркса о деятельности фабричных инспекторов, захочет получить такой же институт и у нас, но того не поймет, что при самодержавном режиме он будет искажен. Повидимому, отзывы Чернышевского о работах Маркса носили положительный характер. Об этом можно судить по тому, что Стахевич, рассказав о том, что на первом томе «Капитала» кем-то сделана была надпись: «пустословие в социальном духе», спешит прибавить, что ничего подобного Чернышевский ему не говорил, и высказывает предположение, что эту надпись сделал М. Михайлов или кто-либо другой из политкаторжан. Там же рассказывается о симпатиях Чернышевского к Робеспьеру, и со слов самого Чернышевского подтверждается версия относительно того, что Рахметов и описанный Герценом Бахметьев — одно и то же лицо.

Воспоминания обывателя-чиновника Кокшарского показывают нам Чернышевского в ссылке. В частности они рисуют его непримиримое отношение к представителям царизма, даже самым мелким и сравнительно беззлобным: характерно, что при недурном в общем отношении к Кокшарским Чернышевский ни разу за все годы ссылки не выпил у них стакана чаю. За пять лет службы Кокшарский никогда не видал Чернышевского здоровым: «Нервы его были настолько расшатаны, что разговор его походил скорее на стоны». Судя по воспоминаниям Кокшарского, Чернышевский сознавал, что жизнь его в сущности кончена.

Рассматриваемый сборник удачно открывает серию юбилейных изданий, вызванных исполняющейся на-днях столетней годовщиной со дня рождения знаменитого писателя. Пожелаем этой книге заслуженного успеха.

Материалы для биографии М. Бакунина. Б а к у н и н в П е р в о м И н т е р н а ц и о н а л е. Том III. Редакция и примечания Вячеслава П о л о н с к о г о. Гиз. М. 1928. Стр. IX + 602. Цена 5 руб.

В рассматриваемую книгу вошел ряд статей и писем Бакунина, относящихся к эпохе I Интернационала. Кроме того сюда включены: статья В. Полонского «Бакунин в Первом Интернационале», два письма Нечаева, глава из воспоминаний Тучковой-Огаревой, письма Энгельса к Куно и обширные извлечения из направленных против

Альянса брошюр: «Минимый раскол в Интернационале» и «Международный Альянс социалистической демократии». В общем получился пухлый том в 600 страниц и ценою в пять рублей.

Зачем понадобилось включать сюда все названные нами работы, не принадлежащие Бакунину (не считая двух писем Нечаева, в которых авторство или сотрудничество Бакунина вероятны), непонятно. Если печатать все то, что относится к Бакунину, то можно набрать материалов не на один, а на несколько десятков томов. Тем более, что все эти работы или уже опубликованы (как статья В. Полонского в № 2 «Историка-марксиста», глава из воспоминаний Огаревой-Тучковой в «Печати и революции», письма Энгельса к Куно — там же), или вскоре будут опубликованы в полном виде, как названные две брошюры против Альянса. Об этом сообщает сам редактор рассматриваемой книги. А в таком случае какой смысл имеет печатание этих брошюр в произвольных выдержках, занимающих притом свыше 80 страниц книги? Неужели потому только, что кому-то не терпится сказать «первое слово», вдобавок первое в весьма относительном смысле, ибо специалистами эти брошюры давно известны в подлиннике и полностью, а в том виде, в каком их дал В. Полонский, они абсолютно никому не нужны.

Не лучше ли было включить вместо них другие документы, принадлежащие самому Бакунину и относящиеся к данному периоду? Но сейчас мы увидим, почему редактор сборника предпочел избрать «благую часть» и, не утруждая себя розысками, требующими труда и времени, преподнести читателю сборник именно в таком виде, в каком он лежит перед нами.

Неопубликованного в п е ч а т н о м виде материала в сборнике вообще нет. Все, что в нем имеется, уже было напечатано. Многое (например: программа Общества международной революции, письма к Марксу, к Альберу Ришару, к Набруцци, к интернационалистам Романьи, к испанским альянсистам, письмо о брошюре «Мнимый раскол», в газету „Journal de Genève“, к Юркской федерации) опубликовано по-русски, а некоторые вещи и не однажды. Остальное напечатано на иностранных языках (по-французски и по-немецки), причем преимущественно в книгах, не составляющих редкости, и только письма Бакунина-Нечаева взяты из «Volksstaat».

Таким образом 226 страниц книги представляют перепечатку из русских изданий (и притом, что особенно любопытно, вышедших за последние два года), 256 страниц — переводы из общедоступных иностранных книг (частью из сочинений Бакунина на французском, но главным образом из немецкого издания избранных сочинений Бакунина, составленного М. Неттлау), и только 20 страниц переведены из газеты „Volksstaat“, и 16 страниц перепечатаны из русской чикагской газеты. Остальное составлено из комментариев редактора и примечаний, которые он тоже скромно приписывает себе, хотя, как мы покажем, совершенно напрасно. Словом, оригинального, если так можно выразиться, материала на том в 600 с лишним страниц с трудом наберется каких-нибудь два печатных листа.

Какую цель преследует издание этого огромного тома? Автор спешит пояснить нам это. Без главы о Бакунине немыслима история I Интернационала; а так как эта история проходится в вузах и рабфаках, то «и деятельность Бакунина не может остаться неизученной досконально». Следовательно, выпуск этой книги преследует, так сказать, учебные цели.

Но так ли это? Способна ли рассматриваемая книга помочь «доскональному» изучению деятельности Бакунина в период I Интернационала? Автор, которому лучше других известна механика подготовления этого толстого тома и который знает, что и другие об этой механике догадаются при первом взгляде на книгу, спешит предупредить возможный упрек и заявляет: «Это не значит, что в настоящий том вошли все относящиеся сюда документы и материалы. Мы принуждены (?) были ограничиться привлечением лишь важнейших из них». И чтобы выставить во всем блеске добросовестность, с какою он подбирал эти «важнейшие» материалы, он прибавляет, что извлек их из «немецких, французских и американских изданий». Даже американских! Чего еще можно требовать от ученого исследователя?

Увы, при ближайшем рассмотрении оказывается, что все эти разговоры ставят себе целью замаскировать основной дефект книги, делающий ее неполной, случайно составленной, ненаучной (чтобы не выразиться резче) и к употреблению негодной. Громкие «американские» источники сводятся к одному номеру чикагского журнальчика «Голос труженика» на русском языке, откуда перепечатана статья Бакунина «Интриги г. Утина». Таинственные французские источники — это томы IV и V «Oeuvres» Бакунина, изданные в Париже (цена тома 3 фр. 50 сант.), откуда взяты письма в «Réveil» и Liberté». И наконец, солидные, основательные, глубоко научные немецкие источники, откуда взято главное содержание разбухшего тома, — это просто-напросто популярное издание избранных произведений Бакунина, выпущенное в Берлине в 1924—1926 гг. Максом Неттлау.

Материал, собранный или, вернее, набранный В. Полонским в рассматриваемой книге, весьма и весьма неполон. Из бакунинских писем, статей и программ, относящихся к этому периоду, в книге приведена только малая часть. Почему? Потому, что единственным источником В. Полонского служило немецкое издание избранных произведений Бакунина, выпущенное Неттлау, точнее сказать, третий том этого издания. Поэтому в книгу Полонского вошло только то, что привел Неттлау. То, чего Неттлау в данном печатном издании не счел нужным привести, то осталось для В. Полонского книгой за семью печатями. И вовсе не потому, что, как он выражается, «литературное наследие Бакунина далеко не приведено еще в известность». Далеко не все напечатано — вот как надо было бы сказать. А это — другое дело.

Ведь всем известно, что существует трехтомная литографированная биография Бакунина, напечатанная тем же Неттлау. В ней все те документы, которые приведены им в немецком переводе в указанном издании избранных произведений Бакунина, даются в оригиналах. Но кроме них там даны еще и те относящиеся к рассматриваемому периоду произведения Бакунина, которых нет в популярном издании.

Ясно, что В. Полонский должен был не ограничиваться популярным немецким изданием, а обратиться к литографированной биографии, где он нашел бы и другие документы, а не имел права мотивировать неполноту своего издания мнимой ссылкой на то, что литературное наследие Бакунина до сих пор не приведено еще в известность (для кого?). Тем более, что в литографированой биографии документы крайне редко даются сразу целиком, а обыкновенно разбиты на ряд отрывков, составить из которых одно целое не совсем просто.

Но этого мало. Наш редактор неоднократно огорашивает неискушенного читателя указанием, что он приводит эти документы по «новейшей» немецкой публикации. И читатель, знакомый с немецкой основательностью и уложенный в лоск ссылкою на «новейшее» издание, не догадывается, какое, скажем, научное легкомыслие скрывается за этими мистическими словами. А дело вот в чем. Все вошедшие в рассматриваемый сборник документы написаны Бакуниным по-французски (кроме писем в «Volksstaat»). В том же дешевом издании избранных произведений все эти документы даны в немецком переводе. Правда, В. Полонский гарантирует нам точность неттлауских переводов, но какую цену имеет эта гарантия, если наш редактор французских оригиналов не видел, а значит, сравнивать с ними немецкий перевод Неттлау не мог? Но главное даже не в этом. Пусть Неттлау переводит прекрасно. Но имел ли наш редактор право преподносить русскому читателю научный сборник исторических документов, переведенных не с оригиналов, а с переводов на другой иностранный язык? В истории бывали такие случаи, когда оригиналы исчезали бесследно, и потомство принуждено пользоваться переводами. Но ведь бакунинские документы не пропали, они приводятся тем же Неттлау! Да, приводятся, но только не в дешевом печатном издании, а в писаном виде и притом в разбивку. Чтобы составить из этих отрывков единое целое, надо поработать и даже очень. И вот появляются сборники документов, произвольно подобранных и переведенных не с оригиналов, а с переводов.

Да, но зато примечания! Увы, и с примечаниями дело обстоит весьма неблагополучно. Прежде всего большинство их просто заимствовано у того же Неттлау, опять-таки не из большой литографированной биографии, а из популярного немецкого изда-

ния. При этом с нашим переписчиком примечаний случаются курьезы: некоторые иностранные слова он не в состоянии правильно прочитать и дает им фантастическую транскрипцию (например, Ф. Пелиссе вместо Фарга Пелисер); в других случаях он принимает вставки Неттлау за слова самого Бакунина (например, на стр. 577 указание статьи со ссылкой на страницу и столбец итальянского журнала). Отмечать все эти курьезы было бы слишком скучно и долго.

Но и с собственными примечаниями редактора дело обстоит не лучше, вернее — еще хуже. На протяжении всей книги он упорно называет переписку Бакунина «зашифрованной». Это лишний раз показывает, что оригиналов их он в глаза никогда не видал. Они не зашифрованы, а в некоторых местах, например, при названии имен, и то очень редко, употребляются условные обозначения (т. е. тоже имена, но другие). Только в одном испанском письме имеются две-три цифры или буквы для обозначения Альянса, Мадрида и пр. Далее несколько раз «редактор» называет Альянс «швейцарским Альянсом». А последним можно было бы назвать только швейцарский национальный комитет Альянса (тогда пришлось бы французский комитет называть французским Альянсом и т. д.), но автор примечаний и предисловий имеет в виду не его, а как раз международный Альянс, структуру коего он неясно себе представляет (увы, в популярном издании Неттлау это не разъясняется). Мелких ошибок в примечаниях не оберешься, и мы сейчас не станем их приводить. Но на одну их группу мы все же считаем нужным обратить внимание читателей.

Наш ученый редактор, перепечатывая полными пригоршнями давно опубликованные материалы (относительно части которых он позволяет себе утверждать, что публикует их впервые, тогда как они опубликованы уже давно), не потрудился для настоящего издания хотя бы просмотреть свои примечания, сделанные им два года тому назад, и внести в них соответствующие исправления. Ему и до сих пор неизвестно то, что известно каждому посетителю выставки Маркса и Энгельса, а именно что Бакунин познакомился с Марксом уже весною 1844 г. Благодаря незнакомству с литературою предмета, даже русской, он повторяет свои старые ошибки (впрочем, тоже списанные у других), например на стр. 592, где он смешивает письмо Лафарга в «Юрский бюллетень» с его испанской брошюрой против Альянса. Испанскую конференцию в Валенсии 1871 г. он называет съездом; не поняв переписываемого им Неттлау, он уверяет, что бакунисты предполагали на бельгийском конгрессе в мае 1872 г. провести изменение устава Интернационала, тогда как на самом деле на этом конгрессе был предложен новый проект устава, который подлежал обсуждению в Гааге; он смешивает capital (капитал) с capitale (столица); он рассказывает, что в статье Неттлау «Бакунин и Интернационал в Испании», напечатанной в грюнбергском «Архиве», «подробно рассказана история организации и развития Альянса в Испании», чем наводит на подозрение, что он и этой статьи (на этот раз уже напечатанной!) не читал: во всяком случае он нигде ее не цитирует; он уверяет, что письмо к интернационалистам Романьи только в 1924 г. впервые полностью увидало свет, не понимая всего комизма этого примечания; он излагает инцидент с временным роспуском Альянса на съезде в Шапонере (а не в Женеве, как он говорит в другом месте) не по Неттлау, который об этом рассказывает подробно, а по Гильому, сообщающему об этом очень мало.

Вывод ясен. Третий том материалов для биографии Бакунина представляет совершенно ненужную книгу, не выдерживающую никакой критики ни со стороны полноты, ни со стороны научности, ни со стороны полезности.

Н. Цвиленев. Революционер-рабочий Петр Алексеев. (Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка», 1927 г., № 26.) Изд. всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев. М. 1928. Стр. 28.

Н. Цвиленев приводит свои воспоминания и впечатления о Петре Алексееве. Яркий образ героя процесса 50 вырисовывается конкретно, чему способствуют выдержки из писем Петра Алексеева.

Характерно, что после смерти П. Алексеева, убитого якутами с целью грабежа, Департамент полиции разослал в ноябре 1891 г. циркуляр, в котором упоминалось,

что «Петр Алексеев представляет собой вполне законченный тип революционера-рабочего, закоренелого и стойкого в своих убеждениях, и едва ли после побега он удовлетворится пассивной ролью, а, напротив, воспользуется обаянием своего имени в революционной среде и, несомненно, перейдет к активной деятельности, которая может оказаться, в особенности же в пределах империи, весьма вредной для общественного порядка и безопасности». Дополнением к этой характеристике является отзыв адвоката В. Д. Спасовича, воскликнувшего под непосредственным впечатлением знаменитой речи П. Алексеева на процессе 50: «Да это настоящий народный трибун!»

В. Левицкий (В. О. Цедербаум). «Партия «Народная воля». Возникновение, борьба, гибель». Гиз. М. 1928. Стр. 210.

Как это ни странно, но у нас не только нет общих работ по истории социально-революционного движения в России, но не существует и монографий, посвященных отдельным наиболее крупным его течениям (если не считать работ по истории ВКП, начавших появляться за последние годы). Таких политически малограмотных произведений, как Кульчицкого, Глинского и т. п., или такой слишком краткой и иностранцем написанной книжки, как Туна, считать, разумеется, не приходится. Равным образом приходится отвергнуть и такие тенденциозные «исследования», как труды В. Богучарского по истории народничества и народовольчества, предназначенные к возвеличению кадетской умеренности и аккуратности и являющиеся в большей мере публицистикой (и прескверного пошиба), чем историей. Даже по истории такой партии, как «Народная воля», сыгравшая огромную роль в нашем общественном развитии, существуют только отдельные мемуары, статьи и т. п., до сих пор не сведенные воедино и не дающие полной картины этого замечательного исторического явления.

С этой точки зрения появление книжки В. Левицкого можно было бы приветствовать, если бы в ее лице мы имели дело с глубоким историческим исследованием, основанным на изучении и критической проработке всего имеющегося материала и дающим целостную картину этой знаменательной полосы русского революционного развития. В действительности книжка Левицкого представляет популярное изложение части существующего материала и ставит себе не цели оригинального научного исследования, а задачи ознакомления широко читающей публики с некоторыми фактами из истории движения конца 70-х и начала 80-х годов, связанных с деятельностью партии «Народная воля». Впрочем, при отсутствии и таких книг на нашем рынке приходится оценить появление книжки Левицкого положительно.

На протяжении одиннадцати глав своей работы автор рассматривает вопросы о народничестве и революционной интеллигенции, о хождении в народ, возникновении и разложении «Земли и воли», о «Народной воле», ее программе, идеологии и организации, ее террористической деятельности, ее пропаганде среди рабочих, ее военной организации, деятельности среди студенчества и общества, влиянии 1 марта 1881 г. на общество и правительство, заграничных связях народовольцев, упадке партии и, наконец, об эволюции чернопередельчества. Уже одно перечисление затронутых автором тем показывает, что на протяжении двухсот страниц невозможно рассмотреть все эти вопросы с достаточной полнотой и конкретностью.

Автор правильно исходит из той (подчеркнутой, впрочем, еще Мышкиным в своей знаменитой речи на процессе 193) мысли, что корни интеллигентского, как он по традиции выражается, периода русского революционного движения, нашедшего свое завершение в деятельности народовольцев, лежат в крестьянской реформе 1861 г. Половинчатость этой реформы породила движение, которое, какие бы субъективные обоснования оно ни выдвигало, в основе своей объективно преследовало две задачи: политическое преобразование и коренную аграрную реформу, которые по существу связывались общим стремлением к свержению самодержавия. Оба эти мотива, временно расходившиеся и даже противопоставляющие себя друг другу, определяли собою характер движения 70-х годов, причем в партии «Народная воля» преобладал первый мотив.

В аполитицизме народничества отражалась крестьянская психика; в заострении политической стороны вопроса народовольцами можно усмотреть влияние либерально-

буржуазной идеологии, сказавшееся особенно после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. И объективно партия «Народная воля» была революционно-демократической партией (об этом говорит, между прочим, и обоснование деятельности среди офицерства), хотя при более благоприятных политических условиях она могла оказаться и зародышем революционной рабочей партии. Во всяком случае большинство народовольцев при всем увлечении борьбой за политическую свободу субъективно считали себя и были социалистами. В этом отношении характерно, что Желябов, который по традиции (подлежащей еще критическому пересмотру) считается представителем радикально-демократического течения в партии, предлагал включить в ее программу признание себя социал-демократами (вместо «социалисты-народники»). Если бы не своеобразие российских условий, народовольцев (во всяком случае их значительную часть) вернее всего было бы признать бланкистами. Достаточно припомнить, что они хотели с помощью декретов временного революционного правительства провести ряд радикальных мероприятий, которые поставили бы Учредительное собрание перед совершившимся фактом. Конечно, имелось и чисто-буржуазно-демократическое течение, представленное Н. Михайловским, но он в сущности стоял в стороне от «Народной воли», являясь скоре ее попутчиком, чем идеологом. Вообще же течения народническое, якобинское (бланкистское) и либеральное в «Народной воле» перепутались и с дальнейшим развитием партии, если бы существование ее не было насильственно прекращено реакцией, разошлись бы в разные стороны.

Но центральным и основным пунктом в деятельности «Народной воли» было выдвижение на первый план вопроса о политическом преобразовании, которое отвечало достигнутому уровню революционного развития и создало партии небывалую до тех пор популярность и силу. Об этом говорят и приводимые автором данные (по-нашему, даже преуменьшенные). Массовой в современном смысле партия не стала — и вовсе не потому, что она, как говорит автор, «главным средством борьбы избрала террор», а потому, что на тогдашнем уровне развития страна не выдвинула достаточного количества элементов для создания массовой организации (отсюда и террор). Ведь партия «Черного передела» террора не практиковала; однако это не помешало ей остаться еще более малочисленной и бессильной, чем «Народная воля». Народовольцы посвящали много сил пропаганде среди рабочих. У них были рабочие кружки во всех главных городах, причем в Питере и Москве по тогдашнему времени довольно порядочные. Но вся эта работа прошла почти бесследно, и именно потому, что в тот момент пролетариат еще не созрел для самостоятельных классовых выступлений. Это произошло только в следующий исторический период, в результате дальнейшего развития капитализма.

Здесь кстати нужно отметить, что автор, следуя установленной традиции, истолковывает известные слова из «Подготовительной работы партии» насчет того, что «городское рабочее население имеет особенно важное значение для революции», в том смысле, что рабочие, дескать, рассматривались народовольцами как своего рода «пушечное мясо» в деле низвержения самодержавия. В действительности смысл этого положения совершенно иной. Народовольцы по существу все-таки оставались народниками. Для них народ — это было главным образом крестьянство. Их социализм был по преимуществу крестьянским, а не пролетарским, хотя уже со значительными трещинами. По народнической традиции они смотрели на пролетариат как на часть того же крестьянства (чем в то время он в значительной мере и был) и как на связующее звено между революционной партией и крестьянской массой, к которой непосредственного доступа социалисты не имели. Сопоставляя народовольчество не с последующей стадией движения (социал-демократия), а с предшествующей, мы убедимся, что и в этом пункте они сделали шаг вперед, признав важное значение рабочих как для самого совершения политического переворота, так и для обеспечения плодов его за трудящимися массами, а не за буржуазией. Об этом определенно говорят следующие слова из цитируемого В. Левицким абзаца: «С другой стороны, городские рабочие в силу своего положения явятся представителями чисто народных интересов, и от их более или менее активного отношения к восстанию, к мерам временного правительства, к самому составлению временного правительства значительно зависят весь характер движения

и степень полезности революции для народа». Разве это не справедливая мысль и разве это похоже на отведение рабочим роли «пушечного мяса»?

В непонимании исторической роли пролетариата повинны не столько народовольцы, сколько их критик. «Деятельность народовольцев, — говорит он, — протекала в городах, вдали от народа» (стр. 167). Но разве в городах не было народа, разве между городом и деревней не существовало никакой связи? Наиболее восприимчивая часть народа, городские рабочие, наполовину состоявшие из крестьян, были всколыхнуты деятельностью народовольцев. И если самодержавие, разгромив народовольческое движение, все же принуждено было в разгар реакции приступить к законодательным мерам по охране труда, то в значительной степени русский рабочий класс обязан был этим страху перед революцией, нагнанному на правительство «Народной волей». О том, что деятельность «Народной воли» и опасение ее возобновления вырвали у царизма начатки фабричного законодательства, В. Левицкий, повидимому, и не догадывается, хотя приводимая им на стр. 164 цитата из доклада министра внутренних дел, относящегося к 1880 г., должна была бы натолкнуть его на эту мысль.

Несмотря на небольшие размеры своей книги, Левицкий умудрился нагородить в ней множество неверных утверждений. Так, относительно 60-годов и в частности Чернышевского автор рассказывает сказки насчет их политического индиферентизма, причем Чернышевского относит к более «умеренному» крылу шестидесятников (стр. 15—20). Известные слова В. Панаева: «Умрите за общинное начало» он приписывает Чернышевскому (стр. 17). В сильнейшей степени преувеличено значение «больной совести» в зарождении народнической идеологии; то же следует сказать о «почти христианском настроении» первых народников-практиков, несмотря на аналогичные заявления Кропоткина и Степняка (стр. 12, 27, 34). Неточны заявления автора о чайковцах (стр. 31—33). Неверно, что большинство революционеров отнеслось к чигиринской попытке Стефановича отрицательно (стр. 49). Витенберг и Логовенко собирались взорвать в Николаеве не царский поезд, а пристань (стр. 57). Неверно, будто Исполнительный комитет «Народной воли» состоял из людей «около 30 лет и старше»: таких в нем было меньшинство, большинство же не имело 30 лет отроду (стр. 95). И совсем уже непонятно, каким образом можно говорить о 99% членов Исполнительного комитета, которых всего было 28 (там же). Ошибка, будто взрыв 5 февраля 1880 г. «совершенно разрушил» помещение царской столовой, когда он слегка повредил только пол (стр. 100). Цитируя речь лейтенанта Суханова (стр. 125), Левицкий забывает, что к речам подсудимых народовольцев на суде, где многие из них продолжали вести «политику», следует относиться осторожно и с критической проверкой, как на это уже указывалось в литературе. Неверно, что сатрапию Лорис-Меликова окрестили «диктатурой сердца» либералы (стр. 155). Неверно, что в издании «Вольного слова» участвовали земцы (стр. 162), ибо оно было органом священной дружины. Равным образом неверно, что эта организация «сперва» называлась «Добровольной охраной», «а потом» «Священной дружиной» (стр. 168), когда это были две части одной и той же организации. Нельзя категорически утверждать, что руководители Священной дружины не получили от правительства полномочий на переговоры с народовольцами (там же), если Александр III был в курсе этих переговоров.

Оставляя в стороне другие ошибки автора, прибавим еще, что у него неудобная манера почти нигде не указывать источников своего осведомления. Даже там, где он об этом источнике упоминает, он ограничивается названием фамилии (Фигнер, Тихомиров, Аксельрод и т. п.), не указывая точно ни заглавия цитируемой работы, ни страницы (например, стр. 69, 70, 71 и пр.). Далее в книге много опечаток, и притом неоговоренных, например: Инатов вместо Игнатов, Лисевская вместо Лисовская, Сенягин вместо Сентянин и т. п. (стр. 62, 110, 128). Специалист может заметить эти опечатки, рядовой же читатель, для которого предназначена рассматриваемая книга, будет только сбит ими с толку.

Курьезной чертой книжки Левицкого является запоздалая попытка автора деятельностью «Народной воли» оправдать меньшевизм и осудить стремления к одновременной политической и социальной революции. В таком стремлении обвиняются Тихо-

миров и Ошанина; Желябов же, А. Михайлов и др. удостоиваются похвалы за то, что «они поняли, что между моментом политического переворота и социализмом пройдет известный исторический период» (стр. 204). Автор даже довольно недвусмысленно намекает, что преемниками народовольцев явились как раз меньшевики: «Прежде всего унаследовали от народовольцев эту п о л и т и ч е с к у ю идею [борьбы за политическую свободу] социал-демократы, последователи группы «Освобождение труда» (стр. 208). Естественно, что для Левицкого история прекращается на Февральской революции 1917 г., осуществившей, дескать, заветы «Народной воли» и группы «Освобождение труда». Октябрьская революция, надо полагать, была от лукавого, Тихомирова и Ошаниной (стр. 206). И когда в заключение книжки автор спешит нам поведать, что «революция 1917 года [какая? Февральская или Октябрьская?] осуществила, между прочим, и те задачи, которые стояли перед народовольцами: освобождение России от гнета самодержавия и наделение крестьян землей» (стр. 210), то мы вправе заметить ему, что в своем стремлении прикрыть меньшевизм великой тенью «Народной воли» он оказывает последней слишком много чести, но вместе с тем и бесчестия, ибо народовольцы были и социалистами, не собирались расчистить путь для торжества буржуазии и не забывали, подобно Левицкому, о том, что кроме крестьян и наделения их землей существуют и пролетариат и присущая социализму основная задача добиться экспроприации экспроприаторов, что и было осуществлено не просто революцией 1917 г., а Октябрьской революцией 1917 года.

Несмотря на эти недостатки, несмотря на сухость изложения, не дающего читателю действительного представления о красочности и величии борьбы партии «Народная воля», книжка Левицкого при бедности нашей литературы по рассматриваемому вопросу может принести свою пользу в качестве популярной сводки материалов по истории партии, вписавшей своими деяниями славную страницу в летописи социально-революционного движения в России.

Д. Благоев. М о и в о с п о м и н а н и я. Гиз. М. 1928. Стр. 68. Цена 30 коп.

Напечатанные в рассматриваемой брошюре воспоминания были составлены т. Благоевым в 1923 г., примерно за год до его смерти. Записывала их его дочь под его диктовку. Первая половина их была в 1924 г. опубликована в болгарской газете «Звезда», впоследствии закрытой. На русском языке они появляются впервые полностью.

Ввиду роли, сыгранной Благоевым в истории как русского, так и болгарского социализма, воспоминания его возбуждают естественный интерес. К сожалению, составлял он их в преклонные годы и в болезненном состоянии, вследствие чего они не во всех частях одинаково подробны и освещают не все занимающие нас вопросы. Но их простота, безыскусственность и глубокая искренность делают эти немногословные записки своего рода человеческим документом, характерным для психологии старого испытанного бойца.

Юные годы этого крестьянского сына, подобно молодости других болгарских революционеров, прошли под знаком борьбы за национальное самоопределение угнетенного народа. Тяга в Россию, которая представлялась тогдашней передовой болгарской молодежи какой-то обетованной страной, толкнула и Благоева на поездку в Одессу, где он рассчитывал поступить в гимназию. Но это не удалось, и Благоев принужден был поступить в семинарию (здесь же учился с ним и Янко Саказов, впоследствии известный болгарский меньшевик), где он, впрочем, оставался недолго, уйдя оттуда в реальное училище. А затем, привлекаемый рассказами о жизни столичного студенчества, Благоев в начале октября 1880 г. перебирается в Петербург, где поступает вольнослушателем в университет. Здесь он становится настоящим умственным пролетарием, перебивающимся случайными заработками, бедствующим и голодающим, подобно значительной массе русского студенчества.

Под влиянием революционной студенческой группы, в которую ввел его В. Харитонов, Благоев не только спасся от физической гибели, но и сделал крупный шаг вперед в духовном отношении, заинтересовавшись русским революционным движением

и приступив к его изучению по тогдашним скудным источникам («Вперед», «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел»). Русские социально-политические направления Благоева не удовлетворили. Тогда он принялся за первый том «Капитала» Маркса и русский перевод сочинений Лассаля, чтобы, как он выражается, ознакомиться с социализмом по первоисточникам. Посвятив на изучение их зиму и весну 1882—1883 гг., Благоев пришел к выводу, что Россия вступила на путь капиталистического развития и что социальная революция возможна в ней только как рабочая, пролетарская революция, так что главная задача социалиста заключается в организации рабочих, развитии в них классового сознания и в подготовлении экспроприации экспроприаторов.

О своих новых взглядах Благоев поспешил довести до сведения членов той студенческой коммуны на Васильевском острове, где он жил. Повидимому, эти взгляды к середине 1883 г., после разгрома основных кадров «Народной воли» и «Черного передела» уже не казались такой страшной ересью. По крайней мере, Благоев не рассказывает о каких-либо серьезных возражениях против внесенных им предложений. Решено было к осени 1883 г. созвать собрание знакомых студентов и старых чернопередельцев, чтобы положить основание социал-демократической группе. Это и было осуществлено в начале зимы того же года. Так появилась первая социал-демократическая группа в России, причем совершенно независимо от заграничной группы «Освобождение труда».

Соответствующее место воспоминаний Благоева естественно оттеняет его личные переживания. Но оно способно произвести на читателя такое впечатление, что первые социал-демократические идеи в России явились в виде какого-то deus ex machina, выйдя чуть ли не готовыми из головы отдельного человека. Сам Благоев спешит, впрочем, подчеркнуть, что пропаганда среди рабочих имела за собою в тогдашней России уже почтенную давность и что деятельность основанной им и его товарищами группы, хотя и отличалась многими новыми чертами, являлась продолжением социалистической деятельности среди рабочих со времен 70-х годов. Характерно, что и на учредительном собрании первой социал-демократической группы возражений против ее создания и характера было немного (в чем они заключались, автор не сообщает). Ясно, что идея эта к рассматриваемому моменту была уже не единоличной, что она носилась в воздухе, что к ней начали приходить различные люди и в разных местах, в России и за границей. Причины указывает сам Благоев: это — банкротство прежних революционных течений и усиленное развитие капитализма в стране. К сожалению, он умалчивает о составе группы, анализ какового мог бы дать материал для некоторых выводов.

Успех пропаганды среди рабочих подбодрил группу и внушил ей мысль об издании газеты «Рабочий», первый номер которой вышел в начале февраля 1885 г. Вскоре после этого Благоев был арестован и выслан из России. Дальнейшая деятельность его протекала в Болгарии, и ей посвящена вторая, более короткая, часть брошюры.

Еще во время подготовки первого номера «Рабочего» из-за границы получена была брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба». Для группы «Рабочего» это было целым событием, и она поспешила вступить в сношения с группой «Освобождение труда». Уже находясь в Болгарии, Благоев в августе 1885 г. получил от Плеханова проект программы группы «Освобождение труда». По этому поводу, у него началась переписка с Плехановым, которому Благоев предложил внести в программу некоторые поправки (к сожалению, эта переписка сгорела вместе с библиотекой Благоева в 1899 г.). Какие-то поправки, судя по словам Благоева, Плеханов принял. В конце концов Благоев решил рекомендовать петербургской группе принять женевскую программу, которую он и послал ей вместе с согласованными поправками (по вопросу об этих переговорах насчет первой социал-демократической программы недавно появилась статья Б. Николаевского в «Каторге и ссылке»). В этом пункте воспоминания Благоева дают некоторые новые материалы для истории первой программы российской социал-демократии.

В конце своей интересной брошюры Благоев рассказывает о своей встрече с Плехановым на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене. «Ну, т. Благоев, — воскликнул Плеханов, — наша победила». Это было через пять лет после революции 1905 г. Плеханов хотел этими словами сказать, что старое их убеждение, что в России революция может победить только как рабочая революция, подтвердилось.

Но когда окончательно это выяснилось во время революции 1917 г., Плеханов восстал против нее. «Какое падение!» — с горечью восклицает по этому поводу Благоев, оставшийся до конца верным своим старым взглядам.

В заключение не можем не указать на недопустимую небрежность, с какой эта брошюра издана Госиздатом. Благоеву, писавшему свои воспоминания чуть ли не через сорок лет после оставления им России, дозволительно было ошибаться относительно названия лиц и книг, но неужели никто не просматривал его брошюру в Госиздате, или неужели тот, кто ее просматривал, делал это настолько небрежно и настолько незнаком с предметом, что мог оставить без всякого исправления или оговорки невольно допущенные автором описки? Так, Людмила Волькенштейн на протяжении всей брошюры упорно именуется Фолькенштайн; рассказывается, что в 1905 г. она была во Владивостоке убита вместе со своим мужем доктором Фолькенштайном (стр. 35); в русской легальной литературе Благоев якобы читал несуществующие книги «Очерки политической экономии» Чернышевского и «Капитал Маркса» Зибера (стр. 30); первая брошюра Плеханова называлась, видите ли, «Политика и социализм»! (стр. 43) В маленькой брошюре столько досадных промахов — не много ли это?

Несмотря на эти погрешности издательства, брошюра представляет ценный вклад в историю социализма и заслуживает широкого распространения. Этому должна способствовать и невысокая ее цена.

Н. Л. Сергиевский. «Рабочий», газета партии русских социал-демократов (благоевцев). Изд. «Прибой». Л. 1928. Стр. 84.

Н. Л. Сергиевский весьма своевременно воспроизвел два номера газеты «Рабочий», органа партии русских социал-демократов — № 1, январь 1885 г., и № 2, июль 1885 г. Кроме письма Г. В. Плеханова к петербургским рабочим кружкам, озаглавленного «Современные задачи русских рабочих» и намечающего задачу превращения «союза тайных рабочих кружков в открытую социал-демократическую партию», и корреспонденции П. Аксельрода «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия», чрезвычайно интересны: «Программа рабочих», в которой констатируется, что «рабочий народ представляет единственную (курсив подлинника) силу, которая может бороться с правительством», и возвещается, что «если выдвигаемые рабочими требования не будут добровольно исполнены, то рабочие при первом удобном случае заставят силой уступить им»; статья «Рабочий народ и правительство»; воззвание по поводу фабричных волнений в Московской и Владимирской губерниях, в котором намечается образование рабочей партии с определенной программой требований и подчеркивается, что «мелкая разрозненная борьба против отдельных личностей не должна увлекать наилучшие элементы рабочего люда». Во «Внутреннем обозрении» обращается внимание рабочих на то, что они могут вести борьбу с фабрикантами «на законном основании» и что «всякая борьба на почве общественных интересов послужит к сплочению рабочих, которое так необходимо ввиду борьбы более серьезной, более решительной». В предисловии Н. Л. Сергиевский указывает на характерные для миросозерцания тогдашних русских социал-демократов лассальянство и лавризм.

VIII. ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА.

«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», под редакцией Д. Рязанова. Книга третья. Гиз. М. — Л. 1927. Стр. 519. (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.)

Кроме научно-исследовательских статей (А. Деборин, Е. Тарле), ряда материалов и сообщений и большого отдела рецензий, мы имеем здесь впервые опубликованные работы К. Маркса, проливающие яркий свет на генезис теории марксизма

и представляющие исключительную ценность для понимания раннего периода философской эволюции К. Маркса.

Журнал имеет четыре отдела: 1) статьи и исследования, 2) из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса, 3) материалы и сообщения, 4) критика и рецензии. В первом отделе помещены статьи: А. Деборин, Очерки по истории диалектики. Очерк второй. Диалектика у Фихте, Е. Тарле, Лионское рабочее восстание.

Отдел второй открывается вступительной статьей Д. Б. Рязанова: «От «Рейнской газеты» до «Святого семейства», в которой он дает картину истории возникновения работы Маркса «Критика гегелевской философии права».

Далее следует анализ возникновения «Святого семейства», исследование очерков и экскурсов, которые в «Архиве» объединены под общим названием «Подготовительные работы для «Святого семейства». В «Критике «Философии права» Гегеля» Маркс параграф за параграфом разбирает «Философию права» Гегеля и дает острую, уничтожающую критику ее, подчеркивая идеалистический и реакционный характер его учения о государстве. Второй отдел заканчивается «Гимназическими работами Маркса», которым предпослано предисловие К. Грюнберга.

В отделе третьем мы имеем ряд сообщений К. Грюнберга, Р. Постгейка, Косминского, Шиллера, кроме того письма М. А. Бакунина к Альберу Ришару с предисловием и примечаниями Ю. Стеклова.

Отдел критики и рецензий содержит в себе ряд статей критического характера: Луппол И., Интерпретация марксизма в Америке; Гуральский А., Проблема революции в новейшей социологии; Г. Лукач, Новая биография М. Гесса; В. Волгин, Исторический памфлет против коммунизма и ряд рецензий по философии, по историческому материализму, политической экономии и истории социализма.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Том XIX, под редакцией Д. Рязанова. Гиз М. 1927. Стр. 568. Цена 2 руб. 60 коп.

«Настоящий том хронологически составляет продолжение XV» (из предисловия стр. V). В том вошли: «Дневник социал-демократа» с приложениями: от № 9 (август 1909 г.) до № 16 (апрель 1912 г.) включительно: статьи из газеты «За партию», №№ 1—5, 1912—1913 гг.: статьи из «Правды» за 1913 г., статьи из «Единства», май и июнь 1914 г., №№ 1—4. В приложении даны: «Речи на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене», статья «Случай с Биссолати»; Интервью с сотрудником газеты «Юг», 1913 г.; три небольших письма: «В Международное социалистическое бюро», в редакцию «Невской газеты» и «Правды» и письмо-протест против ареста и суда над социал-демократическими депутатами II Государственной думы.

Содержание XIX тома — «борьба за принципы революционного марксизма», резкая критика оппортунистических тенденций меньшевизма, «ликвидаторства» и на этой почве временный отход в сторону большевизма, попытки к объединению обеих фракций. «Можно итти только по одному пути: по пути укрепления и расширения нашей нелегальной партийной организации и борьбы за идейное влияние» (стр. 20). Плеханов приветствует раскол «генеральное межевание» в большевистской фракции (отмежевание от «анархо-социалистов» Богдановых, Максимовых, Николаевых и пр.), «несмотря на то, что он увеличивает силы моих противников — большевиков» (стр. 21), и призывает к такому же межеванию в лагере меньшевиков. О «Голосе социал-демократа» он говорит: «Он так много и усердно распространялся на тему о нынешнем бессилии нашей партии, что к нему больше подходит название «Плоды меланхолии», нежели его нынешнее имя. Пора заговорить другим языком!» (стр. 68). «Убежденные марксисты, мы останемся верны девизу нашего учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается» (стр. 201).

Предисловие редактора Д. Рязанова вместе с характеристикой взглядов Плеханова периода 1909—1914 гг. дает сведения и о конкретной партийной обстановке, на почве которой происходило изменение взглядов Плеханова.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Том XXIV, под редакцией Д. Рязанова. Гиз. М. 1927. Стр. 383. Цена 2 руб. 60 коп.

В XXIV том сочинений Плеханова входят статьи начала 900-х годов, которые, как говорит в своем предисловии редактор Д. Б. Рязанов, «могли бы послужить материалом для пятой части „Истории русской общественной мысли“», и приложения, состоящие из ряда «статей и заметок Плеханова, найденных уже после выхода в свет соответствующих томов, в которых они могли бы найти себе место» (предисловие, стр. V, VI).

Начинается том статьей «Освобождение крестьян». «Умилению» Джаншиева (его книга: «Эпоха великих реформ») Плеханов противопоставляет разочарование в реформе Чернышевского, подтверждая правоту последнего подробной исторической справкой.

Краткая статья о Добролюбове и Островском дает представление о «реальной критике» Добролюбова и его мировоззрении: материалистическое в основе, оно было идеалистическим в области философии истории — непоследовательность, характерная не только для Добролюбова, но и для его учителей — Фейербаха и Чернышевского (стр. 52).

Рецензия на книгу «Стасюлевич и его современники в их переписке», тт. I — II, рассматривает переписку как «интересный документ» эпохи 70-х годов, характеризующий отвлеченный русский либерализм, бессильный по природе своей (стр. 67). «Самым замечательным документом изо всех, напечатанных» в третьем томе, является письмо Маркса к Анненкову от 28 декабря 1846 г. — разбор «Философии нищеты» Прудона.

В известном предисловии к книге Туна: «История революционных движений в России» Плеханов дает характеристику революционных течений 70-х и 80-х годов. Он сопоставляет с исследованием Туна, историка без «революционной точки зрения», без «свежести и оригинальности мысли», но добросовестного (стр. 81—82), брошюры по истории революционного движения Невзорова, Серебрякова и Тихомирова. «Это может быть принято за парадокс, но это неоспоримая истина» (стр. 90), — говорит, например, он о бакунистах и лавристах, полемизируя с Невзоровым-Стекловым (его брошюра: «Отказываемся ли мы от наследства?»), — «от искаженного, если хотите даже карикатурного, марксизма Бакунина и его последователей все-таки было ближе до научного социализма, чем от эклектического социализма Лаврова и лавристов» (стр. 91).

Разбирая книгу Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах», Плеханов отмечает некритическое отношение к источникам, в результате чего «книга не может дать читателю сколько-нибудь правильное понятие о политической борьбе семидесятых и восьмидесятых годов XIX века» (стр. 151).

Маленькая статейка «Царствование Александра III» есть характеристика внутренней политики: «Тридцать лет Александр III сеял ветер. Николаю II предстоит помешать тому, чтобы буря разразилась. Удастся ли ему это?» (стр. 168).

В двух небольших статьях: «Письмо Нью-йоркской организации» — к тридцатилетию группы «Освобождение труда» и «Первые шаги социал-демократического движения в России» говорится очень кратко об основных фактах первоначальной истории марксизма в России.

Статьи о Толстом: «Отсюда и досюда», «Смешение представлений», «Карл Маркс и Лев Толстой», «Еще о Толстом», «Толстой и природа» характеризуют Толстого как писателя, «который хотя и не понял борьбы за переустройство общественных отношений, оставшись к ней совершенно равнодушным, но глубоко почувствовал, однако, неудовлетворительность нынешнего общественного строя» (стр. 193—294). Общая оценка Плехановым Толстого такова: «Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем» (стр. 185).

В маленькой статье о Горьком по поводу его пьесы «Враги» Плеханов отмечает мастерство художника в изображении психологии рабочих масс и классовой борьбы.

Остальное содержание данного тома состоит из ряда мелких статей, помещенных в приложениях. Предисловие редактора Д. Б. Рязанова знакомит с происхождением вошедших в том материалов и отчасти с их содержанием.

Поль Лафарг. Сочинения. Том II. М. 1928. Стр. 504 + VI. Цена 3 руб. 25 коп.

Лафарг, подобно большинству классиков марксистской теории, работал почти во всех областях человеческого знания. Первобытная история, античный период, средние века и новая история, экономия теоретическая и прикладная, философия, история политических учений и учреждений, историко-литературные проблемы, естествознание и математика,— всеми этими отраслями знания Лафарг интересовался, основательно их знал, ко всем им подходил с марксистским методом, который блестяще усвоил в личном общении с его творцами. И если прибавить к этому большой литературный талант, страстный темперамент борца, большую любовь к трудящимся массам и такую же ненависть к их эксплоататорам, то станет понятно, почему Лафарг так захватывает своего читателя. Даже в своих несколько устарелых работах, даже когда читатель не совсем разделяет его взгляды, он властно будит мысль читателя, заставляет ее работать в определенном направлении. Вот почему нельзя достаточно настойчиво рекомендовать чтение Лафарга нашему подрастающему поколению марксистов.

Первый том сочинений Лафарга в издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса был посвящен главным образом программным вопросам и пропагандистско-публицистическим работам. Во втором томе собраны разбросанные по разным журналам и отдельным изданиям экономические работы Лафарга. Как в первом томе, так и в вышедшем теперь втором томе добрая половина статей впервые становится доступной русскому читателю: из шестнадцати статей, вошедших в этот том, девять впервые появляются на русском языке, а десятая появляется в радикально переработанном виде.

Из теоретических статей четыре посвящены полемике с буржуазными экономистами (Леруа-Болье, Блок, Парето и др.), главным образом по вопросам теории стоимости и прибавочной стоимости, а пятая выясняет экономическую функцию биржи (то же — этюд по теории стоимости) Далее в этом отделе следуют такие блестящие работы, как «Движение поземельной собственности во Франции», «Хлебная промышленность в Северо-американских соединенных штатах» и «Американские тресты».

Во втором отделе читатель найдет статьи, объединенные под заглавием «Социализм и социальный вопрос». Здесь мы имеем образцы полемики Лафарга по вопросам марксизма (полемика с Ришаром и Г. Спенсером), его пропагандистских речей и статей (не будучи оратором, Лафарг был одним из лучших пропагандистов социализма). Здесь же помещены обратившее на себя в свое время внимание даже крупных специалистов исследование «Преступность во Франции с 1840 по 1886 г.» и известная русскому читателю работа «Пролетариат физического и умственного труда».

Из известных русскому читателю статей почти все переведены заново. Статьи, впервые напечатанные в «Neue Zeit», сверены были, когда к тому представлялась возможность, с напечатанным французским текстом.

Джон Толанд. Избранные сочинения. Перевод с английского и латинского с предисловием А. Деборина. (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библиотека материализма», под общей редакцией А. Деборина и Д. Рязанова.) Гиз. М.— Л. 1927. Стр. 192. Цена 2 руб. 50 коп.

Этот выпуск «Библиотеки материализма» представляет собою перевод двух философских произведений Д. Толанда: «Письма к Серене» и «Пантеистикон». Под названием «Писем к Серене» изданы пять писем Толанда, из которых первые три адресованы прусской королеве Софии-Шарлотте, а два последних — одному голландскому спинозисту. Письмам предпослано предисловие в форме письма к «некоему господину в Лондоне», в котором автор рассказывает об обстоятельствах, побудивших его написать эти письма.

Темой первого письма является вопрос о происхождении и силе предрассудков. Ненормальные условия жизни, воспитания и образования, по мнению автора являются причиной появления предрассудков и их власти над людьми. Второе письмо трактует о бессмертии души. Толанд подвергает критике идею бессмертия, доказывая, что своим источником она имеет не бога, а людей. Идея бессмертия души возникла при определенных исторических условиях и опирается на практи-

ческие мотивы. Третье письмо излагает историю происхождения идолопоклонства. Важно отметить тот факт, что Толанд один из первых пытался объяснить происхождение идолопоклонства и религии вообще из земных условий и до некоторой степени предвосхитил теорию Фейербаха о происхождении религии. В четвертом письме Толанд подвергает критике систему Спинозы, стремясь доказать, что из принципов спинозизма невозможно объяснить движение и многообразие явлений мира. Пятое письмо трактует о проблеме движения, которое Толанд рассматривает как существенное свойство материи.

Второе произведение — «Пантеистикон» — дает описание союза философов, стремящихся к истине и исповедующих пантеистическое мировоззрение. Здесь излагается новое натуралистически-материалистическое учение, но в завуалированном виде.

В большом предисловии к произведениям Толанда А. М. Деборин дает представление о личности Толанда, об его философских взглядах и о том месте, какое ему принадлежит в истории философской мысли. К книге приложены библиография и указатель имен, составленные В. А. Поповой-Сурьяниновой.

ВЫСТАВКА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

К восьмидесятилетию «Коммунистического манифеста» 27 февраля текущего года в музее Института К. Маркса и Ф. Энгельса открылась выставка, посвященная жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Подготовительные работы начались за полгода до этого, и выставка должна была открыться значительно раньше — 7 ноября 1927 г., к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. Но в течение организационного периода количество материала невероятно разрослось по сравнению с тем, что первоначально предполагалось показать на выставке. Остались лишь основной план и с самого начала зафиксированные исторические и хронологические контуры,— конкретное воплощение плана и заполнение контуров материальным содержанием получили гораздо бóльшую полноту и богатство. Более 4 000 экспонатов были извлечены из инвентаря Института: около 2 000 книг, брошюр, листовок, номеров газет и журналов, около 1 000 писем, документов и иных рукописей, около 1 200 картин и портретов. Вследствие того, что материал так сильно разросся, не только пришлось отсрочить день открытия выставки, но и сочтено было необходимым радикально отклониться от первоначального задания. Раньше предполагалось организовать кратковременную выставку, с тем чтобы через несколько месяцев ее свернуть. Но в результате подготовительных работ создалось такое богатое, всесторонне проработанное и крепко слаженное собрание, что было решено не свертывать выставку, а преобразовать ее в постоянный музей, посвященный жизни и деятельности Маркса и Энгельса.

Выставка не ограничивается периодом жизни Маркса и Энгельса, а своим исходным пунктом берет начало «нового времени» — время возникновения капитализма. Из девяти зал, отведенных под выставку, первые три посвящены предыстории марксизма—предшественникам научного социализма как в теории, так и в области практики. Идеологическое развитие и история революционных и пролетарских движений доведены в первых трех залах до того момента, когда вполне созревшие Маркс и Энгельс решительно обратились к социализму и коммунизму, т. е. до 1843 г. До того же момента доводит следующий, четвертый, зал биографию Маркса и Энгельса. Здесь представлены родительский дом того и другого, школа, университет, социальное и идеологическое окружение, моменты, влиявшие на интеллектуальную эволюцию Маркса и Энгельса, научные и политические споры, в которых они приняли участие своими первыми литературными и публицистическими работами. И в остальных залах история жизни и деятельности Маркса и Энгельса демонстрируется на более или менее широком историческом фоне. Пятый зал посвящен годам «самоосознания» (1844 — 1846 гг.), в течение которых Маркс и Энгельс inter arma (с оружием в руках) — в ряде литературно-публицистических атак против Руге, Бауэра, Штирнера, «истинных социалистов» и Прудона — выработали свое мировоззрение, исторический материализм. Деятельность Маркса и Энгельса за 1848 — 1849 гг. и непосредственно до этого периода сплетается в шестом зале с историей революции и контрреволюции. Седьмой зал охватывает период от ликвидации первой международной пролетарской организации, Союза комму-

нистов, до основания первой политической массовой организации немецкого пролетариата, лассалевского Всегерманского союза немецких рабочих. Национальные и международные проблемы этого периода находят яркое отражение в необыкновенно интенсивной публицистической деятельности Маркса и Энгельса за эти годы. В следующем периоде (восьмой зал, левая половина) мы видим в Марксе центр всюду усиливающегося рабочего движения, наиболее влиятельное лицо в Генеральном совете Международного товарищества рабочих. После появления в свет «Капитала» и «Анти-Дюринга», история создания которых представлена также в этом зале (правая половина), все более и более крупные пролетарские массы и массовые организации становятся носителями марксизма. История марксизма, борьба за и против марксизма, в большой мере является в то же время историей рабочего движения в отдельных странах и в международном масштабе. Ей посвящены значительная часть восьмого зала, который доводит нас до смерти Маркса и включает в себя «угол Маркса» (его личной жизни), и еще бо́льшая часть последнего, девятого, зала, в котором представлен тот период, когда после смерти Маркса Энгельс во всех странах с промышленным пролетариатом сделался наставником быстро растущих социалистических партий и вождем в борьбе за победу марксизма. Конец этого зала посвящен основанию и первым конгрессам II Интернационала. Собранный здесь материал ярко демонстрирует как распространение и подавляющие успехи марксизма, так и враждебные ему анархистские и соглашательские течения.

Подробное описание выставки заняло бы слишком много места, и поэтому мы принуждены здесь от него отказаться. Институт предполагает издать подробный «путеводитель», но лишь осенью, когда будут произведены уже теперь намеченные дополнения и исправления. Чтобы дать читателю представление о структуре выставки, мы печатаем ниже ее общий обзор — темы девяти основных отделов, девяти зал, а затем, зал за залом, такой же схематический обзор тем, представленных в отдельных витринах. Подобно каждому из зал, каждая витрина и каждое отделение витрины представляют собой некие единства, созданные по строго научным принципам. Совокупность их воссоздает огромный исторический процесс, который состоит из следующих основных элементов: из истории жизни и деятельности Маркса и Энгельса, из возникновения и развития марксизма и из возникновения и развития европейского рабочего движения до смерти Энгельса.

Выставка носит не популярный, а научный характер. При соответствующем руководстве и соответствующих объяснениях она поучительна и интересна, как это доказано опытом, и для недостаточно подготовленных посетителей. Но главным образом она предназначается для лиц подготовленных — для учащихся, учителей и исследователей марксизма,— которые смогут много извлечь из массы выставленных источников, рисующих взаимоотношения между Марксом, Энгельсом и марксизмом, с одной стороны, и событиями, движениями, личностями, политическими и теоретическими проблемами — с другой. Если учащиеся и преподаватели наших вузов включат выставку в свой учебный план и будут систематически прорабатывать ее, то она сделается действенным орудием научной пропаганды марксизма.

В организации выставки принимали участие все отделы и почти все сотрудники Института. План ее был выработан специальной комиссией из ученых руководителей кабинетов с Д. Рязановым во главе. Подбор и систематизация материала были произведены особой группой сотрудников. Этот «выставочный аппарат» работал под руководством пишущего эти строки, которому особенно ценную помощь оказали: из научных сотрудников Института — т. О. Мэнхен, из научных сотрудников музея — т. Н. Розенфельд.

Э. Цобель.

ОБЩИЙ ОБЗОР ВЫСТАВКИ

Залы I—III. Предшественники научного социализма (марксизма): от Мора до Вейтлинга.

Зал I. Коммунизм и материализм XVI—XVIII веков. Идеологи поднимающейся буржуазии: от Маккиавелли до Гегеля и Рикардо.
Коридор. Разрушители машин: первое восстание рабочих против промышленного капитала.
Зал II. Великие утописты: Сен-Симон и сен-симонисты; Фурье, Оуэн.
Зал III. Социализм и рабочее движение с 1830 до 1842 г.: канун марксизма.

Залы IV—VI. Маркс и Энгельс до крушения революции 1848—1849 гг.

Зал IV. Молодые годы Маркса и Энгельса (1818—1844 гг.).
Зал V. Время «самоосознания»: от парижского «Форвертса» до «Немецкой идеологии» (1844—1846 гг.).
Зал VI. «Коммунистический манифест» и революция 1848—1849 гг.

Залы VII—IX. Маркс, Энгельс и марксизм до смерти Энгельса (1895 г.)

Зал VII. От раскола Союза коммунистов до I Интернационала: реакция, Крымская кампания и кризис; война за объединение Италии. Лассаль (1850—1864 гг.).
Зал VIII. Эпоха I Интернационала. «Капитал» и «Анти-Дюринг» (1864—1883 гг.).
Зал IX. Распространение марксизма в отдельных странах. Основание II Интернационала. Энгельс как учитель, руководитель и вождь рабочего класса (1883—1895 гг.).

З А Л I [1])

КОММУНИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ XVI — XVIII ВЕКОВ. ИДЕОЛОГИ ПОДНИМАЮЩЕЙСЯ БУРЖУАЗИИ: ОТ МАККИАВЕЛЛИ ДО ГЕГЕЛЯ

Мор. «Утопия»

В. 1—2: Первый утопист-коммунист на заре современного капитализма.
В. 1: «Утопия». Первое издание и самые ранние издания.
Н/с.: Портреты Мора.
В. 2a: Редкие издания «Утопии».
В. 2b: Редкие издания «Утопии». Первые биографии Томаса Мора.

Коммунистические движения от Крестьянской войны в Германии до французской революции

В. 3a: Великая крестьянская война в Германии. 12 требований. Лютер и крестьяне.
В. 3b: Томас Мюнцер. Перекрещенцы в Мюнстере.
В. 4a: Социализм и демократия в английской революции. Левеллеры и диггеры.
В. 4b: Гартлиб. Корнелиссон. Беллерс. Мильтон. Гаррингтон.
В. 5a: Социальный клуб. Бешеные.
В. 5b: Якобинцы в Англии, Германии и Австрии: Спенс; Лондонское корреспондентское о-во (Гарди, Голкрофт, Телуол, Плейс). Георг Форстер и майнцская революция 1792—1793 гг. Заговор Мартиновича.
В. 6a: Заговор «равных»: Гракх Бабёф, Сильвен Марешаль.
В. 6b: Рукописи и письма Бабёфа.
Н/с: «Манифест равных».

Политические, философские и экономические идеологии

В. 7a: Политические теории от Маккиавелли до французской революции.
В. b: Утопии от Кампанеллы до Буасселя.
В. 8a, b: Рационализм и материализм в XVI—XVIII веках от Декарта до Кабаниса. От Бэкона до Ламеттри.

---

[1]) Сокращения: В — витрина, Н/с. — на стене, М — Мольберт.

В. 9a: Политическая экономия от Петти до Рикардо. Меркантилисты, физиократы, классики.
В. 9b: Классическая немецкая философия. Кант, Фихте, Шиллинг, Гегель.

Проход: Разрушители машин: первое восстание рабочих против промышленного капитала.
Справа: Луддиты. Кровавая баня на площади св. Петра.
Слева: Шествие рабочих на Лондон в 1817 г.

З А Л II

ВЕЛИКИЕ УТОПИСТЫ: СЕН-СИМОН И СЕН-СИМОНИСТЫ; ФУРЬЕ; ОУЭН

Сен-Симон

Н/с: Религия сенсимонизма.
В. 1a: Сен-Симон.
В. 1b: Сенсимонизм: Базар, Анфантен, О. и Е. Родриг.
В. 1c.: Сенсимонизм: Шевалье, Лешевалье, Эмиль и Исаак Перейр, д'Эйхталь, Барро, Фурнель.
В. 2a: Сенсимонистская агитационная литература. Сенсимонистское женское движение.
В. 2b: Сенсимонистская пресса.
Н/с.: Руссие сенсимонисты.
В. 3: Менильмонтан. Сенсимонистская поэзия, музыка, костюмы.

Фурье

М.: Шарль Фурье.
Н/с: Фурьеризм.
В. 4a: Шарль Фурье.
В. 4b: Первые систематические изложения системы Фурье: Гатти де-Гамон, Эннекен и др.
В. 4c: Фурьеристская пресса.

Оуэн

М: Роберт Оуэн.
В. 5: Роберт Оуэн и Нью-Ланарке.
В. 6a: Агитация Роберта Оуэна.
В. 6b: Оуэнистская пресса.
В. 6c: Антикапиталистические экономисты из рикардианской и оуэнистской школы: Годскин, Морган, Комб, Грэй, Томсон, Брэй.

З А Л III

СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ С 1830 ДО 1842 г.: КАНУН МАРКСИЗМА

Франция

Верт.: Парижская Июльская революция 1830.
Н/с.: Карикатуры на Июльскую революцию.
В. 1a, b: Французские тайные общества 30-х годов. Восстания в Лионе в 1831 и 1834 гг. и в Париже в 1834 и 1839 гг.
В. 1c: Социэтарная школа (фурьеристов). Консидеран.
В. 1d: Необабувизм. Революционные коммунисты («грубый» коммунизм): Лапоннере, Лаотьер, Торе, Дезами.
Н/с.: Русские фурьеристы (кружок Буташевич-Петрашевского).
В. 2: Этьен Кабэ.
В. 3: Феодальный и христианский социализм. Де-Монг, Вильнев-Баржемон, Ламеннэ.
В. 4: Леру и Прудон.
В. 5: Луи Блан и Флора Тристан.

Англия

Н/с.: Лига борьбы против хлебных законов.
В. 6a: Английский радикализм в начале 30-х годов.
В. 6b: Чартизм. Восстание в Ньюпорте в 1839 г.
В. 6c: Расцвет чартизма в 1842 г.

Германия и Швейцария

Н/с.: Карл Занд.
В. 7a: Отклики Июльской революции в Германии. Гамбахский праздник. Вейдиг. Буршеншафты и ремесленники (И.-Ф. Беккер).
В. b: Вильгельм Вейтлинг.
В. c: Вейтлингианцы в Швейцарии. Молодая Германия в Швейцарии.
Н/с.: Польское восстание 1831, 1836 гг.

З А Л IV

МОЛОДЫЕ ГОДЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА (1818—1844 гг.)

В. 1a: Рейнская провинция в первой трети XIX века. Наполеоновское наследство. Прусское государство и католическая церковь. Либеральная буржуазия.
В. 1b: Семья Маркса. Гимназические годы. Трирский коммунист Людвиг Галл.
В. 1c: Боннский университет.
В. 2: Бармен и Эльберфельд. Вуппераль и Муккераль. Предки Энгельса и его семья. Гимназические годы. Первые поэтические опыты.
В. 3a: Маркс в Берлинском университете. Поэтические опыты. Его профессора:

Савиньи, Ганс и др. Докторский клуб. Бруно Бауэр. Королевско-прусская государственная философия и ее противники — историческая школа права, «позитивная философия», ортодоксальный пиэтизм.

В. 3b: Докторская диссертация Маркса. Получение диплома в Иене.

В. 3c: «Новая эра». Фридрих Вильгельм IV—романтик на троне цезарей. Юбилейное произведение Кёппена.

В. 3d: Молодая Германия. Бёрне и Гейне. Энгельс в Бремене. Сотрудничество в гуцковском «Телеграфе».

В. 4: Политическая домартовская поэзия.

Младо-гегельянцы и Фейербах

В. 5: Критика религии. Давид-Фридрих Штраус. «Галлеские летописи». Арнольд Руге.

В. 6a: Критика религии. Людвиг Фейербах.

В. 6b: Критика религии. Бруно Бауэр. «Философия самосознания». «Трубный глас страшного суда». «Торжество веры».

В. 6c: Борьба с шеллинговской философией откровения. Брошюры Энгельса.

В. 6d: Критика христианско-германского государства. «Немецкие летописи». «Атенеум» («Безумные песни»).

«Рейнская газета» и «Немецко-французские летописи»

В. 7: «Рейнская газета». Основание и сотрудники. Карикатура Энгельса на «свободных».

Н/с.: «Свободные». «Рейнская газета». Кёльн около 1840 г.

В. 8a: Борьба с цензурой. Конец «Рейнской газеты».

В. 8b: Женитьба Маркса. Историко-политические занятия в Крейцнахе. Критика гегелевской философии права.

В. 8c: «Немецко-французские летописи». Статья Энгельса в «Швейцарском республиканце» и в «Новом нравственном мире».

ЗАЛ V

ЭПОХА «САМООСОЗНАНИЯ»: ОТ ПАРИЖСКОГО «ФОРВЕРТСА» ДО «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ» (1844—1846 гг.).

Париж

Н/с.: Русские в Париже в 40-х годах.

В. 1a: Маркс в Париже в 1844 г. Парижский «Форвертс». Разрыв с Руге.

В. 1b: Занятие Маркса в Париже вопросами французской революции и политической экономии.

Н/с.: Историки французской реставрации: Тьерри, Тьер, Гизо, Минье.

Н/с.: Первые экономические работы Маркса.

Н/с.: Маркс и Гейне.

В. 2a: «Святое семейство». Сведение счетов с Бруно Бауэром.

В. 2b: «Положение рабочего класса в Англии».

Н/с.: Восстание силезских ткачей в 1844 г.

Брюссель

В. 3: «Немецкая идеология»: первое изложение материалистического понимания истории.

В. 3a: Немецкий, или истинный социализм.

В. 3b: Послегегелевская немецкая философия: Фейербах; «Лейпцигский Собор» (Бр. Бауэр); «Святой Макс» (Штирнер).

Н/с.: Участие Маркса и Энгельса в изданиях «истинного социализма». «Тезисы о Фейербахе». Статья Энгельса в «Полярной звезде» и «Новом нравственном мире».

ЗАЛ VI

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ» И РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг.

Канун революции

В. 1a: Маркс в Брюсселе. «Размежевание»: манифест против Криге; разрыв с Прудоном: «Нищета философии»; разрыв с Вейтлингом. Брюссельский корреспондентский комитет.

В. 1b: «Немецко-брюссельская газета». Полемика с Гейнценом. Демократическая ассоциация. Речи Маркса о Польше и свободной торговле.

В. 1c: Союз коммунистов. Лондонская «Коммунистическая газета».

Революция

Н/с.: Лола Монтец.

Н/с.: Февральская революция в Париже.

В. 2a: Февральская революция в Париже.

В. 2b: Высылка Маркса из Брюсселя. Кёльнское восстание 3 марта 1848 г.

В. 3a: «Коммунистический манифест». Оба лондонских первых издания и ранние нерусские издания.

В. 3b: «Коммунистический манифест». Русское первое издание и русские ранние издания.

II. 3: «Коммунистический манифест»: позднейшие издания на всех языках.

В. 4a: Мартовская революция в Вене.

В. 4b: Мартовская революция в Берлине. Союз коммунистов в Париже. «Требования коммунистической партии в Германии». Легионы Гервега и И.-Ф. Беккера.
Сте́на: Мартовские дни в Вене и в Берлине.
Мольберт: Австрийская конституция от 25 апреля 1848 г. с собственноручной подписью короля и совета министров.
В. 5a: «Новая рейнская газета» — основание, сотрудники. Газета Рабочего союза в Кёльне — орган кёльнских ультра-левых.
В. 5b: Июньские дни в Париже.
В. 5c: Париж с июня до выборов Наполеона президентом в декабре 1848 г.
В. 6a: Франкфуртское национальное собрание и сентябрьское восстание.
В. 6b: Берлинское национальное собрание. Маркс и кёльнский Рабочий союз. Сентябрьские события в Кёльне.
В. 6c: Славянское движение. Славянский конгресс в Праге. Бакунин и «Новая рейнская газета».
В. 6d: Австрия с марта до октября.
М.: Сербское национальное собрание в Карловицах в мае 1848 г.
В. 7a: Маркс в Вене в августе 1848 г. Рабочее движение в Вене.
В. 7b: Рабочее движение в Германии. Ремесленный и рабочий конгрессы. Вейтлинг в Берлине и Гамбурге. Стефан Борн и Братство рабочих.

Победа контрреволюции

Н/с.: Октябрьские дни в Вене. Баррикадные бои. Расстрел Мессенгаузера и Блюма.
М.: Маркс в «Новой рейнской газете» (10 мая 1849 г.) о Гогенцоллернах.
М.: Прощальный номер «Новой рейнской газеты» (19 мая 1849 г.).
В. 8a: Прусская реакция. Отказ платить налоги. Маркс перед кёльнскими присяжными. Фрейлиграт в редакции «Новой рейнской газеты».
В. 8b: Борьба и поражение Венгрии.
В. 8c: Борьба за имперскую конституцию. Восстания в Эльберфельде (Энгельс) и Дрездене (Бакунин, Борн).
В. 8d: Борьба за имперскую конституцию. Баденско-пфальцский поход. Энгельс в рядах добровольцев Виллиха.
В. 9a: Франция от декабря 1848 г. до второго июньского восстания в 1849 г. Партия «Горы». Высылка Маркса в Морбиган.
В. 9b: Поражение английского чартизма в 1848—1850 гг.

З А Л VII

ОТ РАСКОЛА СОЮЗА КОММУНИСТОВ ДО I ИНТЕРНАЦИОНАЛА: РЕАКЦИЯ, СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ И КРИЗИС, АВСТРО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Лассаль (1850—1864 гг.).

В. 1a: Лондон и Манчестер. «Новая рейнская газета». Политико-экономическое обозрение.
В. 1b: Реорганизация Союза коммунистов. Связь с бланкистами и чартистами. Раскол. Фракционная борьба. Арест Нотъюнга. Государственный переворот Луи-Наполеона 2 декабря 1851 г.
В. 2a: «Революция» Вейдемейера в Нью-Йорке.
В. 2b: Кёльнский процесс коммунистов в 1852 г. «Разоблачения». Полицейские преследования коммунистов.
В. 3a: Сотрудничество Маркса в чартистских газетах. Юлиан Гарни и Эрнест Джонс.
В. 3b: Буржуазная эмиграция. «Великие люди в изгнании». Спор вокруг Бакунина в 1853 г.
Н/с.: Вожди буржуазной эмиграции. «Альянс европейской демократии».
В. 4: Борьба против русского главенства. Маркс и Уркарт. Сотрудничество Маркса в «Free Press». Кампания против Пальмерстона. Спор вокруг Бакунина в 1862 г.
В. 5: «Новая американская энциклопедия». Военные работы Энгельса («Крымская кампания», «Австро-итальянская война»).
Н/с.: Севастопольская кампания.
В. 6a и b: Публицистическое сотрудничество Маркса и Энгельса в радикально-демократических органах. «Нью-Йоркская трибуна», «Новая Одер-Цейтунг». Венская «Пресса».
В. 7a: «К критике политической экономии». Австро-итальянская война. «Народ».
В. 7b: Кампания против Наполеона III. «Господин Фогт».
В. 7c: Лассаль до 1862 г. Посещение Марксом Лассаля в Берлине 1861 г.
В. 7d: Агитация Лассаля. Всеобщий германский рабочий союз.

З А Л VIII

ЭПОХА I ИНТЕРНАЦИОНАЛА И «КАПИТАЛ» (1864—1883 гг.)

Интернационал до франко-прусской войны

М.: Лондонская всемирная выставка 1862 г.
Н/с.: Наполеон III. Толен. Хлопчатобумажный голод.
В. 1a: Предыстория Интернационала. Английские профсоюзы и кооперативные товарищества. Французская рабочая делегация на Лондонской всемир-

ной выставке. Польское восстание 1863 г.
B. 1b: Основание Интернационала. Приветственный адрес и статуты.
B. 1c: Организация Интернационала. Генсовет. Доклад Маркса о «стоимости, цене и прибыли».
B. 2a: Женевский (1866 г.), Лозаннский (1867 г.) и Брюссельский (1868 г.) конгрессы.
B. 2b: Базельский конгресс (1869 г.) и отношение Интернационала к франко-прусской войне.
B. 2c: Бакунин и Альянс до Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна и Интернационал

B. 3a: Сатирические газеты Коммуны. Сцены из истории Коммуны.
B. 3b: Выдающиеся деятели Коммуны. Документы Коммуны.
M.: Воззвание Центрального комитета. Национальной гвардии от 4 марта 1871 г.
M.: Декреты Парижской Коммуны. Запрещение ночной работы в булочных.
B. 4a: Французская секция Интернационала в Парижской Коммуне. Письма выдающихся коммунаров.
B. 4b: Интернационал и Коммуна. Маркс и Коммуна.
H/c.: Рукописные подготовительные работы Маркса к «Гражданской войне во Франции».
B. 5a: «Гражданская война во Франции». Первое издание и более поздние издания на различных языках.
B. 5b: Газеты Интернационала. Газеты Коммуны.
Вер.: История Коммуны в плакатах и рисунках.
M.: Воззвание французской секции Интернационала к немецкому народу.

Интернационал после Коммуны

H/c: «Дурное видение» (Интернационал). Бакунин.
B. 6a: Угроза раскола в Интернационале: Лондонская делегатская конференция (сентябрь 1871 г.) и конгресс в Сонвилье (январь 1872 г.).
B. 6b: Гаагский конгресс (1872 г.). Речь Маркса в Амстердаме. Раскол Интернационала.
B. 6c: Интернационал в Америке. Генсовет в Нью-Йорке. Ф.-А. Зорге.
B. 7a: Бакунисты и марксисты в романских странах после Гаагского конгресса. Интернациональные конгрессы бакунистов с 1873 до 1880 г.
B. 7b: Русская и славянская секция Интернационала в Женеве и Цюрихе.
B. 7c: Маркс, Энгельс и русское революционное движение — «Народная воля», Ткачев, Лавров.

Марксисты и антимарксисты в немецком и французском рабочем движении (1864—1883 гг.)

M.: Эйзенахцы и лассальянцы перед Готским конгрессом. (Картограмма.)
B. 8a: Немецкое рабочее движение от смерти Лассаля до основания Германской империи.
B. 8b: От основания Германской империи до смерти Маркса. Объединение в Готе в 1875 г. Маркс и Готская программа. Закон против социалистов. Иоганн Мост.
B. 8c: Французское рабочее движение до смерти Маркса. Маркс и программа французской Рабочей партии.
H/c.: Материалы к истории закона против социалистов.

«Капитал»

B. 9a: Читальный зал Британского музея. Разложение английской классической экономии. Английские теоретики денег. Антикапиталистические теории.
B. 9b: Английская вульгарная экономия. Тюнен и Родбертус.
B. 10a и b: Источники «Капитала»: о фабричной системе и о положении рабочих в Англии и Франции. Отчеты английских фабричных инспекторов.
B. 11a: Из лаборатории «Капитала». Наброски, конспекты, выдержки.
B. 11b: Как критика встретила «Капитал».
B. 12: «Капитал». Все авторские издания. Русское первое издание. Популяризации при жизни Маркса.
B. 13: Французское, английское, польское, датское и голландское первые издания «Капитала».
Этажерка: Собрание всех изданий «Капитала» с 1895 года.
B. 14a: Как встретили «Капитал» в России. Маркс и вопрос о русской общине.
B. 14b: Критика «Капитала» в России в 70-х гг. Влияние «Капитала» на русскую историографию и политическую экономию при жизни Маркса. Научные друзья Маркса в России.
B. 15a: «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» Энгельса. Маркс, Энгельс и естествознание.
B. 15b: «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Личный уголок Маркса

B. 16a: Смерть Маркса.
B. 16b: Личная жизнь Маркса, друзья.
H/c.: Иконография Маркса, его семьи и родственников. Ближайшие друзья.
B. 17a: Жена и дети Маркса. Письма и рукописи.
B. 17b: Внешность Маркса в описании его современников.

ЗАЛ IX

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ ОТ СМЕРТИ МАРКСА ДО СМЕРТИ ЭНГЕЛЬСА. ОСНОВАНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА (1883—1895 гг.)

B. 1a: Энгельс и немецкое рабочее движение до отмены закона против социалистов.
B. 1b: После отмены закона против социалистов.
B. 1c: Энгельс и русское рабочее движение. Группа «Освобождение труда».
B. 1d: Энгельс и польское рабочее движение.
B. 2: «Развитие социализма от утопии к науке». Первое издание и наиболее ранние издания.
B. 3a: Английское рабочее движение до смерти Энгельса. Социал-демократическая федерация. Социалистическая лига. Американская поездка Энгельса.
B. 3b: Рабочее движение во Франции, Бельгии, Голландии и Швейцарии до смерти Энгельса.
B. 3c: Рабочее движение в Италии, Испании и северной Европе до смерти Энгельса.
B. 3d: Рабочее движение в Австро-Венгрии и в балканских странах до смерти Энгельса.
B. 4a: Энгельс и основание II Интернационала в Париже в 1889 г. Брюссельский конгресс 1891 г.
B. 4b: Цюрихский конгресс 1893 г. Энгельс в Цюрихе.
H/c.: Первые немецкие, австрийские, чешские номера первомайских изданий.

Личный уголок Энгельса

B. 5a: Из личной жизни Энгельса. Изучение языков.
B. 5b: Смерть Энгельса. Интернациональные отклики на его смерть.
H/c: Иконография Энгельса.
M.: Стейнлен: Интернационал.
H/c.: Первое мая в искусстве.

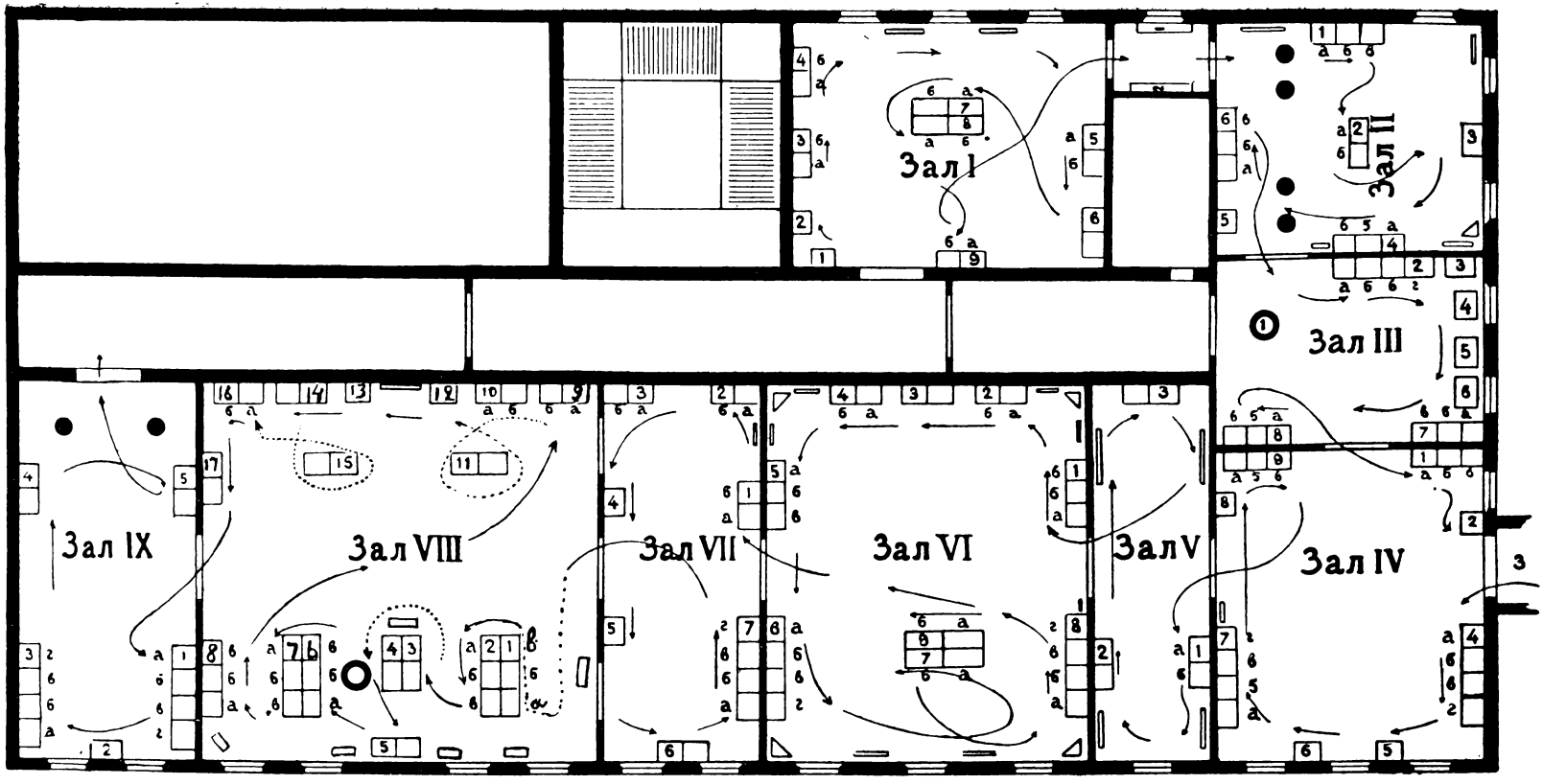


СХЕМА ВЫСТАВКИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ ЗА 1923—1927 гг.

Читальный зал официально существует с 1923 г. Но с самого основания Института К. Маркса и Ф. Энгельса всегда имелось помещение, в котором отдельные лица могли пользоваться его книжным богатством. После переезда в собственное здание под читальный зал было отведено лучшее помещение. Читальный зал, как книгохранилище, постепенно разрастался. Сначала в нем были главным образом справочники, журналы, серии, а затем, расширяясь, он превратился в кабинет, объединяющий в концентрированном виде все отделы кабинетов. Эта трудная работа отбора книг и выделения их по отделам заканчивается, и по окончании ее будет приступлено к составлению печатного каталога читального зала.

Другая часть работы читального зала — предоставление возможности читателям заниматься исследовательской работой. Сначала эта возможность была очень ограничена, с осени 1922 г. начался более правильный прием читателей, а с февраля 1923 г. читальный зал был официально открыт. С этого времени введена была правильная отчетность, благодаря которой можно привести следующие данные.

Число принимаемых читателей медленно, но из года в год возрастало:

в 1923	году	принято	было	135	человек
» 1924	»	»	»	185	»
» 1925	»	»	»	235	»
» 1926	»	»	»	316	»
» 1927	»	»	»	412	»

Число посещений читателей возросло за эти годы в 5,07 раза.

Число книг, взятых с 1923 г., увеличилось:

по каб.	социологии	в 1,08 раза	по каб.	философии	в 3,08 раза
» »	социализму	» 2,06 »	» »	Франции	» 5,04 »
» »	экономике	» 3,05 »	» »	Англии	» 6,08 »
» »	Германии	» 3,07 »			

Больше всего книг было взято (в процентах):

из читального зала	34,3	из каб. Франции	6,7
» каб. философии	14,1	» » Англии	4,9
» » Германии	11,6	» » социологии	3,05
» » экономики	11,1	» » Плеханова	3,1
» » социализма	6,9	» » права и др.	3,8

За отчетные годы больше всего требовались сочинения по вопросам революционного движения в разных странах, протоколы партийных съездов, книги по общим вопросам теоретической экономии и по основным вопросам философии. Из авторов: Маркс (преимущественно I том «Капитала») и Гегель («Малая логика»).

Более подробные сведения о распределении читателей по составу мы имеем за последний год. Бо́льшая часть читателей, зарегистрированных в последний год, посещала читальный зал и в предыдущие годы.

Из 412 человек больше всего было читателей (в процентах):

1) аспирантов — Ассоциации научно-исследов. инст. . . . 26,9
2) научных сотрудников 20,1
3) студентов (Ленинские курсы, КУТВ, КУЗ, МГУ и др.) . . 19,9
4) слушателей Института красной профессуры, оконч. вузы, состоявших в других исследовательских институтах 16,8
5) профессоров 6,8
6) преподавателей, лекторов 6,8
7) политработников (Коминтерн, Профинтерн и др.) . . . 2,4

Если подвести эти рубрики под более широкие категории, то получатся 4 группы: (в процентах):

1) самостоятельные работники — профессора, научные сотрудники, преподаватели 34
2) аспиранты Ассоциации научно-исследов. институтов, работающие под руководством профессоров 43,7
3) учащиеся 19,9
4) политработники, выполняющие практические задания . 2,4

По специальностям читатели распределяются так (в процентах):

историков	44,4	юристов	3,7
экономистов	27,2	языковедов (литература) .	1,6
философов	21,1		

Е. Немчинова

Ответственный редактор: Д. РЯЗАНОВ

Редакционная коллегия: А. ДЕБОРИН, Н. КАРЕВ, Д. РЯЗАНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ МАРКС-ЛАССАЛЬ

Переписка Лассаля с Бисмарком. С предисловием Д. Б. Рязанова 3

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского . . . 26
Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса 41

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. С предисловием Ф. Шиллера 50
Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. Сообщение И. К. Луппола . . . 62

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервегу. С предисловием Б. Николаевского . . . 76
П. Аксельрод. Группа «Освобождение труда». (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний») 82

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. История философии и диалектический материализм 113
II. Марксизм и биология 118
III. Марксизм и религия 123
IV. Политическая экономия и история общественных форм 127
V. История социализма и анархизма в Западной Европе 135
VI. История революционного движения на Западе 139
VII. История революционного движения в России 144
VIII. Издания Института К. Маркса и Ф. Энгельса 158

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Выставка Маркса и Энгельса. С предисловием Э. Цобеля 163
Читальный зал за 1923—1927 гг 171

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 г.

НА ЖУРНАЛ

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

ВЫХОДИТ 4 КНИГИ В ГОД

ЖУРНАЛ СОСТОИТ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ОТДЕЛОВ:

1) Статьи и исследования; 2) Документы и материалы; 3) Критика и рецензии; 4) Сообщения отдельных кабинетов Института

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

ставят своей задачей отражение текущей работы Института по изучению литературного наследства Маркса и Энгельса, изучение влияния марксистской мысли на русскую литературу, а также критический обзор современной литературы по истории и теории марксизма

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год—4 рубля

Цена отдельного номера—1 руб. 25 коп.

Книги I, II и III

ЛЕТОПИСЕЙ МАРКСИЗМА,

вышедшие в 1926 и 1927 гг.,

высылаются подписчикам по 1 руб. за книгу.

Пересылка за счет подписчика.

Продажа отдельных книг во всех магазинах Госиздата и киосках.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, центр, Рождественка, 4, Госиздат, тел. 4-87-19, Ленинград, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-48-05, в отделения и магазины.

1 р. 25 к.